ГРИГОРИЙ СИНЕГЛАЗОВ

ЗА РЕШЕТКОЙ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Григорий Синеглазов

За решёткой

«Автор»
2026

Синеглазов Г. И.

За решёткой / Г. И. Синеглазов — «Автор», 2026

Боря недавно окончил университет и устроился на хорошую работу. Но ощущение нехватки денежных средств не пропало. Друг рассказал ему о том, как легко ограбить заведение, в котором грабителю запрещено оказывать сопротивление. Боря попробовал — и оказался в тюрьме. С тех пор его жизнь круто меняется. Да что там жизнь! Взгляды, мнения, понятия — всё меняется. По ходу романа Боря становится другим человеком, с презрением глядя на себя в прошлом.

© Синеглазов Г. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Оглавление 5
Глава 1. Подготовка. 10
Глава 2. Совершение 13
Глава 3. Задержание. 15
Глава 4. Обезъянник 18
Глава 1. Объяснение 21
Глава 2. Возбуждение уголовного дела. 24
Глава 3. ИВС 30
Глава 4. Избрание меры пресечения 37
Глава 5. Бутырка 41
Глава 6. Карантин 49
Глава 7. Общая хата 55
Глава 8. Касатка на меру пресечения 70
Глава 9. Опознание 80
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Григорий Синеглазов
За решёткой

Оглавление

ПРОЛОГ····4
Часть 1. ПРЕСТУПЛЕНИЕ
Глава 1. Подготовка···· 7
Глава 2. Совершение ···· 10
Глава 3. Задержание····11
Глава 4. Обезьянник· ····14
Часть 2. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ
Глава 1. Объяснение· ····17
Глава 2. Возбуждение уголовного дела····19
Глава 3. ИВС····25
Глава 4. Избрание меры пресечения····31
Глава 5. Бутырка····35
Глава 6. Карантин····42
Глава 7. Общая хата····48
Глава 8. Касатка на меру пресечения····62
Глава 9. Опознание····71
Глава 10. Пятиминутка····84
Глава 11. Продлёнка····93
Глава 12. Касатка на продлёнку····105
Глава 13. Кошкин дом····110
Глава 14. Обвинительное заключение ····125
Часть 3. СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО
Глава 1. Предварительное слушание····144
Глава 2. Опрос потерпевшего····156
Глава 3. Свидетели обвинения····165
Глава 4. Свидетели защиты····174
Глава 5. Опрос подсудимого····180
Глава 6. Судебные прения····189
Глава 7. Приговор····200
Часть 4. ОТБЫВАНИЕ НАКАЗАНИЯ
Глава 1. Касатка на приговор····205
Глава 2. Этап····209
Глава 3. Прибытие в колонию····226
Глава 4. Карантин····230
Глава 5. Распределение····239
Глава 6. Трудоустройство····244
Глава 7. Колония-поселение····249
Глава 8. Штрафной изолятор····269
Глава 9. УДО····285
Глава 10. Освобождение····293
Часть 5. СУДИМОСТЬ
Глава 1. Постановка на учёт····296

Глава 2. Поиск работы·····302
Глава 3. Ежемесячные отметки·····304
Глава 4. Снятие с учёта·····307
Глава 5. Попытка снять судимость·····309
Глава 6. Судимость погашена·····316

ПРОЛОГ

В Москве стояла непривычная для октября жаркая погода. Точнее летом она обычному человеку показалась бы холодной, но если на улице календарная осень – подобное потепление кажется жарой. Небо чистое, ни единого облачка. Солнце хоть и припекает землю, но температура не поднимается выше пятнадцати градусов. Дует лёгкий, прохладный ветерок. В такую погоду интересно смотреть на прохожих, ведь по их одежде можно понять — откуда они. Если кавказца или среднеазиата можно в любую погоду определить по лицу, то русские прохожие, как правило, что москвичи, что приезжие – выглядят одинаково. Но именно в описываемый «жаркий» октябрь москвичи всегда одеты в куртки и свитеры, в то время как лимита с Урала и Сибири ходит налегке.

Борис ненавидел погодку, в которую невозможно надеть куртку, хотя и мерзнуть тоже не любил. То есть сейчас стояла именно подходящая ему теплая осень. Он никогда не ходил на пляж, поскольку не получал никакого удовольствия от купания в водоёмах, будь то: река, озеро, море, океан… Что касается чистоплотности – всегда можно принять душ, и ты чист. А преимущество ходьбы по улице в куртке, по мнению Бориса, налицо. У куртки столько карманов: наружные, внутренние, боковые, под замком и без молнии. Во внутренний карман можно положить документы, в том числе паспорт, в карман под замком можно положить кошелёк, мобильный телефон, в карман без замка положишь перчатки на случай похолодания. А летом, когда идёшь по улице без куртки, всё вышеперечисленное (разве что кроме перчаток, которые носить с собой – не сезон) ты кладёшь в сумку и тащишь её везде. А это Борис считал крайне неудобным.

Вообще-то его звали не Борис, а Бодрослав. Его отец, Григорий, был помешан на древнеславянской культуре. Историк по образованию, патриот по убеждению, он знал всё о древних славянах – ариях, и искренне считал, что его дети должны носить исконно русские имена. Меньше всего повезло в этом смысле старшему сыну. Его он решил назвать в честь себя. Поскольку Григорий – имя не исконно русское, а самое что ни на есть греческое, и переводится как «бодрый», то он решил поискать славянское имя, связанное с бодростью. Покопавшись в словарях, он нашёл лишь следующее: «Бодричи – славянский этнос, живший примерно в I-IX вв. н.э. на территории современной юго-восточной Германии», и имя Светозар, означающее, что человек просыпается ни свет ни заря. Не найдя подходящего имени из существующих славянских, историк Григорий решил придумать имя сам. Вот и придумал, самым славянским способом. Приставил к распространённому окончанию «-слав» слово «бодрость», вот и получился Бодрослав.

Своё оригинальное имя «Бодрый» Слава очень не любил. Как его только не дразнили в школе: и «Бодря», и «Ободрит», и «Бодающий». Поэтому одношения с одноклассниками не заладились с первого класса. Боря был зачинщиком драк, но, в силу слабой физической подготовки, в большинстве из них был бит. Получив хороший нагоняй от родителей, стал учиться скрывать своё участие в драках. Он завёл себе друга Пашу, мать которого работала врачом, и периодически передавала премудрости своей профессии сыну. После каждой драки, зачинщиком которой снова был Боря, он ходил к Паше обрабатывать синяки, и более-менее прилично выглядел перед родителями.

В 14 лет пришло время получать паспорт, и первым делом Слава заявил, что хочет себе другое имя, и выбрал наиболее похожее по звучанию Борис. К тому времени те из одноклассни-

ков, которые стали его уважать за драчливость называли именно так. Отец его смог уговорить оставить в паспорте лишь окончание «слава», так что по паспорту Боря всё же был Борислав, но с этим именем одноклассники его уже не дразнили, а стали побаиваться. Став официально Борей, он расширил круг своих друзей. Теперь кроме Паши в него входили несколько главных школьных хулиганов. На каждой перемене Боря в этой компании вылавливал учеников начальных классов с требованием денег. А родители им давали на карманные расходы и на питание в столовой. Малолетки не могли дать отпор старшеклассникам, поэтому данная «операция» проходила почти с каждым разом успешно. Почти, потому что встречались первоклашки, у которых порой денег не было при себе. Тряси не тряси такого мелкого, а если денег нет, то и не вытрясешь. А порой среди них попадались и такие, которые докладывали взрослым о попытках грабежа. И, поскольку, родители Бори – интеллигентные люди, то прослышав о подобном поведении своего чада, его ждал очень неприятный разговор дома. Разговоры на Борю не действовали, и ближе к концу школы, он научился скрывать свой гоп-стоп. Сделать это оказалось несложно: просто запоминай, кто из первоклашек всегда при деньгах, и кто точно ничего не скажет училкам. Так родители думали, что у них растёт взрослый и умный сын, а по факту рос гопник, делающий первые криминальные шаги в жизни.

Вот и вошёл Борислав Григорьевич (или Борис Григорьевич) во взрослую жизнь с новым именем. Несмотря на криминальные увлечения в старших классах, Боря всё же поступил в финансово-юридический университет. Новые борины друзья уже не были гопниками, и не вымогали деньги у малолеток. Поэтому временно гоп-стоп стал лишь бориным прошлым. Но кое-что из криминального опыта Боре всё же пригодилось в университете. Он устроился подрабатывать в ночном клубе диск-жокеем. Придумал себе звучный псевдоним Ди-джей Брюс, поскольку не что иное как Брюс считал английским аналогом своего неславянского имени. Отрастил волосы покрасил их в некую смесь зелёного, красного и синего цвета. Стал похож на Денниса Родмана, этаким дота-панком. Но диджеи многие выглядят так. А так же он приобрёл себе пневматический пистолет. Пневматика не требовала разрешения на ношение, однако требовала ношения при себе характеристики оружия, чтобы быстро решать вопрос о законности такого предмета. Ну и публика в ночном клубе бывает разная, иногда охранника не дождёшься, чтоб проблему решил, а пневмат решает их быстрее всякой охраны.

По окончании университета избавился от своей кислотной причёски, сбрил рейверскую разноцветную бороду, переоделся в пиджачок с белой рубашкой и устроился работать менеджером по продажам в Сбербанк. А когда выходил на прогулку, на улицу, либо надевал куртку поверх пиджака, либо пиджак оставлял на работе. Вобщем, внешность стала неузнаваемой и цивильной.

В тот самый теплый осенний вечер, по окончанию пятничного трудового дня, Боря решил прогуляться пешком до Чистых Прудов, где ему назначил встречу университетский приятель Лёша. Алексей после окончания университета не пошёл по специальности, а продолжил маяться ерундой, подрабатывая на многочисленных московских «халтурках». Как стало модно говорить с начала «нулевых» годов, зарабатывал себе на жизнь «фри-лансом».

И вот «фрилансер» Лёша, вероятно, настолько истосковался по своему университетскому приятелю Боре, что предложил тому посидеть «где-нибудь на Чистяках, попить пива с суши». Благо вдоль Чистопрудного бульвара располагался ресторан «Япоша», в котором можно, и попить пива, и отведать суши. Хотя нет, Лёша не скучал по Боре. Он вообще набрал его почти случайно. С большим желанием выпить искал компанию на пятничный вечер, но часть друзей отказались, сославшись на то, что женаты, и предпочитают семью в этот день, а часть друзей оказались холостяками, но именно на пятницу у них были назначены встречи с дамами, так что компания на вечер не складывалась. И тут Борис – холостой, с женитьбой не спешит, да и никого на примете нет, почему бы не позвать на пиво.

В университете Боря и Лёша учились на разных специальностях и в разных группах, правда поступили в универ и закончили его в один год. Как это часто бывает в студенческой самодеятельности, люди разного рода самодеятельности пересекаются на одном мероприятии. А раз Боря – диск-жокей, а Лёша – гитарист студенческого ансамбля, то судьба их свела как раз на одном из таких событий. Как студенты обычно это называют, «за зачёт» Лёша выступал на сцене недели иностранных языков, а Боря на этом же фестивале (тоже «за зачёт») работал конферансье. Позже ребята пересекались на разных площадках другого плана. Например, в ночном клубе, где подрабатывал Боря, Лёша выступал на рок-фестивале с панк-коллективами. Обычно такие фестивали проводятся вечером, а ночью клуб переходит в режим дискотеки, так что как только Лёша заканчивал петь, приходил Боря и крутил свои пластинки.

Если Боря после университета с музыкой расстался навсегда, то вот Лёша по-прежнему ходил с длинными волосами, весь в пирсинге, с длиннющей бородой, в косухе и берцах. Вообще для «Япоши» странное зрелище: сидит в пиджаке менеджер среднего звена с нефор-малом, заказывают суши и пиво. Странная парочка, не правда ли?

Разговор начал Лёша:

- Прикинь, как времена изменились. Раньше студентами были, ходили в «Кружку», пили дешёвое пиво и экономили на закуске. А теперь сидим в «Япоше» и кушаем роллы. Не забурели ли мы с тобой?

- А ты знаешь, - ответил Боря. – Я до сих пор в «Кружку» хожу. Чисто футбол посмотреть, когда наша сборная играет.

- А дома что, не смотрится?

- Как бы тебе сказать? Дома сидишь один, с бутылкой пива, и некому даже выразить радость, что наши ребята гол забили. Получается, как будто сам с собой разговариваешь, согласись, что только сумасшедшие так делают. А тут в «Кружке» полно фанатов: они кричат, тосты выкрикивают, бокалы разбивают, как-то веселее получается.

- А батя твой футбол не смотрит?

- Он весь в книгах, не до футбола ему.

- Ну, не знаю, - рокер решил вдруг резко поменять тему разговора. – Лично я никогда ничего в футболе не понимал. Двадцать два мужика, у которых мало мозгов, зато много денег, гоняют по полю один мяч. В чём прикол?

- Ну, каждому своё, - не стал спорить банкир. – Я вот тоже, например, тяжёлый рок никогда не понимал. Пьяные бородатые дядьки, трясут немытыми «хаерами», а потные фанаты под это ещё и отрываются. В чём прикол?

- Вот с чем я, пожалуй, соглашусь, так это с тем, что каждому своё.

- А своё не каждому.

- О! Правильное дополнение. Может ещё по пиву?

Это, конечно, может показаться неправдоподобным. Но встречи людей из разных миров часты, и их разговор о непонимании друг друга может длиться часами. По всей Москве, а также и за её пределами, это происходит постоянно: на каждом шагу, в каждой забегаловке, в баре, в ресторане сидят молодые люди, недавно окончившие университет, но ещё не успевшие обзавестись семьёй, весь вечер пьют одинаковое пиво и обсуждают, как они не понимают друг друга. И тут Алексей задал вполне актуальный вопрос:

- Слушай, Брюс! А тебе зарплаты вообще хватает?

- Как видишь, Алекс, - Боря тоже решил к университетскому приятелю обращаться студенческим прозвищем. – Не в подъезде пиво распиваем, или на детской площадке, а в культурном заведении, «Филадельфией» закусываем за 350 рублей.

- Да это-то понятно! Речь о другом! Не хотелось ли тебе урвать какую-нибудь такую мощную сумму, чтоб … я не знаю… квартиру купить! Прям здесь – на Чистяках!

- А ты смог бы тут жить?

- Да я не про это! Не нравятся Чистые Пруды – купи себе на Тёплом Стане, да живи там! Хоть за МКАД вообще выбирайся. Я про другое. Не хотелось ли сорвать такую сумму? Сделать что-нибудь эдакое, чтоб «лямов» двадцать урвать? Ну, или хотя бы один лям.

- Что «эдакое»? – Борис решил шутканути. – Банк ограбить? Я и так в банке работаю, смысл грабить самого себя?

- Да причём тут банк? Ты «Криминальное чтиво» смотрел? Помнишь, как они там кафе грабили? Я этот эпизод недавно с Коляном обсуждал. Помнишь профкомовский который? Ну тот, что ещё брейк-данс танцевал… Он сейчас менеджером в «Макдоналдсе» работает.

- Коля-брейкер? Он же в «Мак» ещё на четвёртом курсе устроился.

- Так он универ окончил, его и повысили. Но не в этом дело, его же в «Мак» кассиром взяли. А перед тем, как на кассу поставить, они там инструктаж проводят. Так вот, по правилам безопасности «Макдоналдс», если приходит посетитель со стволом и грабит заведение, то кассир обязан открыть кассу и отдать деньги. Ты слышишь? Он не обязан сопротивляться грабителю, он не должен, а обязан отдать деньги. Помнишь ты «пневмат» покупал? Так вот если ты придёшь с ним без патронов в «Мак» и попробуешь его ограбить, то зачем тебе патроны? Тебе деньги так просто отдадут и всё! А к вечеру у них народу поменьше, зато денег в кассе побольше, где-то почти сотня «деревянных». Догоняешь, нет?

- Да, я-то, понимаю! – Боря как-то уже отвык от студенческого жаргона, и ему приятнее было разговаривать на гражданском языке. – А откуда ты знаешь, что к вечеру в кассах по такой сумме бывает? Тебе Колян поведал?

- А кто ж ещё? Он же там всё прошёл, прежде чем менеджером стать, даже туалеты убирал.

- Ага! Вот прикинь, я завтра с утра протрезвлюсь, опохмелюсь, возьму свой Аникс А-111, выну обойму, баллон с газом, и с пустым стволом войду грабить «Макдоналдс», да?

- Не забудь. Надо не в час-пик это делать, а под вечер, когда народу меньше. А если поймают, то покажи пустой ствол и скажи «Да пошутил я, видишь, не заряжен». По идее твой пневмат мощностью меньше семи с половиной джоулей, так что тебе даже статью за хранение оружия впаять не смогут. А если денег дадут, то что, тебе сотня килорублей лишняя, что-ли?

- Хех, приколист ты, Лёха!

Где-то за полночь (благо метро в Москве работает до часу ночи) Боря не чувствуя ног, как говорят на «автопилоте» добрался до дома, закрылся в своей комнате и не помня разговора с приятелем забылся пьяным сном.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Преступление

Глава 1. Подготовка.

Под утро, а точнее ближе к полудню, Боря пробудился с мыслью: «Эх, хорошо ж я пятницу провёл. Как обычно пива нажрался». Заходя в душ, он попробовал вспомнить подробности вчерашнего вечера. Вспомнились девушки, за которыми он гнался, чтобы познакомиться. Вспомнилось, как они его отшивали.

Попытался также припомнить, с кем вчера пил. Вроде с кем-то из профкомовских. А вот с кем конкретно? Точно помнил, что с неформалом. Да мало ли было в профкоме неформалов в его годы!? Выходя из душа и обтираясь полотенцем, случайно взглядом наткнулся на свой пневматический пистолет. Некстати вспомнился профкомовский Коля. «К чему он вспомнился?» - начал раздумывать Боря. Он что, такой же купил? Да нет вроде, Николай в «Макдоналдсе» работает, ему такой ствол по идее ни к чему. Как впрочем, и Борису, который в банке работает. Тогда почему в связи с пистолетом мысли упали на Колю? О нём вчера вроде был разговор…

Потихоньку в памяти стал прорисовываться профкомовский Лёша. Начало проясняться. Точно! С Лёшей вчера пили в «Япоше», и обсуждали Колю, только вот, причём здесь пистолет? Боре он был нужен для работы в ночном клубе. Однако работающего в «Маке» Николая они обсуждали явно вместе с пистолетом. Какая связь?

После кружки горячего кофе связь нашлась. И точно, ведь это же Лёха предлагал вчера грабить «Макдоналдс». А предлагал, потому что там работает Коля, а тот в свою очередь поведал, что кассир «Мака» не имеет права сопротивляться грабителю по правилам собственного заведения! То есть получается, как ни крути, а кассир в любом случае отдаст деньги, и никаких красных кнопок как в банке.

А далее мысли пошли в другом направлении: «Лёха-то насчёт Мака, конечно, прикололся! А вот на то, чтобы съехать от родителей, мне реально где-то сотни-две деревянных не хватает. Может, рискнуть?». Но тут же его прервала другая мысль: "Нет, не стоит."

Откидывая крышку ноутбука и заходя в просторы Интернета, Боря ещё отгонял мысль о рискованном грабеже. Однако первый запрос в «Гугле», который он сделал, было расположение точек сети «Макдоналдс» по Москве. Работал Борис в Сбербанке на Газетном переулке (в советские времена улица называлась «Огарёва»). Рядом с банком находился «Мак», практически в одном и том же здании. Но его грабить было нельзя. Слишком рядом с работой, нужно было где-нибудь подальше.

Подальше был «Мак» в ТК «Охотный ряд». Но там слишком людно, путей отхода маловато, а ведь главное – скрыться с места побыстрее. Ещё одна точка находилась на Пушке, но там «Мак» слишком большой, и скорее всего, хорошо охраняемый, так что тоже не годится. Совершенно случайно взгляд упал на Сухаревскую. И тут всё совпало: небольшой ресторанчик, в Центре Москвы, значит, касса большая будет, и скорее всего, как и большинство таких точек – совсем без охраны. К тому же это далеко от работы, то есть никто не опознает.

С одной стороны кажется невероятным, чтоб Боря с его интеллигентными родителями и высшим образованием, раздумывал о преступлении, как о чём-то обыденном. Однако, если вспомнить его увлечение гоп-стопом в молодости, да и поглядеть на семьи его дружков-хулиганов с которыми он творил свои безобразия, так всё встанет на свои места. Для бориного поколения иметь склонности к тёмным делишком дело обычное. И уж точно оно не зависит от происхождения. Взять, например, родителей Лёши-профкомовского, неформала с гитарой и косухой. Что, думаете, его родители воры-рецидивисты? Как бы не так. Его предки тоже и высшее образование имеют и работают бухгалтерами да секретарями. Всю жизнь с бумагами. Да и у главного криминального авторитета квартала, в котором проживал Боря тоже были родители с высшим образованием и вполне приличным местом работы. Вот и получается, что не у

всех потенциальных преступников неблагополучные родители. В борином поколении никаких связей между происхождением подростка и его родом деятельности нет.

Тем временем, Боря продолжал вспоминать пятничный вечер. В память врезались подробности вчерашнего разговора с Лёхой: «Слышь, а как грабить-то? Там ведь камеры». «Какие камеры? – неустанно парировал его университетский приятель. – У тебя такая стандартная физиономия, что по Москве тебя днём с огнём не распознать. Это когда ты риветхэдом был с зелёными волосами и с козьей бородкой, у тебя была приметная внешность. Но теперь у тебя причёска типичного менеджера среднего звена. Ты гладко выбрит, и знаешь сколько людей в Москве так выглядит? В Москве живёт 24 миллиона человек, по фотографии с видеокамеры найти невозможно, если только ты не представился перед ограблением. Но ты ведь не будешь паспорт показывать? Ты ведь ствол покажешь?»

Юмор юмором, но чем красочнее описывал Лёха подробности будущего преступления, тем больше Боря убеждался в безопасности его совершения. Да, Боря не опытный грабитель. В старших классах, как и большинство в его годы, занимался мини-рэкитом, стреляя деньги с малолеток на сигареты, и это весь его опыт грабежей. В университете подобное занятие было не в моде, да и ни к чему, денег и так хватало. Так что особой мотивации для совершения грабежа у Бори не было. Даже денежная прибыль была вторичным предлогом.

Отсутствие толкового опыта грабежей привело к его первой ошибке начинающего налётчика. Он запросил у «Гугла» фотографию местности, и в этот же день решил грабить заведение. Вот сходил бы покушать туда, поглядел бы на месте пути отхода. Ведь все грабители, прежде чем совершить налёт, ходят на место и изучают его. Боря же решил изучить место по фотографиям из Интернета. А вопреки расхожему мнению в сети есть далеко не всё, и не может она заменить реальную жизнь абсолютно. Безоговорочно доверяя сети мы невольно становимся ленивыми, а за это порой приходится расплачиваться.

Ещё одно обстоятельство, о котором почти случайно вспомнил Боря. А вдруг Коля работает именно в этом «Маке»? Надо бы ему позвонить и убедиться. Интересно, изменился ли у него телефон? Ведь не общались с тех пор как универ окончили. А что делать, если у него другой телефон теперь? Наверное надо будет звонить Лёхе-нефору и допытываться у него телефона Коли-брейкера? Боря прокручивал в голове все эти мысли, пока искал в телефонной записной книжке Колин номер. Однако, телефон у Николая со студенческих времён не изменился, пошли гудки, и ответил именно брейк-танцор.

- Аллё, Колян, здорово! Ты в каком «Маке» работаешь?

- На ВДНХ, - ответил удивлённый Николай. – А что хотел-то?

- Да так, - на ходу придумывал отмазку Боря. – Думал, может пива с тобой попить, да годы студенческие вспомнить?

- А, ну приезжай. Только смотри, я работаю до полуночи, а после одиннадцати вечера пиво не продают. Так что закупай заранее, привози с собой, а я, если что, денег половину верну.

- Ладно, жди к вечеру.

Убедившись, что Николай работает в другом ресторане, решение грабить «Сухаревскую» было принято окончательно. Так же как и решение грабить в принципе. А что? Никакого риска. Берёшь пустой ствол, угрожаешь кассиру и забираешь деньги. Кстати, насчёт ствола. Он-то как раз заряжен, надо бы опустошить обойму. Попытка достать хотя бы одну пулю ногтём ни к чему не привела. Пришлось пойти на кухню за ножом. Не нытьём так катаньем, один шарик достать всё же удалось. Поняв, что за трудное это дело из «пневмата» пули доставать, Боря подумал, может без обоймы ограбить. И тут же другая мысль отбросила этот вариант.

Без обоймы кассир может и не бояться за свою жизнь, начав сопротивляться. Охрану позвать, менеджера, полицию вызвать. Так что лучше грабить с обоймой. А раз нельзя пульки из неё достать, то может быть можно её прострелять? Первый выстрел, и пуля от стены срикошетила в лоб Борису. Попробовал выстрелить в угол. После двух отскоков пуля стала метаться

по всей комнате. Больше выстрелов Боря делать не стал, убедившись, что прострелять обойму не получится. И тут голову посетила свежая идея.

«А откуда, собственно, кассир должен догадаться, что обоймы нет!? Он что, в оружии разбирается? Если за кассой парень, то может быть и догадается, а если какая-нибудь девчонка гламурная, коих обычно и ставят на кассы». Окончательно было принято решение идти на дело с пистолетом без обоймы. А баллон с газом можно и оставить, без патронов – всё равно пистолет бесполезен.

Последний штрих перед выходом на дело. Надо убедиться, что выход из «Мака» не на тротуар, а на перекрёсток, куда можно и такси заказать. Боря уже решил, что уходить из только что ограбленного заведения он будет на такси. Чем не сюжет для комедии, если задумка удастся? Пришёл парень с пустым стволом в «Макдоналдс», ограбил его и на такси уехал в неизвестном направлении… Смешно!!

Боря надел футболку и брюки. Прежде чем облачиться в верхнюю одежду, нужно было как следует оформить пистолет. Поверх футболки он нацепил на рукава кобуру, в которую вложил незаряженный пистолет. Немного времени ушло на обувание, и совсем чуть-чуть на любимую куртку сверху. Для сбора денег из кассы достал из кладовой пустой чёрный пакет. А чтобы не привлекать внимания прохожих, положил в него первую попавшуюся книжку с полки. Ею оказалась «Зелёная миля» Стивена Кинга.

Выходя из дома, он решил сразу заказать такси. А то неизвестно, сколько ждать его, а нужно чтобы подъехало оно сразу после грабежа. Жил Боря на станции Калужской, так что ехать до «Сухарей» ему было по прямой дороге без пересадок. Перед входом в метро сделал неожиданную для прохожих и вполне ожидаемую для себя остановку. Это было нужно, чтобы такси заказать.

- Аллё! Здравствуйте! Можно машинку, пожалуйста, к «Макдоналдсу» у метро Сухаревская?

Почти все обыватели так разговаривают. Не «подайте машинку, пожалуйста» или «подгоните, пожалуйста», а именно так: «можно машинку, пожалуйста». И уж конечно никто не говорит «Станция Метрополитена Сухаревская», все говорят «метро Сухаревская». Так что оператор понял Бориса правильно. Машинку обещали подать через час, так что как раз должно хватить времени, чтобы доехать до места на метро и ограбить заведение.

Глава 2. Совершение

Метрополитен в Москве под вечер был, как обычно, не очень оживлён. Из города с работы ехали толпы людей, а вот в Центр, как всегда, путь был свободен. Настолько пусты были поезда в город, что абсолютно во всех вагонах можно было занять свободные места. «Жаль, что в таком вагоне не едешь на работу!» - подумал Боря, который обычно добирается до Газетного переулка по утрам в жуткой давке.

Хотя как сказать, на работу или на активный отдых ехал сейчас Боря? Может на халтурку? Решение грабить-то было принято почти спонтанно, необдуманно. Он удивился крайне тому, что даже мысль не приходит на ум, что вдруг не получится, что это плохая идея. Странно, ничего подобного в голове не вертится.

Немногочисленные пассажиры поезда были увлечены своими «железками», и практически никто не обращал внимания на Борю. А он, в свою очередь, разглядывал всех пассажиров. Вот негритянка едет, уткнувшись в айфон. Вот молодые люди на айпаде что-то разглядывают и громко обсуждают. Дама бальзаковского возраста надела наушники и слушает музыку с телефона. Кого только не встретишь в Москве? Порой даже не веришь, что ты в России находишься, когда итальянцы начинают бормотать на своём, причём громче всех в вагоне.

- Осторожно, двери закрываются! Следующая станция «Сухаревская». – голосом Людмилы Гурченко объявил остановку громкоговоритель.

«Царствие ей небесное! – подумалось Боре. – Она же умерла, почему она до сих пор остановки объявляет». Но пора было выходить и на раздумья, почему запись с Гурченко не убрали в метро, времени не оставалось. По выходу из поезда оказалось, что реклама «Макдоналдс» понавешена всюду в Метрополитене. Не найти это заведение по таким рекламам казалось невозможно. Здесь и адрес указан, и карта нарисована, и как пройти буквами расписано. Что за люди такие, сюда приезжают и не могут найти «Мак»?

На выходе из подземки выяснилось, что ресторан двухэтажный и находится в углублении Малой Сухаревской площади. То есть вдали от парковок, куда могли подать такси. Это непредвиденное обстоятельство (а на карте казалось, всё близко находится) ничуть не смутило Бориса, он дошёл до конца тротуара и поглядел на машины, припаркованные к обочине. Два автомобиля с «шашкой» он всё же разглядел. Жаль, конечно, что не пришла СМС-ка о том, что «ваша машина ожидает вас там-то, номер водителя такой-то». Видимо, не было машин свободных. Но, если что, было куда заскочить. Так что опустим эти мелочи.

При входе в «Макдак» он обнаружил, что все кассы находятся на втором этаже. "Вот ещё засада: отступать долго придётся, того и гляди на мента нарвёшься. Кстати, а есть ли оные среди посетителей?" – Пронеслось в голове у Бори. Оглядев публику, и убедившись в отсутствии полицейских, Боря окончательно собрался с духом. Оставалось только надеяться, что нет в зале "оперов", которые хоть и служат в полиции, но одеваются обычно не по форме, а ходят в собственной гражданской одежде.

Глянув на прилавок, он убедился, что никто в данный момент не заказывает. Как хорошо, что Боря выбрался в «Мак» именно сейчас, в одиннадцать вечера. Почти во всех кафешках в это время предночевой спад посетителей. Вот и сейчас на Бориса смотрели две свободные кассы. За одной кассой стоял парнишка лет восемнадцати, а за другой девушка, скорее всего ровесница того кассира. Где-то неподалёку молоденький менеджер делал ручкой какие-то пометки на бумаге, закреплённой в планшетку. Ничего не подозревающая публика в зале поедала гамбургеры, запивая их кока-колой со льдом, о чём-то между собой переговариваясь и весело смеясь.

Памятуя о плане, выработанном ещё при подготовке оружия, Боря подошёл к кассе, за которой стояла девушка. На её сером «бейджике» было написано Юлия. Она начала разговор с дружелюбной улыбкой, спросив:

- Что вы будете заказывать?

На что Борис ответил недружелюбной ухмылкой, мгновенно достал пистолет, приставил его к голове кассирши, и медленно почти шёпотом попросил, протягивая пустой чёрный пакет:

- Открывай кассу, все деньги складывай сюда и побыстрее!

Растерянная Юлия не знала, как продолжить и лишь смогла произнести:

- Тимур, что делать?

Менеджер, на значке которого Боря смог разглядеть надпись «Тимур», стоял как вкопанный, и тоже пребывал в явном шоке. Подошёл второй кассир, на жёлтом значке которого было указано, что зовут юнца Юрием, он пробил на кассе влажную салфетку за 2 рубля, касса открылась, и молодой кассир переложил все деньги в чёрный пакет грабителя. Поняв, что парнишка оказался более смышлёным, нежели девчушка, Боря промолвил следующие слова:

- Молодец, Юра! Соображаешь. А теперь открой свою кассу и проделай то же самое.

Борис протянул пакет кассиру. Тот послушно переложил все наличные деньги из своей кассы в него. Забрав пакет со Стивеном Кингом и килограммом денег, Боря направился к выходу, по пути усмехаясь про себя, как легко всё-таки получилось ограбление. Окинув взглядом посетителей, он увидел следующую картину. Половина из них, перестав есть, с открытым ртом глядела на происходящее. Другая половина замерла на месте как будто поражённая электричеством. И лишь один мужчина лет тридцати сидел за столом, не обращая внимания на остальных, что-то говорил в телефонную трубку и глядел в окно.

- Эй, ты! – окликнул его Борис. – Положи телефон на землю, быстро!

Посетитель послушался, и только после этого Боря направился к лестнице на первый этаж.

Глава 3. Задержание.

На затемнённой Малой Сухаревской площади кипела типичная для этого времени московская жизнь. Свет фонарей, а также неоновых огней с витрин магазинов освещал улицу. По тротуарам толпами ходили студенты, выкрикивая какие-то непонятные вопли радости. На выбегающего из «Макдоналдса» грабителя никто не обратил внимания. И дело не в том, что у Бори была какая-то неприметная внешность, а скорее всего в том, что типичные московские прохожие, как правило, настолько беспечные, что не способны выделить в толпе грабителя.

Борис был именно таким типичным москвичом. Он выбежал из заведения в заранее запланированном направлении, туда, где видел такси перед тем, как идти на дело. Но на тротуаре, не дав ему добежать до обочины, Борю остановили двое сотрудников в форме.

- Задержитесь, молодой человек! – вежливо, но в то же время с нотками угрозы в голосе попросил один из сотрудников с тремя маленькими звёздами на погонах.

Боря даже не думал задерживаться, он наоборот ускорил шаг. Однако второй сотрудник с широкой поперечной лычкой на погонах схватил его за отворот куртки, и горе-грабителю пришлось-таки развернуться. Тот полицейский, что со звёздами на погонах, направился к Борису со словами:

- Что же это вы так, молодой человек, удирать-то сразу. Так никуда не годится, если будете оказывать сопротивление сотрудникам полиции, будет только хуже. Документы есть у вас?

Боря достал паспорт, который как назло лежал рядом с пистолетом.

- А это что у вас такое? – не унимался полицейский, указывая на пистолет, что был спрятан за курткой.

- Это пневматический пистолет, Аникс А-111, его мощность менее семи с половиной джоуля, поэтому он приобретается без лицензии. – Наконец-то Боря смог открыть рот и начать членораздельно выговаривать слова.

- Как интересно! Какие мы, оказывается, грамотные, знаем про дульную мощность, сколько нужно, чтобы приобретать без лицензии.

- Он не заряжен. – Вымолвил Боря.

- Да, я вижу, что обоймы нет. Что в пакете? – второй сотрудник отобрал у Бориса пакет и протянул напарнику. – Ого! А тут я смотрю нехилая сумма, да? Одних только сотен, тысяч на пять рублей будет, а сколько тысячерублевых, пятитысячных, откуда это?

Боря промолчал.

- Вот знаете что… как вас там? – Сотрудник полиции, открыл паспорт и стал разглядывать. – А вот, Борислав Григорьевич, как вы думаете: только что поступило к нам на рацию сообщение об ограблении «Макдоналдса» на метро «Сухаревская», мимо которого мы случайно проезжали, а тут по улице бежит человек со стволом под курткой и кучей денег в пакете, при том явно не желает общаться с полицией. Что мы должны, по-вашему, делать в такой ситуации?

Боря решил сделать по-своему и хранил молчание. Тем более что именно это рекомендуют в бандитских фильмах, которых он пересмотрел тонны.

- Пятьдесят первую включил? Что ж, имеешь право. Ну а я вот как раз молчать права не имею. Так вот, в подобной ситуации мы обязаны произвести ваше задержание, доставить вас в отделение, а там всё досконально проверить. Может быть, это не вы ограбили заведение. Так что я вас, пока вы не сильно оказываете сопротивление, вежливо попрошу: присаживайтесь в машину. Доедем до отделения, а там разберёмся.

Второй сотрудник был не настолько вежлив, он очень грубо пихнул Борю в легковую полицейскую машину и остался стоять на улице. До Бори донёсся голос первого сотрудника: «Надо бы маякнуть по рации, что мы задержали подозреваемого, а то ведь на вызов кто-то

должен приехать…», подробности он слушать не стал. Он продвинулся на заднем сидении ко второй двери и попробовал открыть. Тщетно. Двери в этих машинах открывались только снаружи, изнутри замок был блокирован. А вот стекло блокировано не было. И только Боря попытался крутануть ручку открывания окна, как услышал голос с переднего пассажирского сиденья:

- При попытке к бегству стреляю!

Боря оглянулся на голос и увидел широкую морду полицейского с тремя тонкими лычками на погонах и с коротеньким автоматом в руке. Поняв, что сопротивляться и бежать, видимо, не получится, он решил принять судьбу такой, какая она есть, и оставил все попытки её изменить.

- Сядь посередине. – Не унимался сотрудник с автоматом. – Сейчас придут твои приятели, которые тебя задержали, и приземлятся рядом, не волнуйся, без присмотра не уедешь.

Через минуту после произнесения этих слов правая задняя дверь открылась, и в машину сел один из сотрудников, задержавших Борю. Тот, что младше по званию, с широкой лычкой на погонах. А полицейский со звёздами, по-видимому, самый старших из всех в машине, стоял на улице перед дверью и передавал Борин пакет с пистолетом сидящему там ППС-нику на переднем пассажирском сиденье со словами:

- Убери это в бардачок.

- Ого! Сколько тут «капусты»-то! – воскликнул сотрудник с автоматом. – Может, поделишься, а?

- Отставить, сержант! – отрезал самый старший полицейский с улицы. – Это же из «Макдоналдса», там компьютер считает, сколько должно быть в кассе. Если сумма не срастётся, того и гляди, на нас тоже заведут уголовное дело. Поехали!

Полицейский со звёздами зашел в машину и уселся слева от Бори. Справа от него находился полисмен с широкой лычкой на погонах. Водитель завёл машину, и они тронулись.

- Куда везём-то? – спросил полицейский за рулём.

- Как куда? Это Тверской район, следовательно, везём в ОВД «Тверское». Где оно находится, помнишь? На Большой Дмитровке, рядом с «Советом Федерации».

- Что ж я за мент такой буду, если «Тверского» ОВД не знаю!? – возмутился водитель, и повёз машину на разворот по Самотечной эстакаде.

- Мы не представились, - вспомнил старший из полицейских, пока машина ехала по Садовому кольцу. – Старший прапорщик, Смирнов Александр Сергеевич. Я руковожу этой бригадой ППС-ников, и, соответственно, мы со старшим сержантом Козловым Дмитрием Константиновичем произвели твоё задержание. Вот скажи как на духу: чего дома не сидится, почему надо тащиться с пистолетом без обоймы в «Макдоналдс», требовать деньги у кассира?… Ты вообще работаешь?

Ответ последовал не сразу, поскольку сидящих в машине сильно тряхануло. Водитель пошёл на разворот по Оружейному переулку, минуя Маяковский тоннель, чтобы выехать на Садово-Триумфальную улицу. Как только поехали более-менее ровно, Боря ответил:

- В Сбербанке работаю.

- Ого! Значит, в банке работаешь. А с зарплатой что? Мало платят в банке?

Боря промолчал. Ответить «мало» означало признаться в совершении преступления, а он всё ещё думал соскочить. А ответ «достаточно» вызвал бы серию новых вопросов. После поворота на Каретный ряд, старший «прапор» поделился своими размышлениями:

- А мне вот всегда казалось, что в банке много денег платят. Не то, что нам – патрульно-постовой службе полиции.

Раздался громкий общий смех, и все полицейские, кроме того, который был за рулём, уткнулись в свои айфоны последней модели, чтобы доиграть отложенную партию в карточную

игру «тысяча». Водитель повернул машину направо, чтобы с улицы Петровка выехать на Петровский переулок. Раздался голос старшего полицейского:

- Высади нас на переулке, чтоб не выезжать на Большую Дмитровку, а то движение порядочным гражданам перекроем.

- Не учи учёного – возразил водитель. – Там возле ОВД есть специальная парковка для доставки задержанных, я уже предупредил, что мы едем, так что нам место освободят, и пути отступа вашему клиенту преградят. И да, надели бы вы на него «браслеты», а то, как я погляжу, он то и дело норовит наутёк смотаться.

Сидящий справа от Бори полицейский, которого представили как старший сержант Козлов, надел на Борю два комплекта наручников. Одними наручниками он сковал руки задержанного, а вторыми пристегнул к себе его правую руку. Машина остановилась прямо у дверей ОВД «Тверское», и по краям выстроились полицейские, ограничивая по бокам движения Борису.

- Пошли, Боря! – сказал полицейский, к которому был «пристёгнут» задержанный.

Как только полицейские с Борисом вошли в здание «Тверского» ОВД, с Бори тут же сняли наручники. В принципе, логично: из отделения не убежишь, а не подчиняться здесь смысла нет уже. Перед ним открыли дверь в дежурную часть и указали головой, чтобы он проходил. Сопровождали его уже другие полицейские, не те, что его задержали. Один из них кивнул Боре на стул, чтобы тот присаживался.

- Нет, ты чего? – воскликнул другой полицейский, который ожидал их в «дежурке». – В «стакан» его! Он же «Мак» ограбил.

С оглушительным грохотом открылся замок клетки, в которую тотчас был помещён Боря. "Сколько ж тут сотрудников" – подумал он, всё ещё пребывая в шоковом состоянии. Полицейский, прежде настаивавший на том, чтобы Бориса поместили в клетку, сказал следующие слова:

- Сейчас у тебя будут изымать некоторые вещи. Пока изъятие не началось, ты можешь сделать несколько звонков. Родителям, адвокату, кому хочешь, звони, пока мобильный телефон не отобрали.

Поскольку адвоката у Бори не было, он решил, что разумнее всего сейчас позвонить родителям. Набрав телефон своей матери он дождался, пока установленная вместо гудков мелодия прервётся, и раздастся её голос:

- Аллё!

- Мам, меня арестовали.

- Как арестовали!? Где ты есть-то?

Сколько раз он поправлял маму, согласно правилам русского языка спрашивать «Где ты есть?» неграмотно, и всё равно она задавала вопрос именно так. Однако сейчас было не до норм произношения русского языка, поэтому он решил не делать матери замечания, а просто ответить:

- В «Тверском» ОВД я…

- Достаточно! – воскликнул один из сотрудников полиции. Который из них, точно Боря уже не смог бы определить, поскольку «передавали» его слишком часто с рук на руки. Он отобрал у Бори телефон и уселся рядом с дежурным полицейским, который пять минут назад обещал задержанному любое количество звонков, пока не началось изъятие.

Боря присел на лавочку, обхватил голову ладонями и с грустным видом зажал её между колен.

Глава 4. Обезъянник

Дежурная часть в ОВД на Большой Дмитровке была довольно большая. Она разделена на три помещения, которые можно считать комнатами. В одной из них находится множество телефонов, мониторов. Туда допускают только полицейских, которые часами указывают патрульно-постовой службе куда ехать. Они же принимают звонки от граждан, соединяя по мере необходимости с кабинетами, в которых сидят оперативные сотрудники, или участковые уполномоченные. Вторая комната выглядит довольно просторно, её можно считать коридором между мониторной и обезьянником. Здесь много лавочек, на которых располагаются задержанные или доставленные за мелкие нарушения граждане. Рядом с дверью в мониторную находится стол, за которым по очереди заседают полицейские, оформляя протоколы на нарушителей. В этой же комнате (или коридоре) находится и клетка, в которой сидел Борис. Такие клетки, в виде забора из прутьев от пола до потолка, обставленные как бы вокруг одной стены, на уголовном сленге называются «стаканы». Странно, что именно от полицейских Боря узнал первое тюремно-жаргонное слово. А они очень часто переходят на уголовный жаргон, не находя подходящих слов в собственном сленге. И действительно клетка чем-то напоминает граненый стакан на двести грамм, пожалуй, даже лучше не придумать, как её обозвать. В третьей комнате находится так называемый «обезьянник». Там три камеры предварительного размещения задержанных, перед камерами находится узкий коридор, в дальнем конце которого туалет.

Боря находился в «стакане» и с интересом разглядывал происходящее в средней комнате. Внутри клетки кроме лавки ничего больше не было, поэтому в нём можно либо стоять, либо сидеть, а для ходьбы места было маловато. Решив, что в ногах правды нет, Боря присел и принялся молча наблюдать картину происходящего. Картина была безрадостная. Полицейские как будто специально оттягивали время для того, чтобы им заняться. Оформили двум проституткам административный протокол, за занятие древнейшей профессией, одному алкоголику за распитие спиртных напитков в общественном месте. Боря посмотрел на него так же, как когда-то на него смотрели уголовники из клетки, в те годы, когда самого его неоднократно штрафовали за распитие пива в общественном месте. «Что ж, вот тебе возможность посмотреть на это с другой стороны» - подумалось Боре, который на этот раз занял место уголовника.

Наконец пришёл тот полицейский, который обещал произвести изъятие. Пришёл он не один, второй сотрудник открыл ключом клетку, в которой находился Боря и пригласил присесть к столу. Заговорил первый, с тремя маленькими звёздочками на погонах, расположенных треугольником:

- Итак, вот твой телефон. Пишу в первой строке «Мобильный телефон Nokia, модель 5230». Выворачивай карманы.

Из переднего кармана Боря достал ключи, которые тут же были записаны во вторую строчку. В другом переднем кармане Боря хранил кошелёк. Кошелёк был изъят, попал на третью строку, а вот сумма в кошельке была полностью выложена на стол. Дежурный потребовал пересчитать деньги, и одна тысяча двести пятьдесят рублей были записаны в четвёртую строчку.

- Хорошо, что ты деньги из кассы в кошелёк не переложил, а то приписали бы тебе украденного на тысячу двести пятьдесят рублей больше.

В заднем кармане лежали мелкие деньги и проездной на метро. Сначала, «трёхзвёздочный» полицейский записал проездной в шестую строчку, а потом потребовал пересчитать мелочь. Мелочь была записана в следующую строку «мелочью тридцать восемь рублей, пятьдесят копеек». В карманах куртки лежал паспорт, который заранее забрал ППС-ник, и который

находился сейчас в дежурной части в ожидании следователя. Ещё в карманах куртки лежали перчатки, но их изымать не стали.

- Так-с, с карманами покончено. А теперь самая интересная часть. Снимай ремень с брюк.

- А это для чего?

- А вдруг ты сейчас повесишься в обезьяннике? Все задают этот вопрос, и, тем не менее, ремень придётся снять. Если не в добровольном, так в принудительном порядке.

Боря подчинился. Без ремня джинсы начали спадать, что привело к появлению новой привычки придерживать их рукой.

- Это ещё не всё. В твоих ботинках, как я погляжу, шнурки имеются? Ты не поверишь, но есть такие экстрималы, которые умудряются, и повеситься на шнурках, и вскрыться ими.

- Что сделать? – До Бори не дошло значение слова «вскрыться».

- Ну, вены перерезать шнурками, чтобы отсюда их в госпиталь перевели. Не удивляйся, бывают такие умельцы. Снимай шнурки.

И на этот раз Боря подчинился, другого выбора у него не было. У полицейских было явное численное превосходство. Ремень и шнурки записали в одну строчку. А также ему вернули книжку.

- Всё находящееся в пакете является вещдоком, а вот книжка – к украденному не причисляется, это твоё личное имущество. Забирай! Будет чем в камере заняться. Сейчас тебя отведут в обезьянник, но ты пока не расслабляйся, через два часа тебя на освидетельствование повезём.

Борю повели в камеру под номером один. Но в коридоре он попросился в туалет, а то мало ли когда ещё представится такая возможность. Стучать в дверь по примеру других задержанных и этим нервировать полицейских Боре не хотелось. Справив малую нужду, Боря вошёл в камеру. Выглядела она ничуть не лучше туалета. На двух квадратных метрах помещался лишь деревянный настил, выполнявший и функцию скамейки, и функцию дивана, над которым было маленькое окошечко с решёткой. На стенах неровным слоем был положен цемент. В камере находилось двое задержанных, из разговора которых Боря сразу понял, что их доставили за административное правонарушение. Они не просто напились, а ещё и подрались на оживлённой улице, и теперь оба отдыхали в обезьяннике, надеясь к утру выйти на свободу. О точном времени своего выхода Боря даже не загадывал. Он помнил, что сегодня суббота, а в понедельник надо на работу. Но попадёт ли он туда? И что ему будет за прогул? Ответа на эти вопросы Боря не знал. Света в камере не было, читать в этих условиях оказалось невозможно. Он решил вздремнуть, так как разговаривать с двумя алкашами было не о чём, да и они его как будто не замечали. Но сон не шёл. Часов у Бори при себе не было, поэтому он не знал, два часа прошло или целая вечность, когда за ним пришли.

- Пахомов, выходи!

Услышав свою фамилию, Боря поднялся с деревянного настила, на котором пытался заснуть, и вышел из камеры. На него опять надели наручники, снова два комплекта: одним сковали руки, а другим конвойный полицейский пристегнул Борю к себе. На улице стояла глубокая ночь, но определить точное время он не мог, поскольку не имел не только часов, но и связи с внешним миром. Задержанного усадили на заднее сиденье, и сняли один комплект наручников. В сопровождении трёх полицейских его повезли в медицинское учреждение для освидетельствования. Ближайшее из таковых, как Боря выяснил из разговора полицейских, оказалось в Новогиреево, окраинном районе на Востоке Москвы, почти рядом с МКАД. Однако, знаменитой кольцевой автодороги, Боря не разглядел. Так что точно определить, где территориально он находится, он не мог.

- Выходим, пошли. – Сказал конвойный, и повёл Борю за руки, - Поднимайся.

Вход в медицинское учреждение оказался на крыльце с дюжиной ступенек. Поскольку не отупеть мозгами для Бори сейчас было очень важно, он попытался сосчитать ступеньки, но сбился, когда ему сказали:

- Заходи. Вставай к стенке.

Пришла пожилая женщина в белом халате. В руках она держала какой-то пластиковый предмет. Перед тем как объяснить, что это такое, она бросила презрительную фразу в адрес Бори:

- Сразу признавайся, сколько выпил сегодня?

- Да, я сегодня вообще не пил! – Честно ответил Борис. – Вчера – да, посидел в «Япоше», а сегодня трезвый целый день.

- Вот и проверим. – Недоверчиво бросила старушка в белом халате. – Вот эту трубочку полностью в рот, и дыши ртом, ясно?

Боря подчинился. Выполнил всё, согласно указаниям медработницы. Она поглядела на препарат, и сказала:

- Нуль целых шесть десятых промилле. Лёгкая степень опьянения. Одно из двух: либо вчерашний алкоголь из тебя ещё не выветрился, либо сегодня полбутылки принял перед задержанием. Что скажешь?

- Первое. Так как сегодня я точно не пил, не опохмелялся.

- Пишите лёгкая степень опьянения. Тебе это отягчающим обстоятельством выйдет.

От несправедливости внутри у Бори всё кипело. Хотелось сказать, у вас прибор не точный, или образования не хватает. Ведь не несёт же от него алкоголем, в конце концов. Но Борис подавил в себе ярость и, подчинившись конвою, направился к машине. Привезли его обратно в «Тверское», в ту же самую камеру, в которой находились те же самые алкаши. Единственное на что обратил внимание Боря проходя по коридору, что в «стакане» находился новый задержанный, который громко буянил, и целая куча полицейских тщетно пыталась его усмирить.

Вот так в ночь с субботы на воскресенье, находясь в обезьяннике, под крики задержанного из клетки, Боря всё же попытался уснуть…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Предварительное расследование.

Глава 1. Объяснение

"Что ты сказал, Лёша? Никакого риска!? Как никакого риска, если я сейчас ночую в обезьяннике, и куда дальше направлюсь – неизвестно!? Как-то всё быстро случилось. Только вот собирался в такси прыгнуть, а теперь камера в два квадратных метра. Кто вообще полицию вызвал? Неужели тот посетитель, что с мобильным телефоном был!? Или охранник был в том "Макдаке"? Если там был охранник, то почему тогда он не воспрепятствовал грабежу!? Значит, не было там охранника. Менеджер точно не вызывал…, у него в руках никакого телефона не было. Кассиры вызвать не могли, они на прицеле были. Кто тогда? Ведь когда его задерживали, сказали же вызов поступил из "Макдоналдса". Значит либо персонал, либо посетители точно вызвали…"

Когда в голове вертится столько мыслей, уснуть невозможно. Боря ведь не знал, который сейчас час. Он, конечно, предполагал, что уже за полночь, но, сколько точно времени, ему было неизвестно. Ему показалось, что он уже два часа пытается уснуть, но мысли о происшедшем не давали ему это сделать. Впрочем, не только мысли. Дверь в камеру опять с грохотом открылась, и какой-то очередной мент (его, скорее всего Боря ещё не видел), с бумагами в руках пригласил его следовать за ним.

На Борю опять надели наручники (на этот раз один комплект, чтобы сковать руки) и повели на второй этаж по лестнице. Его сопроводили в старый, обшарпанный кабинет, в котором пахло сыростью, у единственного окна в этом кабинете была приоткрыта сверху фрамуга. За столом с ноутбуком и небольшой кипой бумаг формата А4 сидел молодой парень в рубашке и свитере. Как показалось Боре, он страдал излишним весом. Этот парень пригласил Борю присесть на стул, велел конвойному снять с него наручники, и остаться за открытой дверью в коридоре. Начал он разговор так:

– Значит, Пахомов Борислав Григорьевич, да? – и, не дождавшись ответа, продолжил: – двадцать пять полных лет тебе получается. Почти мой ровесник – здесь он позволил себе мило улыбнуться. – Мне двадцать семь. Ну, будем знакомы? Я сотрудник следственного комитета "Петровский", слыхал такой? Это по адресу Петровка, 19. Знаменитый дом на этой улице под номером тридцать восемь – это наш изолятор временного содержания, куда ты завтра направишься. Зовут меня Петренко Алексей Сергеевич, по чину я юрист третьего класса, по званию лейтенант юстиции, по должности следователь. Мне поручено вести уголовное дело по тебе. Вопросы есть?

– Есть. – Происходящее напомнило Боре ситуацию, которую он неоднократно видел в кинофильмах. Но в его случае чего-то не хватало… – А почему мы беседуем наедине, без адвоката?

– Потому что в отношении тебя ещё не возбуждено уголовное дело. Ты ещё не обвиняемый, а пока подозреваемый. И пока мы тебя подозреваем в совершении преступления, мы тебе не обязаны предоставлять адвоката. Я ведь тебя пока ещё не допрашиваю, а просто пригласил на беседу.

"Странно, – подумал Боря. – А чем отличается просто беседа от допроса? И что это вообще такое сейчас происходит. И как не возбуждено уголовное дело, раз его задержали на месте преступления!?". Боря не имел юридического образования, поэтому не знал что с ним происходит. Оно и логично, ведь не у всех же оно есть.

– Но ведь я же должен перед беседой с вами получить какую-нибудь юридическую консультацию. А то вдруг не то скажу, или признаюсь в том, чего не совершал. Или сделаю что-нибудь неправильное. А вдруг Вы меня бить начнёте? При адвокате-то такое невозможно.

– Юридическая консультация тебе значит нужна? Что ж, я могу дать тебе такую консультацию. С точки зрения следственного комитета, особенную, так сказать. – Выдержав недолгую

паузу, следователь продолжил: – Ты подозреваешься в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьёй сто шестьдесят первой уголовного кодекса Российской Федерации. Это грабёж, то есть открытое хищение чужого имущества. Знаешь сколько предусмотрено за такое деяние? Четыре года лишения свободы. И если ты будешь мне тут пятьдесят первую включать…

– Чего включать? – запутался в цифрах Боря, хотя работа в финансовой сфере не предполагает путаться в них. Да и диск-жокей, как правило, с цифрами дело имеет, ведь все композиции на дискотеке, он должен выровнять в одном темпе, а не разбираясь в цифрах это сделать невозможно. Вобщем, обе профессии Бори, не предполагали, что он запутается в цифрах, тем не менее, сто шестьдесят первая статья или пятьдесят первая – сколько их статей-то? Боре даже на ум не пришло, что полицейские при задержании уже употребляли выражение "Пятьдесят первую включил!". Он об этом просто не помнил.

– Статья пятьдесят первая Конституции Российской Федерации. Согласно которой ты не обязан давать показания против себя и своих близких родственников.

Боря раньше слышал в кино фразу "Вы имеете право хранить молчание, всё, что вы скажете, может быть использовано против вас". Но он не знал, что в реальной жизни это длиннющее предложение следователи обычно не произносят, а сокращают до сленгового выражения "включать пятьдесят первую".

– Так вот то, что ты сделал, можно трактовать как грабёж. А можно и как разбой. Статья сто шестьдесят вторая, нападение с целью хищения. Лично я между грабежом и разбоем не вижу разницы. А вот уголовный кодекс видит. И знаешь, сколько за разбой предусмотрено, по первой, самой мягкой части этой статьи? Восемь лет лишения свободы. Выбирай: или ты и дальше отрабатываешь пятьдесят первую, и ничего не говоришь, а я тебя обвиняю по сто шестьдесят второй; или ты всё же сейчас дашь мне объяснения, но тогда уголовное дело заводим по сто шестьдесят первой.

Множество цифр Боря, чтобы не запутаться, для себя трактовал так: чем меньше номер статьи, тем меньше лет по ней дадут, а значит надо соглашаться на условия Алексея …, как его там?

– Сергеевич – моё отчество. – Следователь как будто услышал его мысли. Может быть, некоторые из них Боря проговорил вслух? – Так что ты решил?

– Ладно, дам показания.

– Вот и отлично. Значит так, фамилию, имя, отчество, дату рождения, адрес прописки я переписал. Место работы?

– Сбербанк Российской Федерации. Улица Огарёва, дом 17.

– Адрес меня не интересует. Значит так. "По существу заданных мне вопросов могу показать следующее". Что я пишу? "В субботу я прибыл в "Макдональдс" по адресу Москва, Малая Сухаревская площадь дом один", так?

– Ну, был я там в этот день.

– Что ты там делал?

Сразу отвечать на этот вопрос не получилось. Мысли разбежались в разные стороны. Основная мысль, что всё-таки это была плохая идея, грабить "Макдоналдс". Была и другая мысль: признаться во всём или отпираться до последнего? Признаться-то, может быть, и правильно, да только вдруг, он сейчас всё признает, а следователь запишет, что он отпирается, и никакой скидки ему за это не будет. Боря ни разу не разговаривал со следователем, однако был наслышан от друзей, как они путём избиения заставляют признаваться в том, чего не делал.

И тут он подумал, что ведь это Лёха подкинул идею о грабеже, вот пускай он и отвечает за это. Точно! Лучше не сознаваться, а всё произошёдшее свалить на Лёху. И на вопрос следователя тут же в голову пришёл ответ:

– Друга встретил, который был должен мне.

– И он тебе вручил мешок с деньгами и пистолет, так?

– Нет, пистолет у меня с собой был. Без обоймы.

– Это, кстати, неизвестно была ли у тебя с собой обойма. Может ты её после ограбления скинул. Мы её правда на месте преступления не нашли.

Боря мысленно возмутился. Оказывается придётся теперь не только доказывать, что ты не совершал преступления, но и, что у тебя обоймы не было. Красный от возмущения, Боря ответил, повысив голос:

– Дома у меня лежит обойма, на столе, на моём.

– Спокойно! – Осадил его следователь. – Не кипятись. К тебе домой предлагаешь пойти?

– Нет, зачем?

– Так ты отрицаешь, что направлял пистолет на кассиров с требованием денег?

К этому времени Боря уже окончательно решил идти в несознанку. Адвокат-то, конечно, может быть, посоветует и сознаться, но пока адвоката нет, лучше ничего не признавать.

– Да отрицаю, деньги получил от друга, который мне их привёз в этом пакете, ещё книга там зачем-то лежала.

– А как же видеонаблюдение, которое зафиксировало твоё деяние?

– Я же не видел эту запись.

– Понятно, что за друг?

– Тарханов Алексей…, отчества не знаю – Боря вдруг решил заложить неформала Лёшу, который посоветовал грабить "Макдоналдс", авось на него грабёж повесят, а Бориса отмажут. – Мы с ним учились в одном вузе. Только я на финансовом факультете, а он на юридическом.

– И где нам его искать?

– А я не знаю, он же не работает. И где живёт он, я не знаю, в телефонной книжке у меня его номер есть, и всё.

– Понятно. Свяжемся мы с твоим другом. Читай!

Следователь протянул Боре листок с его собственным объяснением. И он читал. " По существу заданных мне вопросов могу показать следующее: в субботу я прибыл в "Макдональдс" по адресу Москва, Малая Сухаревская площадь дом один на встречу с другом Тархановым Алексеем, отчества которого я не помню. Мы с ним знакомы со студенческих лет, учились в одном вузе, но на разных специальностях. Он мне был должен денег на сумму восемьдесят восемь тысяч шестьсот тридцать два рубля. Эту сумму он мне передал в чёрном пакете. У меня был при себе незаряженный пневматический пистолет с дульной энергией менее семи с половиной джоулей. Но я его не доставал и кассирам не угрожал, следовательно, ограбления ресторана не совершал, хотя и деньги получил. Вину отрицаю полностью."

– Прочитал? Что-то добавить хочешь?

– Нет.

– Всё верно написано?

– Да.

– Пиши. Вот отсюда. "С моих слов записано верно мною прочитано". В конце фразы поставь подпись. Внизу листка поставь подпись с расшифровкой.

Боря выполнил все указания, и следователь попросил конвойного полицейского увести его. Борю в наручниках опять отвели в подвал, в обезьянник, в первую камеру, в которой он сделал последнюю попытку уснуть.

Глава 2. Возбуждение уголовного дела.

– Слышь ты, волчара позорная? Отведи меня в туалет, а то я тебе весь стакан обоссу!

– Успокойся Климов. Сейчас к следователю пойдёшь, отведём заодно и в туалет.

– А как я со следаком разговаривать буду, если мне на клапан так давит?

– Так меньше бухать надо вообще-то.

– А вы не пьёте, да?

– Нет. Мы всем отделом тут трезвенники.

– Не лечи мне тут! Все мусора бухают, уж я то знаю.

– Так! Ну-ка! Мы сейчас тебе вторую статью пририсуем тут. Триста девятнадцатую за оскорбление представителя власти в количестве более чем одного лиц.

Вот интересно всё-таки построен любой язык. Скажем русский. Есть русский-литературный язык, на котором пишутся художественные книги. Есть русский-технический язык, которым пользуются на заводах начальство. Русский-матерный тоже языком отдельным можно назвать, поскольку любое литературное выражение можно переделать в матерщинное. Русских жаргонов, сленгов существует примерно столько же, сколько профессий в России. Русский юридический – вот ещё язык, о котором следует упомянуть. В литературной русской речи выражение, которое озвучил полицейский, звучит так "за оскорбление множества представителей власти". Нет же. Правила произношения в русской юридической речи диктуют следующие нормы "оскорбление представителя власти в количестве более чем одного лиц". А как, интересно, иностранцы изучают русский язык? Они-то наверняка учат русский литературный язык, а как столкнутся с нашим жаргоном, а то и не жаргоном даже. Юридический вариант русского-то официально принят. И ведь, наверное, в их языках тоже есть разновидности: литературный, жаргонный, юридический, технический!?

Эти мысли позволили, Боре отвлечься от его собственных проблем, и хотя бы на часок погрузиться в здоровый детский сон. Прерывались его сновидения выкриками из коридора, где сидел в клетке ("стакане") очень буйный задержанный. То он просился в туалет. То требовал, чтобы его освободили, так как он ни в чём не виноват. Из высказываний в коридоре можно было догадаться, что задержанный сильно пьян, и, похоже, что он кого-то зарезал, но не на смерть. Кого конкретно он порешил, в чём его обвиняют, Боря даже не пытался гадать. Он уже три раза засыпал, как дверь опять открылась.

– Пахомов, хватит спать! К тебе пришли.

Боря вышел из камеры в коридор, и увидел там совсем незнакомого мужичка. Ему было на вид лет сорок. Он был спортивного телосложения (не чета ожиревшему следователю), одет в рубашку и пиджак, в руках держал какой-то портфель. Мужичок первым решил заговорить:

– Здравствуй, Боря! Меня зовут Гусев Виктор Фёдорович. Я твой адвокат, вот моя визитка. Сегодня утром ко мне пришла твоя мама, объяснила, что ей не дают с тобой видеться, и заключила со мной соглашение. Стоимость моих услуг 500 евро за ознакомление с делом. Эти деньги уже выплачены моей конторе, поэтому я принимаюсь за работу. И так, как я понял ты в сознанку не идёшь, так?

– Ну, я пока ещё не определился. Я ведь пришёл с разряженным пистолетом в "Макдоналдс", и на случай неудачи, планировал сказать, что прикололся, а грабить никого не хотел. А тут меня взяли на улице с деньгами. Получается лучше говорить, что вообще не грабил?

Вообще–то стоило Боре задуматься, прежде чем во всём признаваться адвокату. Вдруг подставной, специально нанятый следователем, чтобы вытянуть из Бори показания. Однако, ввиду того, что он впервые в жизни привлекался к уголовной ответственности, да и состояние шока, хоть и начало спадать, но ещё не окончательно, у Бори даже мыслей не возникло о том, что адвокат может быть подментованный. Поэтому он легко всё ему рассказывал.

– Пока они видео не показали, лучше да. А вообще ты знаешь, как работает видеонаблюдение в магазинах, ресторанах, кафешках? Оно же там круглосуточное, если точное время события не знаешь, то приходится отматывать, чтобы найти его. Порой, даже не находят и плюют на это дело. А иногда и так бывает: камера фиксирует только сутки видеоматериала, а когда место свободное заканчивается, начинает стирать то, что было за сутки до того. В таком случае видеозапись вообще найти невозможно.

– Так что мне говорить-то? Меня ещё поведут к следователю, или того, что я сказал ночью, достаточно. – Всё-таки из разговора с адвокатом Боря догадался, что наступил уже следующий день.

– А ты ночью со следаком беседовал?

– Ну да, какие-то объяснения давал.

– По идее, ты не должен был этого делать. Адвоката он тебе предоставил?

– Нет.

– Тем более. Ты его должен был послать к чёртовой матери, пятьдесят первая статья Конституции. Имеешь право.

– Ну, он говорил, что тогда в более тяжкой статье будет обвинять.

– А он и сейчас тебе может "разбой" пришить. Но пока я так понял, тебе вменяют сто шестьдесят первую: грабёж. Значит так, визитку мою не потеряй. Когда тебя поведут на допрос к следователю, а он ещё не объявил тебе, что уголовное дело возбуждено, значит, ещё поведут. Твоё ночное объяснение вообще получено незаконным путём, поэтому его к делу вряд ли приложат. Так вот, если тебя к нему поведут, а он скажет: "вот тебе адвокат по назначению", упирайся. Скажи у меня уже есть адвокат, дай ему мою визитку, и скажи, что будешь молчать пока не вызовут Виктора Фёдоровича.

– Всё понял, спасибо.

После рукопожатия, адвокат произнёс:

– И да: на вот, возьми уголовный кодекс, пригодится. Хоть разберешься, что вообще с тобой происходит.

Боря принял уголовный кодекс из рук адвоката и направился в первую камеру. Где опять попробовал уснуть. Состояние было у него очень мутное, так как выспаться не удалось, а спать на деревяшке и в верхней одежде он не привык.

В мыслях он представлял себе, как посылает следователя к чёртовой матери, и отказывается вообще что-либо говорить. В общем, всё что, ему насоветовал адвокат, он себе сейчас и представлял. Его грёзы прервались, когда опять открылась дверь и очередной сотрудник ОВД "Тверское" назвал фамилии двух алкашей, которые всю ночь были Бориными соседями, и забрал их с собой.

Оставшись в камере один, Боря открыл уголовный кодекс. От непонятной юридической формы русского языка начались приступы моральной тошноты. И на большее, чем одну страницу, Бори не хватило. Но заняться было нечем, и он открыл согласно оглавлению свою сто шестьдесят первую статью. Итак, "Грабёж, то есть открытое хищение чужого имущества, - наказывается обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет."

"Как всё сложно, и это только первая часть" – подумал Боря.

Прочитать вторую часть Боре помешала громыхающая дверь. За дверью стоял следователь. Он задал один вопрос:

– Ты нашёл себе адвоката?

– Да. Вот визитка.

Не отрывая айфон от уха и со словами "Ясно, понятно" молодой следачок направился к выходу из дежурной части. Как всё просто оказалось, а Боря уже напредставлял себе…

Оставшись один, он принялся читать вторую часть сто шестьдесят первой статьи. Это занятие оказалось не настолько мутным, насколько чтение первых страниц кодекса. Что там? "То же деяние, совершённое: а) группой лиц по предварительному сговору; б) утратил силу; …" Что значит "утратил силу" Боре стало непонятно. И он подумал, что, наверное, Государственная Дума, внесла поправки в статью, а юридический вариант русского языка не позволял пункты переносить на освободившиеся строчки. Видать, утратившее силу обстоятельство, могло быть возвращено в уголовный кодекс следующим созывом Думы. Что дальше? "… в) с незаконным проникновением в жилище или иное хранилище; г) с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия; д) в крупном размере…" Боря прервал чтение, чтобы сопоставить написанное с совершённым. Итак, грабил он один, значит группы лиц, у него нет. Вошёл в "Мак" через парадную дверь, стало быть, законное проникновение. С применением насилия, что-то невнятное написано. По идее он угрожал пистолетом, а значит, угроза применения насилия всё-таки была, но его пока обвиняют по первой части. А с крупным размером вообще непонятно. С какой суммы начинается крупный размер? А тут ещё третья часть, там "особо крупный размер". Вообще что-то непонятное.

Под эти размышления, Борю опять стала одолевать сонливость. Как только он окунулся в объятия Морфея, так дверь снова открылась.

– Выходи.

На него надели один комплект наручников (видимо, решили, что одного достаточно – не сбежит теперь точно никуда), и повели на третий этаж. Кабинет здесь выглядел более ухоженным. На стенах висели какие-то плакаты, памятки сотрудникам как обращаться с задержанными. Боря подумал, что эти плакаты с советских времён остались. С него сняли "браслеты", а через минуту в кабинет вошли следователь, не расстающийся со своим ноутбуком, и не поменявший утреннего прикида адвокат, с тем же портфелем, что и с утра. Часы на стене показывали начало четвёртого часа второй половины дня. Наконец-то Боре стало известно, сколько сейчас времени, и он прикинул, сколько примерно прошло с момента задержания. Почти семнадцать часов он находится в руках полиции.

– Так, Виктор Фёдорович. Я, с целью соблюдения всех процессуальных норм, оставлю Вас наедине с подозреваемым. Но ненадолго, дадите быстренько консультацию и к делу.

Он оставил ноутбук на столе и, доставая сигареты из кармана, направился к выходу в коридор.

– Вот что, Боря. – начал разговор адвокат, доставая из портфеля какие-то бумаги, и вчитываясь в них. – Твои родители в курсе происходящего. Но видеозапись "Макдоналдс" пока не предоставил. Поэтому наша позиция не меняется. Наша сейчас задача выпросить у Алексея Сергеевича для тебя подписку о невыезде и надлежащем поведении. Ведь ты же работаешь? На работе пока не в курсе, но появиться тебе там вообще-то желательно, поскольку мы сейчас будем собирать характеристики твои. Чем больше положительных характеристик, тем меньше дадут срок. Может быть тебе дадут условно, всё-таки ты первый раз привлекаешься. Сегодня поедешь в ИВС, проведёшь там два дня, а во вторник суд. Надеюсь, они изберут мягкую меру пресечения. Ну а пока ты находишься под охраной.

– А вещи мои мне вернут? – Боря вспомнил обо всём, что у него изъяли. Он даже не поинтересовался у адвоката, что такое ИВС. В его-то положении, вообще-то стоило бы ознакомиться хотя бы с расшифровкой незнакомой аббревиатуры, не говоря о том, что это за учреждение такое, в котором ему предстояло оказаться. Адвокат изумился ходу Бориных мыслей, ведь он тоже рассчитывал на этот вопрос, а подзащитный интересуется каким-то пустяком…

– Не думай об этом, мой тебе совет. Главное на свободе оказаться, с чистой совестью, а то, что у тебя изъяли – дело наживное. Купишь себе ещё. Обычно следователь отдаёт личные вещи

обвиняемого родственникам. Но твоя мама с ним ещё не разговаривала. Я скоро узнаю его рабочий адрес, номер кабинета, где он сидит, и этот незначительный, по моему мнению, вопрос мы тоже уладим. Кстати, обычно сам следак и предлагает вещи забрать. Но пистолет тебе не вернут, скорей всего. Это вещдок, а их обычно уничтожают после вступления приговора в законную силу.

– Время вышло, граждане. – Огласил вернувшийся следователь Петренко, прервав очень сложное для Бориного понимания высказывание адвоката. – Начнём, пожалуй? Итак, Пахомов Борислав Григорьевич, в отношении вас возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью первой статьёй сто шестьдесят первой уголовного кодекса Российской Федерации. Вы подозреваетесь в совершении ограбления заведения сети быстрого обслуживания "Макдоналдс". Меня интересует вопрос номер один. Вы признаёте свою вину?

– Нет. – ответил Боря.

– Борис, правильно говорить так: – поправил его адвокат. – Свою вину отрицаю в полном объёме.

– Записано. – печатая на ноутбуке показания Бори, произнёс следователь. – Что ты делал в субботу в "Макдоналдсе" на Сухаревской площади?

– Друга встретил. – сказал Боря, на этот раз более уверенно, чем ночью. – Лёшу Тарханова. Он мне денег должен был. Вот и позвонил мне, чтобы я приехал. Вручил мне пакет, и потребовал, чтобы я сразу вышел.

Следователь печатал показания подозреваемого на ноутбуке. А Боря почти краснел от того вранья, которое сочинял на ходу. Главное, о чём думал он, это – запомнить всё, что сейчас наговорит и придерживаться своей версии по ходу всего расследования. Ну, или по крайней мере до тех пор, пока не предъявят запись видеонаблюдения. Лёшу профкомовского он уже не щадил. "Это ж надо, какой советчик нашёлся, – только и думал он. – Посоветовал, а сам не пробовал даже. Фантазёр хренов! Фильмов насмотрелся Квентина Тарантино. Там-то профессионалы кафе грабили, которые до ограбления успели покушать в нём и как следует его изучить."

Но хорошо, что с Борей работал адвокат, и тот мог действительно проконсультировать его, дабы не наговорить лишнего. Авось и правда, видеозапись следователю добыть не удастся, и он сможет отмазаться. Разговор продолжил Алексей Сергеевич:

– Итак, Тарханов Алексей…, отчество как у друга?

– Я не в курсе – ответил Боря. – У меня телефон его есть. Можно позвонить и спросить.

– Я тебя правильно понял, ты считаешь, будто он ограбил "Макдоналдс" и передал эти деньги тебе?

Боря замялся. А вот адвокат нашёл, что ответить:

– Эта версия кажется нам наиболее правдоподобной, хотя самого ограбления Боря не видел, и ничего точно утверждать не может. – Учитывая, что Боря не поставил в известность адвоката о своей версии, что деньги получил от друга, Виктор Фёдорович сообразил довольно быстро, как этой версией воспользоваться. На своего подзащитного он кинул едва заметный неодобрительный взгляд.

Боря кивнул, не зная мыслей адвоката. Он думал лишь о том, что тот произнёс вслух. Пожалуй, лучше и не скажешь. Грамотно.

– И ты предлагаешь нам проверить эту версию?

Только сейчас Боря обратил внимание, что Петренко с ним разговаривает то "на вы", то "на ты". И странно, что эта неуместная мысль пришла в голову именно сейчас, когда надо было чётко ответить: да или нет.

– Да. Я предлагаю позвонить ему. – только и смог вымолвить Боря.

Следователь отправил на печать показания Бори, и когда листок вышел из принтера, протянул им двоим для прочтения.

– Читайте, господа. Всё верно?

Боря уже второй раз за последнюю половину суток читал свои собственные показания, и не видел смысла давать их столько раз. Однако, видимо в этом и заключается расследование уголовного дела, чтобы множество раз спрашивать об одном и том же. Если Боре снова зададут вопрос, то он ответит то же самое. "В субботу вечером. Я прибыл в кафе "Макдоналдс" на встречу с другом Тархановым Алексеем, который был мне должен денег. По моей версии он ограбил заведение, и вызвал меня, чтобы передать награбленное в виде возвращённого долга. При мне был пистолет без обоймы, но я его не доставал. Вину отрицаю в полном объёме."

– Знаете, что можно добавить сюда? – начал адвокат, и убирая свой портфель куда-то в сторону, добавил: – "Преступления я не совершал, кафе не грабил. Прошу избрать мне меру пресечения, не связанную с лишением свободы. Обязуюсь не пропускать следственные мероприятия и прибывать по первому вызову".

– Я–то, конечно, запишу то, что вы попросили – ответил Петренко, и продолжил: – Но вы знаете, о чём просите? Чтобы я отпустил подозреваемого под подписку о невыезде и надлежащем поведении.

И тут следователь откинулся на спинку стула, всем своим видом дав понять, что сейчас последует длительное повествование:

– Вот знаете. Я работаю следаком… А ведь именно так вы нас называете, правильно Боря? – На этом месте Боря изумился. Он ещё не успел стать зеком, а Алексей Сергеевич уже причисляет его к таковым. – Так вот я работаю уже два года следователем. Начинал как помощник следователя, когда учился на юриста, а по окончании стал следаком. Два года назад, приступив к расследованию двух своих первых уголовных дел, я решил быть добрым. И отпустил подозреваемых на подписку о невыезде. А вы наверняка в курсе, Виктор Фёдорович, что на подписку о не выезде, я могу отпустить и не обращаясь в суд? Это для содержания под стражей нужно просить у суда разрешения. Так вот, знаете, что случилось? Они оба за границу уехали! И их до сих пор не нашли. Вы можете сказать, что-то типа "да я не такой, я-то точно не сбегу". Но они тоже клялись приходить вовремя на следственные действия и сбежали. Меня тогда сильно ругал следственный комитет, уволить хотели, но простили как новенького. Те два уголовных дела передали более опытному коллеге. Но с тех пор я по каждому фигуранту прошу у суда санкцию на арест. При этом всего лишь один раз суд мне отказал.

Подозреваемый и адвокат промолчали. Алексей Сергеевич отправил новый вариант показаний на распечатку, и продолжил:

– Вот ты говоришь: "Это мой друг ограбил кафе. Свяжитесь с ним". Мы с ним свяжемся, но только после того, как судья выберет тебе меру пресечения. И знаешь почему? Потому что у меня есть подозрения, что ты всё придумал. Иногда мнение следака и судьи расходятся, и судья может тебе поверить. И вот тогда-то я начну проверять твою версию. А пока в этом нет смысла. Знаешь, сколько в Москве живёт Тархановых Алексеев? Вчера ради интереса проверил. Двадцать пять тысяч. Позвонить ему говоришь? Я позвоню, он выкинет сим-карту, и пропадёт, и зачем он мне нужен, когда есть ты? Чтобы тебя пожалеть? Я сегодня утром беседовал с менеджером "Макдоналдс", который на смене находился во время ограбления. Он описал приметы грабителя. Сходятся с твоей внешностью. Хочешь, опознание проведём?

– Проводите! – уверенно ответил Борис.

– А мы и так его будем проводить. Хотя если приобщим к делу видеозапись, то в опознании не будет смысла. И тем не менее, практика показывает, что когда подозреваемый отрицает свою вину, чаще всего это означает, что совершил преступление он. Вот я, например, среди уголовников пользуюсь плохой репутацией. Потому что всем, чьи дела я расследовал, дали реальные сроки лишения свободы. У тебя есть все шансы быть первым, кому дадут условно. Ты ведь ранее не судим, привлекаешься первый раз к уголовной ответственности. И я насчитал у тебя семнадцать приводов в милицию и все за пьянку, то есть серьёзных нарушений обществен-

ного порядка за тобой не замечено. Любишь распивать алкогольные напитки в общественном месте, но это мелочь. Ты ведь не дебоширишь, штрафы оплачиваешь. К тому же ни разу не ночевал в ментовке. В общем, почти чист, но ты пошёл неверным путём. В несознанку. И твои шансы на "условку" тают на глазах. И чем дольше ты будешь отпираться, тем дольше будешь сидеть. Во вторник суд, до этого предлагаю тебе подумать над моими словами. Вот здесь пиши "С моих слов записано верно, мною прочитано" и поставь подпись.

Боря выполнил уже знакомую процедуру. Поставил везде, где надо подпись. И следователь со словами "У меня всё. Оставляю вас наедине" свернул ноутбук, распечатал копии протокола допроса адвокату и Боре, выдал им причитающиеся, сложил в свой ноут какие-то свои бумаги и удалился.

– Можно мы побеседуем, – попросил адвокат Гусев у конвойного полицейского. – Буквально пять минут, не дольше.

– Да, пожалуйста! – ответил тот, и добавил: – мне спешить некуда, хоть до ночи беседуйте.

– Значит так, Боря. Во-первых, меня удивила твоя позиция по уголовному делу. Ты меня не поставил в известность, что топишь своего друга. Я, конечно, постарался сказать следователю такую версию, чтобы ты ссученным не выглядел. И тем не менее. Сейчас ты отправишься навстречу к уркам, а они не любят тех, кто таким способом выкручивается. Надеюсь, больше нет обстоятельств, о которых ты умолчал и не поставил меня в известность?

– Нет, вроде. Я думал, что сказал вам свою версию… – Растерялся Боря. Мало того, что адвокат перешёл с языка юридического на феню, загрузив Борю незнакомыми словами "топит", "ссученный", так ещё и претензии имеет. Обидно, мама ведь деньги за работу платит ему.

– Как видишь, не сказал. Ну что же, следачок нам предлагает во всём сознаться. Но мы не будем спешить этого делать, пока он нам не покажет видео. Если они видеозапись сделают, то мы чуток изменим нашу позицию, а пока никаких сознанок. Признать вину мы всегда успеем. А ты тем более несудимый, у тебя есть шансы получить условно и без признания вины.

– И что делать теперь? – Спросил Борис.

– Ну а что теперь. Езжай в изолятор, там условия получше, чем в ментовке, выспишься подготовишься к суду. Мы постараемся уговорить судью отпустить тебя на подписку о невыезде, я пока буду характеристики на тебя собирать. Больше всего я на место работы твоё надеюсь. Может они дадут гарантию твоего присутствия на следственных мероприятиях. И вот что. В изоляторе, помимо тебя, будут ещё задержанные. Ты с ними, по-любому, будешь разговаривать. Мой тебе совет, не рассказывай им подробности своей делюги. А так всё, бывай до вторника!

Адвокат пожал руку Боре и удалился. Конвойный повёл Бориса вниз, обратно в обезьянник, по его просьбе проводил до туалета, а затем вернул в уже знакомую первую камеру. Где Борис остался один. Но ничего читать не хотелось, и Боря просто лёг на деревянный настил, закрыл глаза, и вспомнил сотрудницу Сбербанка Свету, которой предлагал встретиться, да у той всё не хватало свободного времени на него. Боря искренне надеялся, что мысль о Свете поможет ему заснуть. Ведь ночью он так и не выспался.

Глава 3. ИВС

Улица Тверская была, как обычно оживлена. Толпы прохожих сновали в разные стороны. Все куда-то спешили, сбивая по пути, друг друга. Боря вышел из метро, и направился по подземному переходу на Пушкинскую площадь. Здесь возле памятника Александру Сергеевичу уже стояли профкомовские друзья его. Завидев Борю издали, они сразу начали кричать, изумляясь изменившемуся его имиджу. Вместо зелёных волос в стиле Денниса Родмана, типичная короткая деловая стрижка, гладко выбрит, в пиджаке, но почему-то без куртки.

– Чем занимаешься, Боря? – спросила Лиза, художественный руководитель университета, глава студенческой самодеятельности.

– Я в тюрьме сижу, – ответил Боря, удивившись мысленно своему ответу. Но почему-то остальные ребята не стали разделять Бориного удивления. Никому даже не показалось странным, что человек стоит рядом, и утверждает, что он сейчас в тюрьме. Все думали только о том, что Лёша-неформал и Коля-брейкер почему-то запаздывают. Боря и сам был не прочь их повидать. Неожиданно гул голосов стих, и послышались звуки скрежета тяжёлого замка.

Как это обычно бывает в неволе, сновидение прервалось по требованию властей, заставивших подняться и двигаться куда-то в спешном порядке. Когда двери открылись, Боря увидел перед собой двух каких-то новых полицейских, явно не работающих в ОВД "Тверское" и одетых в странный камуфляж без нашивок, и без прочих знаков отличия. У обоих были разные лычки на погонах. Тот, что с лычкой, расположенной вдоль погона, начал резкими словами:

– Так, Пахомов, побыстрей собирайся. Вещи все свои забрал?

– У следака ещё есть мои вещи.

– Дома сидит твой следак уже, водку пьёт. Всё своё забрал?

– Да, всё.

На него надели наручники, и повели на улицу к машине. Боря, как и любой здравомыслящий человек, окажись он на его месте, не сопротивлялся. Полицейские, тем не менее держали его под руки не слишком доверяя подозреваемому.

На улице стояла белая газелька с синей надписью "Следственный комитет РФ". Борю завели в неё, здесь были три микро-камеры на одного человека, и позади машины клетка на троих человек. Именно в неё Боря и был помещён. С него сняли наручники, и закрыли клетку на замок. Один из ментов вышел на улицу и сел на переднее сиденье, а второй остался на единственном сидячем месте в салоне машины. И она поехала.

"Подумать только, – мысленно проговорил Боря. – Ещё позавчера пил пиво в хорошем заведении, а теперь еду в этой неудобной газели. Где темно, невозможно книжку почитать". О своём уголовном деле он думать не мог. Поэтому решил сделать попытку поглядеть в окно. Хотя вообще-то у него кроме книжки теперь была копия постановления о возбуждении уголовного дела, её-то стоило почитать. Но, как уже отмечалось, была слишком неудобная темень, в которой разглядеть какие-то буквы невозможно, а чтоб ознакомиться со своей собственной делюгой, нужна более спокойная обстановка. К несчастью Боре, испытывающим желание поглядеть на свободную улицу, газель устроена так, что сделать это практически невозможно. Можно лишь, вытянув шею увидеть из окна кабины водителя саму дорогу, голый асфальт.

Куда его везут, Боря не знал. Из слов адвоката, он помнил, что едет в какое-то учреждение, под странным названием ИВС. Как оно расшифровывается, адвоката почему-то не спросил. Он сделал попытку догадаться, куда едет машина. Из клетки на последнем сиденье ("стакан") можно было разглядеть водителя и дорогу. Но было уже темно, а дорога везде одинаковая. Если бы у Бори были права и машина, он бы разбирался в дорогах по внешнему виду средней полосы. Но он не разбирался в этом, и мог различать улицы лишь по их обочинам. А вслух, полицейские не говорили о том, куда едут. Машина то стояла в пробке, то на

светофоре, то ехала. Боре запомнилось множество поворотов. Затем перед газелью появились ворота, машина остановилась. Из КПП вышел охранник, водитель дал ему какие-то бумаги, и охранник удалился. Затем ворота открылись, машина въехала во двор и остановилась.

Открылась дверца машины, полицейский встал со своего места, направился к Боре, открыл ему клетку, надел на него один наручник, другим пристегнул к себе со словами:

– Ты не буйный? Вторые "браслеты" не понадобятся?

– Всё нормально будет. – Ответил Боря, – не надо вторых "браслетов".

– Тогда пойдём.

И Борю повели. Его завели в очередную клетку ("стакан"), которую за ним закрыли, и отстегнули от наручника. Полицейский удалился и Боря остался в помещении один. Он достал из пакета уголовный кодекс и попробовал почитать, но после первого же абзаца, в комнату вошли двое. Какой-то военный мужичок преклонного возраста, и с ним пожилая женщина в белом халате. Военный громким командирским голосом потребовал от Бори:

– Все свои вещи клади сюда. Одежду снимай полностью и тоже складывай сюда. Будем досматривать.

Боря сначала отдал пакет с двумя книгами и бумажкой с уголовным делом Бори (делюга). Пока он раздевался, мужик в военном камуфляже разглядывал содержимое пакета. Затем он принялся осматривать одежду доставленного. Возвращая пакет с книгами Боре, он ещё раз продемонстрировал свой командирский голос:

– Поворачивайся задом, и раздвигай ягодицы. – После того, как Боря выполнил это распоряжение, он добавил: – Пакет твой досмотрели, можешь забирать. Одежду сейчас досмотрим и тоже вернём.

Женщина в белом халате спросила:

– Хронические заболевания есть: туберкулёз, астма, простатит?

– Нету ничего.

– Точно нету? – Усомнилась женщина и добавила: – А то я знаю как у вас обычно это бывает. Сначала говорят "нету", а потом выясняется и сифилис, и ВИЧ, всё есть оказывается.

В разговор вмешался военный:

– Забирай одежду и одевайся.

Боря оделся, и его вывели из стакана. Без наручников его повёл военный по коридорам. По лестнице поднялись на третий этаж, а там на входе сидели за столом две молоденькие девушки, обе в милицейской форме без нашивок. На погонах сержантские лычки. Одна из них поднялась со своего места с ключами, и пошла вдоль коридора, а другая стала принимать от военного, какие-то бумаги.

Когда бумажная возня закончилась, военный повёл Борю к тому месту, где уже стояла девушка, которая вблизи оказалась не столь молоденькой как представлял себе Борис, и она, вставив ключ в замок, начала отворять камеру со словами:

– Одеялом можно накрываться только после десяти вечера, за нарушение в карцер. Если хочешь накрыться, курткой своей накрывайся.

Дверь открылась, Боря вошёл в камеру. Здесь оказалось просторнее, чем в обезьяннике. По левую руку от него к стене были прибиты вешалки для верхней одежды, по правую руку находилась "утка" – санузел, без унитаза. Он был огорожен специальной стенкой по пояс. Вдоль левой стены находились две маленькие кровати, у дальней стены стояли три кровати в ряд, а по правую стену находился железно-деревянный столик, прибитый к стене. Снизу к столику была приварена скамья. Между столом для приёма пищи и санузлом находилась раковина, над которой было зеркало. Единственным свободным местом была кровать у дальней стены, которая стояла посередине. К ней Боря и направился. Когда он присел на неё, послышался голос соседа:

– У тебя курить есть?

Боря поглядел на сокамерника. На вид лет тридцать пять или сорок. На левом плече несколько неразборчивых наколок. На пальцах татуировка "За В.А.С.". Накрывался дублёнкой, а под ней был одет в белую майку, на советский манер. В верней челюсти не хватало одного из передних зубов, из-за чего он имел манеру говорить с лёгким посвистыванием, не доходящим до шепелявости.

– Нету, – с сожалением ответил Боря. – Я вообще не курю. – Вообще-то он курил, когда учился в старших классах школы, но в университете, со временем бросил. Как-то само прошло. Видимо, курил, что называется, не в затяг, поэтому и бросить было легче.

– Почему вы все сюда без сигарет заходите?

– Не наезжай на него! – Попросил другой сосед сиплым голосом. Боря кинул взгляд и на него. Худое, повидавшее в этой жизни немало, лицо. Кашель через каждые пять минут. Если первый был одет налегке, то этот его сокамерник укутался как следует в тёплый пуховик с мехом, а под ним и рубашка, и тёплая кофта.

– Да я не наезжаю, – сразу сменил тон первый. И с улыбкой продолжил: – Тебя как зовут?

– Боря.

– Меня Толик. Я цирюльник местный. Слышал песню такую "парикмахер дядя Толик, подстриги меня под нолик"?

Боре доводилось слышать блатные песни, несмотря на то, что в студенческие годы он был специалистом по электронной музыке. Анатолий же продолжал, всё время улыбаясь:

– Этого доходягу, который возле тебя лежит, Володя зовут. Тебя за что закрыли?

– За грабёж. – Признался Боря. – "Макдоналдс" ограбил.

– Красава! – Воскликнул Толик, – А меня за кражу. Ночью проник в магазин и ящик водки стащил. Он оказывается больше тысячи стоит, вот меня и поймали. Сто пятьдесят восьмую шьют, народную.

– Почему народную?

– Потому что большинство тюрьмы по этой статье сидит, вот она и получила прозвище "народная статья". Но тут ещё не тюрьма. Это "Петровка, тридцать восемь", изолятор временного содержания, в советские времена КПЗ назывался, теперь в ИВС переименовали. Тут рядом детский сад, и баланда прям оттуда идёт.

– Что идёт? – переспросил Боря, услышав незнакомое слово.

– Ну, баланда. То, что мы едим тут. Каша там, макароны, рассольник. Из детского сада поставляют, так что она тут сносная, есть можно. А вот когда в тюрьму поедешь, там сами зеки готовят, козлы – картошку почистить нормально не могут, с кожурой в супе попадается.

– Ты его давай не стращай! – Подал голос Володя, – Может его ещё не закроют, а на подписку о невыезде выпустят.

– Ты, конечно, оптимист, Вован! – Передразнил его Анатолий, и, переведя взгляд на Борю, добавил: – Его не слушай особо. Он ни разу не сидел, вот и не знает ничего. У меня уже две ходки позади, так что лучше ко мне обращайся. Запомни главное правило арестанта: надо надеяться на лучшее, а ожидать худшего. Вот Вова ожидает лучшего, а как судья объявит "арестовать", так за сердце ухватится. Приступ случится.

– Не случится, – уверенно парировал Владимир, прерываясь на кашель. – Если, когда закрывали, не случился, значит уже больше точно не случится.

– А лет-то тебе сколько? – Настаивал на своём Толик. – В твоём возрасте, как раз сердечные приступы и характерны. Борь, хочешь я тебя по фене научу разговаривать? В тюрьме пригодится.

– Отстань от него – не унимался Вова. – Успеет он научиться. Может ему вообще твоя феня не пригодится.

– Вот старый! – Улыбнулся Толик. – Хотя да, по фене тебя и в тюрьме научать говорить. Что у тебя за книжки?

– Уголовный кодекс адвокат дал, и Стивен Кинг у меня с собой был. – Ответил Борис.

– Надо было кроссворды у адвоката попросить. А то здесь не расчитаешься особо. – Толик откинулся на спинку кровати, и принялся вслух разгадывать сканворд. – Гвардеец Ивана "Грозного"?

– Опричник. – Сказал Владимир, в голосе чувствовалось лёгкое пренебрежение к невежественному сокамернику.

– Подходит, – на ходу записывая, откликнулся Толик, и произнёс следующее задание, погрызывая ручку: – Пронзит струна осколком эха?

– Песня была такая, – сказал Владимир, – не помню, кто поёт.

– Олег Митяев. – За него продолжил Боря. – Пронзит тугую высь.

– О! "Высь" подходит. – Успел с улыбкой сказать Толик, как по радио объявили:

"Московское время двадцать два часа. В эфире новости".

– Можешь одеялом накрыться, Боря. Кстати, радио тут всю ночь играет, по нему и ориентируемся во времени.

– Киргизу скажи, чтоб накрылся. – Перебил Владимир. И поскольку Толик был ближе всех к четвёртой кровати, то он и крикнул, сделав серьёзное лицо:

– Эй, киргиз!

– Чего-мана? – ответил тот. Киргиз поднял голову. Неизвестно сколько дней он не брился и не принимал душ, но он явно зарос. Представитель Средней Азии тоже предпочитал одеваться в пуховик, как и Володя. Из национальной одежды на нём ничего не было, одет был как типичный москвич, и только растительность на лице и смуглая кожа выдавали в нём киргиза.

– Одеяломана можешь накрыться – Передразнил киргизский акцент Толя, – десять уже. "Микки из Голивуда?". Четыре буквы.

– Маус – ответил Володя.

– Не подходит. Первая "Р".

– Тогда не знаю.

– Может Микки Рурк? – предположил Боря.

– Подходит. – Ответил Толик. На следующем задании Боря заснул, и дальнейшая судьба кроссворда ему осталась неизвестной. Разбудил его утром строгий женский голос за пределами камеры:

– Подъём граждане! Время шесть утра. Заправляем кровати. Побыстрее!

– Ну ты и храпишь, братишка – обратился к Боре Анатолий, заправляя кровать. – А ты какой "Мак" ограбил? Тут, кажется, ночью по радио про тебя передавали.

– На "Сухарях". – Ответил Боря, уже покончив с заправкой койки.

– Через два часа завтрак принесут, его здесь сотрудники изолятора раздают. – Боря удивился, как Толик мог резко и часто менять тему для разговора, и даже не находил слов, чтобы ответил ему, или вставить. – Ты, поди, давно уж не ел-то?

Боря, вдруг, вспомнил, что в действительности, он принимал пищу в последний раз дома, перед выездом в субботу. А теперь понедельник, утро. То есть полностью всё воскресенье в его желудок не упало ничего съедобного.

– После завтрака у них тут проверка бывает. Можешь на режим пожаловаться.

– На обжарку надо б попроситься, – вставил своё слово Владимир. – Мне кажется, киргиз этот: блохастый.

– Кстати, да. "Беттеры" скорее всего у него есть. Он же по два-два-восемь залетел-то. А они когда колются, могут неделю не мыться вообще.

– Два-два-восемь – это за наркотики что-ли? – Уточнил Борис, неоднократно слышавший этот номер статьи. Вот почему от киргиза так несёт. Наркоманы, как правило, не утруждают себя своевременным приёмом ванны или душа.

– Да. Прикинь его на "точке" поймали. В ларьке газетном героин покупал, пять граммов порошка. Его-то "без прима" взяли, а газетчик, похоже, надолго уедет.

– Что значит "без прима"? – Боря сделал растерянное лицо, явно не понимая новую для него речь.

– У тебя же уголовный кодекс есть. Вот открой, посмотри. Там два-два-восемь, несколько статей есть. Прим-один, прим-два, а у него "хранение без цели сбыта", значит "без прима".

Позже, изучая состав двести двадцать восьмой статьи, Боря выяснил, что "прим" – это сокращение от слова "примечание". И что статей с этим номером целых пять, в каждой ещё части есть. Без прима – это обычная двести двадцать восьмая. Первая часть за мелкую наркоту – до трёх лет лишения свободы, по второй части крупный размер – от трёх до десяти, в третьей части особо крупный размер – от десяти до пятнадцати лет. Судя по всему у киргиза была вторая часть. Статья двести двадцать восемь прим один – означала сбыт наркотиков, и тоже три части, но насколько они суровые Боря прочитать не успел, поскольку принесли завтрак, и задержанные пошли его получать. Передавая друг другу тарелки с кашей, они накрыли на стол, и принялись за еду. После того, как помыли тарелки, и понесли их сдавать, раздали чай. У Толика в сумке ещё оставались печенья, которыми он охотно поделился с остальными. Киргиз от приёма пищи отказался.

– Ломка у него. Всё время строгает, и аппетита нет.

Что значит "строгает" Боря уже догадался сам, поскольку видел не однократно, как их азиатский пассажир подходил к "утке" блевать. Во время проверки, все задержанные, кроме плохо себя чувствующего киргиза, выстроились по струнке, и один из сотрудников в военной форме спросил:

– Мамедов опять от еды отказался?

– Да. – ответил Толик. – Он рыгать ходил всю ночь на дальняк. Может ему какую-нибудь таблетку дать?

– Метадон сейчас ему выпишем, может, проспится.

Проверка удалилась, и задержанные принялись за разгадывание кроссворда. Через час после этого дверь открылась, вошёл какой-то молодой сотрудник изолятора, одетый, правда, не в синий милицейский камуфляж, а в военный – защитного цвета, и спросил:

– Пахомов, у тебя помыться есть желание?

– Да, конечно. – Отозвался Боря.

– Пошли. Только вновь прибывшим оказывается такая честь.

Его отвели на второй этаж. Дали кусок хозяйственного мыла. И Боря принялся раздеваться. Всю одежду он сложил на скамье около двери в душевую, открыл воду, и долго-долго намыливался хозяйственным мылом. Поскольку ни мочала, ни вехотки у него здесь не было, то как следует отмыться ему здесь, похоже, не удастся, он решил как можно дольше находиться под водой. Но не слишком долго, чтобы не раздражать администрацию. Сменной одежды у него при себе не было, поэтому одеваться пришлось в то же самое. "И какой смысл в этой помывке, если ту же одежду на себя одеваешь?" – сказал мысленно, про себя. Его привели обратно на третий этаж, в ту же камеру.

Во время обеда, его сосед Толик задал вполне распространённый вопрос в такой ситуации:

– Ну как тебе наша жизнь, тюремная?

– Жить можно.

– Правильный подход – похвалил Володя. – От того, что тебя закрыли, жизнь не закончилась? Поэтому унывать не нужно.

– Можно даже веселиться, – улыбнулся Толик. И добавил со смешком: – когда меня первый раз закрыли, я тоже грустный ходил, только в зоне уже разморозился. Ничего, Боря,

в тюрьме тоже весело бывает. Хотя может быть, завтра домой поедешь. Нас-то с Володей полюбому закроют.

Надеяться на лучшее, но ожидать худшего. Вот правило, которое Боря уже точно для себя уяснил. Он слушал радио, и старался о своём деле не думать. Искал любую зацепку, чтобы отвлечься. А Толик, как некий гуру, рассказывал ему то одно правило, то другое. Правила поведения в тюрьмах, которые устанавливают авторитетные воры. Но, естественно, всего рассказать невозможно. Он успел только поведать о священном сне арестанта. "Если администрация кого-то вызывает, то будить не нужно, пускай сами заходят в хату и будят. Когда арестант спит, тогда ему кажется, что срок идёт быстрее, поэтому будить нельзя". Поведал про передачку: всё что попадает в камеру с воли, должно быть поделено между остальными. Потому что не у всех есть родственники, друзья, многие – одинокие люди, и им никто ничего не передаёт. Правило пользования туалетом Боря узнал на ходу. Захотелось справить нужду, и услышал голос Толика за спиной:

– Когда на дальняк идёшь, воду открывай. Здесь не унитаз, тут смыва нет. Открой воду, пусть она течёт. Справишь нужду – закроешь. Так пахнет меньше оттуда.

В середине дня Толик попросил Борю почитать бумаги, которые были у него с собой. Боря замялся, с непривычки подумал стоит ли это делать. Но Толик его успокоил:

- Запомни. Свою делюгу не показывают только стрёмные арестанты. Которые что-то скрывают от зеков. Там, изнасилование, или подельников сдают. А если тебе нечего скрывать от нас, то можешь смело давать свою делюгу. Вон, на возьми, хочешь мою почитать? Обменяемся так сказать.

Отдав свою дело («делюга») Толику, Боря взялся читать постановление о возбуждении уголовного дела в отношение своего соседа. Когда этот процесс закончился, Толик сказал Боре:

- Вот видишь? Ничего стрёмного в этом нет. Ты дал мне свою делюгу, а я тебе свою. А всякие ссученные, обычно, своё дело скрывают от остальных. Нам с тобой скрывать друг от друга нечего.

Наутро, после завтрака, вместо проверки, в камеру вошли множество людей в военной форме, и спросили не очень грубо, но всё же требовательно:

– У кого "беттеры"? – Этот вид насекомых не только задержанные, но и сотрудники ИВС предпочитали так называть. И Боря, без дополнительных разъяснений сокамерников, понял, что имеются ввиду блохи.

– У киргиза, скорей всего – ответили все. Как зовут задержанного Мамедова выучить никто не смог.

– Понятно. Тогда собираемся, граждане. Все вещи, всю одежду, постельное бельё, матрацы, и прочее собираем и несём вниз на обжарку.

Началась суета. Все жители камеры начали спешно скручивать матрацы, одежду. Боря решил на всякий случай пакет с книгами и бумагами тоже взять с собой.

– Да оставь здесь, всё равно сейчас вернёмся. – Посоветовал ему Толик, однако у Бориса такой уверенности не было.

Их повели в подвал, где они сдали матрасы в какую-то камеру, которую тут же включили. Затем в подобную камеру отправилась вся их одежда. Потом их стали опрыскивать каким-то ядовитым средством, напоминающим по запаху средство от тараканов. Спустя некоторое время их пригласили под душ, а после душа выдали короткое вафельное полотенце.

В помещение зашли двое в полицейской форме, и задали один вопрос:

– А где здесь Пахомов?

А Пахомов в чём мать родила, стоял и обтирался вафельным полотенцем. Когда он уже одевал "обжаренную" одежду к нему подошли.

– Как удачно, Боря! – Начал один из подошедших, – поедешь с нами и уже помытый, после обжарки. Вещи свои все забрал?

Уже знающий, что отвечать, Боря сказал, что у него есть пакет, в котором лежат его две книги, бумаги («делюга») и больше вещей с собой нет. Его вывели на улицу, отвели к газели, посадили в дальнюю клетку и повезли. На этот раз с ним ехали другие полицейские, как показалось Боре более вежливые, чем в субботу, когда его доставили в ИВС.

Глава 4. Избрание меры пресечения

Дорога была полна машин. Время час-пик. Пробка растянулась на долгие километры, и, казалось, что объехать её нет никакой возможности. Разглядеть сколько точно километров затор для Бори было невозможно, поскольку обзор из окна газели этого не позволял. После каждого поворота, выбравшись из одного затора, машина, в которой везли Борю, неизбежно попадала в другой. Из клетки в конце газели, Боря видел через окно водителя происходящее на дороге. На этот раз его везли днём, поэтому кое-что из окна водителя, он всё же мог разглядеть. Определить, по какой дороге его везут, опять не получалось. Когда его везли на полицейской легковой машине, тогда всё было хорошо видно, а отсюда из газели следственного комитета ничего не разглядишь толком.

Машина остановилась перед воротами, которые спешно открыли. Въехали в какой-то двор и остановились. Задняя дверь газельки открылась, но Борю выводить никто не спешил.

– Покури пока. – Сказал конвойный, продолжая играть на айфоне в какую-то игру.

Заняться было нечем. Боря достал из пакета Стивена Кинга и попробовал начать читать. Он всегда думал, что Кинг – это писатель-фантаст, и все его книги соответственно – фантастика. Однако, описывались тридцатые годы двадцатого века, а Боря справедливо считал, что фантастам обычно свойственно описывать будущее. Как только Боря понял, что книга "Зелёная миля" про тюрьму, так сразу за ним пришли.

– Выводи его, – сказал конвойный на улице.

Полисмен, который с ним сидел до этого в машине, привстал со своего места, открыл клеть, надел на Борю один наручник, вторым пристегнул себе.

– Вторые браслеты одень на него, по улице же ведём.

Судя по всему, за ним пришёл полицейский старше по званию, поэтому сопровождавший его сотрудник во всём ему подчинялся. Он достал вторые наручники и за спиной сковал Боре руки. Вот так его и повели в здание.

Зашли они с чёрного хода. Повели на второй этаж, открыли зал заседания. В зале его поместили в такую же клетку, как и в полицейском участке. "Опять в стакан" – подумал Боря, явно завидуя тем подсудимым, которые приходят на суд из дома без конвоя. Перед "стаканом" стоял стол, за которым уже сидел Виктор Фёдорович. В зале сидел лишь один наблюдатель – мать подозреваемого. За другим столом напротив его адвоката находился с бумагами в руках Петренко Алексей Сергеевич. На его лице был написан суровый настрой. Первым заговорил адвокат:

– Здравствуй, Боря! В первую очередь предупрежу тебя, а то случаи бывают разные, что с тобой общаться имею права только я. То есть на мать ты, конечно можешь взглянуть, но вести с ней переговоры запрещено. Теперь о деле. Вчера Алексей Сергеевич допрашивал работников "Макдоналдс". Они дают описания грабителя. Всего три человека: двое кассиров, один менеджер. И ещё, твоя мама дала описание этого Лёши, друга твоего. Сказала, что он внешне, мягко говоря, на тебя не очень похож. То есть, как только следователь увидит этого волосатого, твоя версия рассыплется в щепки. Это же невозможно увидеть, что грабитель был коротко стриженный, и при этом всем троим показалось. Так что работы у нас с тобой – непочатый край.

Только сейчас до Бори дошло, что он выбрал не того человека, чтобы свалить на него свою вину. Лучше б Колю назвал, который в "Маке" работает. Логично, ведь тот знает правила компании. Николай хотя бы раз в три месяца под "нолик" стрижётся.

– В любом случае, – продолжил адвокат. – Сейчас тебя судить не собираются, а лишь избирают меру пресечения. И наша с тобой задача, получить подписку о невыезде, или предложить залог. Твоя мама приготовила пятьсот тысяч рублей. Маловато, конечно, под такой залог редко выпускают, но попробовать всё же стоит. Значит так, запомни: ты ограбления не

совершал, внешне ты вполне приличный человек, работаешь, и обязуешься приходить вовремя на все следственные действия. Обращаться к судье только со словами "Ваша честь!", и обязательно вставать, когда разговариваешь с судьёй. Всё.

Боря прослушал, мысленно приготовился отвечать, и, глядя куда-то вдаль сглотнул.

– Я готов!

– И руки в карманах не держи, – дополнительный совет дал адвокат.

В зал вошёл судья. Им оказался мужичок предпенсионного возраста. Он был одет в чёрную мантию. Раздался голос судебного пристава:

– Прошу всех встать!

Захлопнулась на ключ дверь в зал судебного заседания. И судья объявил:

– Прошу садиться. Начинается рассмотрение ходатайства следователя Петренко Алексея Сергеевича об избрании подозреваемому Пахомову Борославу Григорьевичу меры пресечения в виде содержания под стражей. Пахомов Борислав Григорьевич подозревается в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьёй сто шестьдесят первой уголовного кодекса Российской Федерации, как то: ограбление сети ресторанов быстрого обслуживания ЗАО "Москва-Макдоналдс". Подозреваемый, встаньте!

Боря поднялся.

– Вы признаёте свою вину?

– Нет, Ваша Честь, я не совершал ограбления.

– Понятно. Алексей Сергеевич, что вы можете добавить к своему ходатайству?

– Уважаемый суд, – следователь предпочитал обращаться к суду другим допустимым словосочетанием. – Пахомов подозревается в совершении преступления средней тяжести. Однако, совершал он ограбление с угрозой применения насилия опасного для жизни и здоровья потерпевшим, у него при себе был заряженный травматический пистолет, который сейчас находится в следственном комитете на экспертизе. Поэтому в ближайшее время произойдёт переквалификация преступления на сто шестьдесят первую, вторую часть, что является уже преступлением категории тяжкие.

– А вот подозреваемый утверждает, что пистолет держал без обоймы.

– Мы опрашивали работников "Макдоналдс", и их менеджер Фаизрахманов Тимур Сафаралиевич, тоже владеет травматическим оружием такой же модели….

– Извините, Алексей Сергеевич, я вас перебью – Прервал судья поток речей следователя. – В материалах дела говорится о пневматическом оружии, а не о травматическом.

– Простите, уважаемый суд, оговорился. – Следак виновато улыбнулся, и продолжил: – Так вот, он сказал, что если бы в нём не было обоймы, он бы заметил, как специалист. Мы подозреваем, что Пахомов при выходе из "Макдоналдс" выкинул обойму в мусорное ведро, поскольку при досмотре места совершения она не была найдена. Вообщем, следствие считает, что находясь на свободе подозреваемый может скрыться от следствия, или угрожать потерпевшим и свидетелям, поэтому просит избрать меру пресечения в виде содержания под стражей.

– Понятно. Подозреваемый, а вы что скажете?

– Ваша Честь, – начал Боря, ещё не привыкший общаться с судом. – Я пришёл в тот "Макдоналдс", когда ограбление уже состоялось, мне просто друг передал деньги, откуда он их взял, я не знаю, а пистолет у меня во время задержания был, но без обоймы.

– Хорошо. Что вы просите у суда?

– Ваша честь, я прошу не удовлетворять ходатайство следователя.

– Ваша честь, – начал адвокат. – Мы просим вас отпустить подозреваемого на подписку о невыезде и надлежащем поведении. А если это невозможно сделать, то мы можем предложить залог в пятьсот тысяч рублей. Вносителем залога будет мать подозреваемого, которая находится здесь в зале суда.

Боря взглянул на мать. Хотелось сказать ей: "Не надо пятьсот тысяч. Я сам, дурак, пошёл на дело. Лучше посижу, чем ты заплатишь". Но он помнил, что контакт с ней запрещён. Тем более, его мать не является участником судебного заседания, поэтому ей разрешено присутствовать в качестве зрителя. Это правило, Боря знал из какой-то популярной передачи на Первом канале.

– Всё понятно, – отрезал судья, и добавил: – суд удаляется для принятия решения!

– Прошу всех встать! – раздался голос пристава.

Судья удалился, и дверь в зал распахнулась. В зал вошли двое: массивный паренёк с видеокамерой, и молоденькая девушка с микрофоном. Они подошли к Боре и начали с ним общаться:

– Добрый день! Меня зовут Наталья, я журналист компании "РИА-Новости". Разрешите задать Вам несколько вопросов?

– Это что? Меня по телику покажут.

– Если купят сюжет, то да – покажут.

– Валяйте тогда. – согласился Боря.

– И так, вы ограбили "Макдоналдс". Скажите каковы были мотивы вашего преступления?

– Я не совершал ограбление. Его совершил мой друг, я просто приехал – он мне был должен деньги, – вот я и пришёл забрать их.

– А почему тогда вас обвиняют?

– Потому что меня поймали, когда я выходил из "Макдоналдса".

– Понятно. Может, ещё что-нибудь добавите?

– Нет. У меня всё. Хотите, адвоката моего опросите.

– Нет, спасибо. Адвокат нам неинтересен.

"РИА-Новости" удалились. Следователь продолжал перебирать какие-то бумажки. Адвокат делал пометки в блокноте. В это время раздался голос судебного пристава:

– Прошу всех встать!

Далее заговорил судья:

– Оглашается решение суда по ходатайству следователя Петренко Алексея Сергеевича об избрании подозреваемому Пахомову Борису Григорьевичу меры пресечения в виде содержания под стражей. В ходе судебного заседания, суд определил причастность подозреваемого к совершению преступления, предусмотренного частью первой статьёй сто шестьдесят первой уголовного кодекса Российской Федерации, что относится к категории преступлений средней тяжести. В виду общественной опасности совершённого подозреваемым преступления, и того, что находясь на свободе подозреваемый может скрыться от органов следствия или угрожать потерпевшему и свидетелям, суд постановил избрать Пахомову Борису Григорьевичу меру пресечения в виде содержания под стражей сроком на два месяца. Решение суда может быть обжаловано в кассационном порядке в течение десяти рабочих дней. Подозреваемый, вам понятно решение суда?

– Да, ваша честь!

– Заседание объявляю закрытым.

– Боря, – начал адвокат. – Насчёт кассационного не переживай, мы подадим жалобу, ты сам хочешь участвовать в апелляции?

– Да. – согласился Боря.

– Тогда я укажу, чтоб ты принимал участие. Может быть, к этому времени удастся увеличить сумму залога.

Боря находился ещё какое-то время в зале суда. Уже покинул помещение следователь. Собрался на выход адвокат. Как раз перед тем, как Виктор Фёдорович собрался накинуть пальто на себя, подошёл судебный секретарь, и вручил Боре копию постановления суда. Теперь

бумаг при Боре стало больше. Точно такую же копию секретарь выдал и адвокату. После чего тот попрощался с Борей.

Затем открылась клеть, на Борю надели два комплекта наручников, как и ранее. Боря уже стал привыкать к тому, что его руки периодически сковываются, и запястья уже не зудели. Его повели вниз по коридору, к выходу, где всё ещё стояла та же самая машина. В клети, в которой он приехал, ничего не изменилось. С него сняли абсолютно все наручники, и закрыли за ним "стакан".

– Ну что? – спросил конвойный, который дожидался его в машине.

– Да, следак мне не поверил.

– Да, бывает. Работа у них такая – не верить. Вот посмотри на меня. И скажи, как на духу, грабил ты "Мак" или нет?

Боря отвёл зрачки в левую сторону, а затем вернул их на место. И глядя прямо в глаза конвойного сказал:

– Нет, не грабил.

– Вот поэтому тебе следователь и не верит. Понимаешь, человеческий мозг, разделён на два полушария. Левое и правое. Левое полушарие – креативное, помогает придумывать, сочинять, фантазировать. А правое – рациональное, помогает вычислять, вспоминать, анализировать. Когда человеку задаёшь вопрос, он всегда отводит глаза. Только если он отводит их, обращаясь к левому полушарию, значит, он ответ придумывает, а если отводит их, обращаясь к правому полушарию, значит – вспоминает правильный ответ. Этому учат в школе милиции, и все менты используют этот приём. Даже полицейские при переквалификации, по этому приёму обязаны работать. Я б тебе советовал во всём сознаться, и идти в суд особым порядком. Сколько максимум по твоей статье?

– Четыре года.

– Вот умножай четыре года на две трети. Если всё признать, то больше чем два года восемь месяцев дать не смогут. Решай.

– А что значит "преступление средней тяжести"? – Решил перевести тему для разговора Боря, ему почему-то начало нравиться общаться с конвоем.

– Открой уголовный кодекс, раздел "категории преступления". Лично я не помню.

Машина поехала, а Боря принялся читать, хотя при такой тряске, которая бывает в "стакане" в милицейской газели, это было не очень удобно. Но Боря ехал уже не в первый раз в такой машине, поэтому к чтению в таких условиях уже начал приноравливаться.

Глава 5. Бутырка

"Хожу туда-сюда, подошву протираю. Вдыхаю кислород тюремного двора." Эти слова раздавались из кабины водителя. Интересно, подумал Боря, почему сотрудники полиции слушают блатные песни, в которых их оскорбляют? К примеру "Хоп, мусорок, не шей мне срок". В советские времена оскорбительным считалось слово "мент", а после того, как их стали звать процитированным выше непотребным словом, так "мент" стало для них нормальное прозвище. Теперь полицейские сами себя ментами называют. И шансон они любят. Вот сейчас, например, везут арестованного Борю в тюрьму, и слушают "Бутырская тюрьма. Жизнь не кончается. Тюрьма стоит, столица спит, земля вращается." Впрочем, Борислава понравилось разговаривать с полицейскими, и он решил сократить затянувшуюся паузу:

– А мы туда же едем, в ИВС?

– Нет, конечно, – ответил конвойный, который, видимо, не прочь был тоже побеседовать с задержанным. – Мы едем в следственный изолятор. СИЗО сокращённо.

– А разве они всё ещё так называются?

– А как иначе? Как в советские времена СИЗО были, так и сейчас СИЗО. Другого названия не придумали. Там ты проведёшь два месяца, а может и больше. – Сделав паузу, он счёл нужным добавить: – Сразу тебе скажу, чтоб ты не надеялся скоро выйти, что скорей всего ты под замком проведёшь много времени, как минимум полгода. Обычно в таких делах, как у тебя, люди не скоро домой возвращаются.

Машина остановилась, полицейский схватился за наручники. Но выводить Борю никто не спешил, из КПП вышел человек в синем камуфляже без нашивок. Водитель газели дал какие-то бумаги этому человеку, и тот удалился. После чего ворота открылись, и машина поехала, чтобы сразу остановиться. За ней закрылись одни ворота, и тут же открылись другие, машина проехала ещё немного, и остановилась у дверей. Открылась клеть, на Борю одели всего один комплект наручников, и со словами "Давай, Боря!" вывели на улицу.

Здесь он увидел огромное четырёхэтажное здание из тёмно-бордового кирпича. Вход в это здание осуществлялся через высокие, с два Бориных роста, деревянные тяжёлые двери. По обратную сторону от машины возвышался белый бетонный забор, с колючей проволокой на конце. За забором виднелся ещё один металлический забор, тоже с колючей проволокой. "И как отсюда сбегают, подкопы, что ли роют" – подумал Боря.

Перед ним открылись двери, его завели в огромный подъезд, в котором было окно, за ним находились сотрудники учреждения. Полицейские подвели Борю к окну, и оттуда раздался голос:

– Докладывай.

– Что, простите? – Недоумённо переспросил Боря.

– Ты с воли, что ли приехал? – Переспросил сотрудник в окне.

– Нет, с ИВС.

– А что вас на ИВС доклад не учат делать? Так, ребята, снимайте с него "браслеты", и научите делать доклад.

Полицейские, которые привезли Борю, видимо, находились уже не в первый раз в такой ситуации. Один из них, который был с Борей в салоне газели, снимая наручники, проговорил:

– Доклад нужно делать так. "Подследственный Пахомов, статья такая-то, часть такая-то". Приехал из суда, избрали меру пресечения "содержание под стражей".

Боря подошёл к окну повторно, и попробовал сделать доклад:

– Подследственный Пахомов, статья сто шестьдесят первая часть первая…

Сотрудник прервал его доклад, фразой:

– Откуда прибыл?

– Из суда.

– Что постановил суд?

– Два месяца содержания под стражей.

– На два месяца к нам приехал? Хорошо, через полгода уйдёшь, теперь здесь твой дом. Вынь руки из карманов!! – Боря испугался резкой смены интонации сотрудника, и встал в позу "руки по швам". – Ты знаешь где ты находишься? Ты на тюрьму заехал.

Боре всегда казалось, что правильно говорить "в тюрьму", но поправлять сотрудника он не осмелился. А тот, в свою очередь, продолжил:

– Да, Боря. Ты на тюрьме. Привыкай к новой жизни, и научись правильно держать руки. Заводите его!

Сотрудники тюрьмы открыли перед ним ворота, и Боря вошёл в просторный коридор. Боря огляделся вокруг и заметил, что каждый из коридоров тюрьмы разделены между собой железными клетями, и сотрудники их открывают одним и тем же ключом. Пройдя одну из таких, Борислав увидел агитационный плакат «Вежливость порождает и вызывает вежливость». Далее он попал в комнату для досмотра. Пожилая женщина лет шестидесяти, спросила у него:

– Как фамилия?

– Пахомов, – Машинально ответил Боря.

– Давно сидишь?

– Чего? – не понял вопроса Боря.

– Его только что закрыли, – выручил Борю один из сотрудников СИЗО.

– Хорошо, – Продолжила женщина, хотя чего хорошего Боря не понимал. – Клади сумку вот сюда на досмотр.

Боря положил свой пакет на конвейер, который тут же зашевелился. Его вещи поехали в камеру, где подверглись сканированному досмотру. В это время самого Борю уже досматривали с помощью металлодетектора. Потом ему сказали: "Сними штаны и трусы по колено". Боря подчинился. Его попросили повернуться задом к досматривающему и раздвинуть ягодицы. Убедившись, что ничего не спрятано в анальном отверстии, Боре разрешили одеться. После этого его повели в другую комнату. Там уже ожидал другой человек, не в военном синем камуфляже, а в чёрной робе с белым бумажным значком, на котором значилось "Иванов Сергей Петрович, отряд №1".

– Чего ты так стоишь? – Воскликнул он, увидев Борю.

– Что не так в моей позе?

– Ты меня что, зарезать хочешь? – Не унимался тот, что в чёрной робе, – У тебя что, заточка в кармане что ли?

– Нет, ничего.

– Тогда стой нормально, чтоб у меня подозрений не было насчёт тебя.

Боря так и не понял, что от него хотят все сотрудники тюрьмы, но руки в карманах на всякий случай больше не держал. Работник же продолжил:

– Присаживайся на стул, правую руку положи на стол ладонью вверх.

Боря выполнил все его указания, а тот в свою очередь взял с помощью шприца у него кровь из вены. Потом Боре велели подняться, и всё тот же работник, велел ему раздеваться по пояс. Потом он повёл его к огромной машине, где попросил приложиться грудью к какой-то железяке.

– Вдохнуть! Не дышать! – Повелел работник.

Услышав знакомые слова, Боря догадался: "Флюорография, наверное". Потом ему разрешили одеться, и двое в синих камуфляжах повели его в следующую комнату. По дороге один из них объяснил Боре:

– Любые передвижения по тюрьме нужно осуществлять, держа руки за спиной. Чтобы мы были уверены, что ты не буйный, и не собираешься нас атаковать. В противном случае наручники оденем.

– Простите, я не знал.

Боря закинул руки за спину, сложил их одна в другую, и в такой позе пошёл вслед за двумя сотрудниками. Там перед ним открылась ещё одна комната, в которой Боре предложили сесть. Здесь другой человек в чёрной робе что-то мазал на столе. Он попросил у Бори сначала одну руку, которую всю измазал чёрными чернилами, и начал прикладывать к бумаге. Всего процедура снятия отпечатков пальцев, кистей рук и ладоней заняла около 15 минут, после чего ему выдали хозяйственное мыло и предложили отмыть руки. "А вот друг мне рассказывал, что в милиции сканируют отпечатки пальцев на компьютер" – вспомнил Боря рассказ одного из однокашников. Ему велели подняться, он сложил руки за спиной, и стал ожидать распоряжение сотрудников куда ему теперь двигаться.

– Так-то лучше, – Похвалил конвойный новоявленного арестанта, за правильную позу принятую при хождении. – Запомни, мы – не менты, не полицейские. Мы не будем на тебя надевать наручники почём зря. Мы УФСИНовцы, учреждение Федеральной Службы Исполнения Наказаний. Мы даже к министерству внутренних дел не относимся, наше учреждение подконтрольно Минюсту. Вот как зайдёшь в хату, так будет всё равно где у тебя руки, а пока ходишь под конвоем по продолу, держи руки за спиной.

– По чему?

– По продолу. Ты в тюрьме, здесь нет коридоров здесь продолы, разделённые локалками.

– Чем разделены? – Он такого количества незнакомых слов, у Бори начал "кипеть мозг".

– Ну видишь прутья железные, которые мы ключом сводим универсальным открываем? Зеки их, почему-то, "локалками" называют. А мы не против.

Он открыл камеру ("хату"), и пригласил Боре следовать в неё. Боря вошёл внутрь, оглядел присутствующих, и молча прошёл в глубь, присев на лавочку. Прежде чем сотрудник тюрьмы успел закрыть дверь в камеру, один из арестантов, обратился к уфсиновцу:

– Погоди, старшой, не запирай тормоза. Когда нас в хату поведут? Я уже с утра на этой сборке торчу!

– Не ко мне вопрос. Единственное, что могу гарантировать, что к ночи вас всех точно распределят по хатам.

Дверь ("Тормоза") закрылась с сильным грохотом. В камере находилось примерно человек десять-пятнадцать. По лицу многих можно было догадаться, кто сидит в первый раз, а кто уже опытный зек. Тот арестант, который приставал к старшому, обратился теперь к вновь прибывшему:

– Вась, ты за собой ничего не чувствуешь?

Боря не понял не только вопроса, но и того, что обратились именно к нему. Арестант подошёл к нему поближе, и сказал погромче:

– Вася, я к тебе обращаюсь?

– Не грузи его! – Крикнул другой арестант, внешностью чуть постарше. – Ты не видишь что ли? Он первоход, ничего не знает ещё.

– Понятно, что он с воли пришёл. Но, тем не менее, вежливости его должны были научить. Поздоровался бы хоть для начала.

– Простите! – Начал Боря, осмелев, и наконец-то сумев раскрыть рот. Он впервые в жизни общался с настоящими зеками. – Я действительно в тюрьме в первый раз. Я не просто правил не знаю, я даже языка тюремного ещё не понимаю. Вы могли бы оба меня сейчас не грузить, а просто объяснить чего я сделал не так?

– Дружище, – обратился к Боре тот арестант, что был постарше. – Леший имел в виду, что когда в любую хату заходишь, и видишь незнакомых зеков, надо ко всем подойти и пожать

руку. Не важно, что мы с тобой не знакомы, здороваться надо всегда. Хоть ты ещё не в жилой хате, а на сборке, но правила уже нужно соблюдать.

– Знаешь, – Решил добавить Леший, который выглядел лет на девятнадцать, но, судя по повадкам, в местах лишения свободы находился не в первый раз. – А даже не обязательно всем руки пожимать, можно просто сказать "Здравствуйте, ребята". Так как ты вошёл, заходят в хату только петухи, обиженные, крысы, ну и суки ещё.

Для Бори всё перечисленное "Лешим" было ничего не значащими оскорблениями, разницы между которыми он не видел. Но, чтобы убедить остальных, что ни к кому из них он точно не относится, он решил всё-таки продолжить играть роль "первохода", и даже жалел о том, что мало слушал Толика с ИВС.

– Ладно, – вымолвил Боря. – Признаю, что с приветствием я был неправ. Надо было вас поприветствовать, а я не сделал этого. Хорошо, а можете тогда объяснить, а то я ваших вопросов не понимаю? Что значит "чувствовать за собой"? И в чём разница между петухами, крысами и суками? Хотя "петухи", я догадываюсь, кого так называют.

– Тебя как зовут, Вася? – спросил зек, который был старше "Лешего".

– Борис. На свободе погоняло было "Брюс".

– Так вот, Боря, ты в тюрьме. Здесь немного другой язык, и люди, попавшие сюда, становятся другими. Во-первых: не "на свободе", а на воле. Слово "свобода" произносят только мусора, судьи, адвокаты, прокуроры, и прочие юристы, а мы говорим "воля". А во-вторых: что за словечко такое "погоняло"? Тебя что, погоняли на воле?

– Так ведь клички только у собак бывают, – вспомнил Боря школьную поговорку. – Как ещё назвать мне мой никнейм?

– А погоняла только у шнырей бывают, понял? – Не унимался зек. – Если ты хочешь выбрать себе тюремное имя, то называй это "погремуха". Так принято говорить здесь.

– Меня, например, Лёха зовут, – подал голос первый арестант, который изначально пристал к Боре. – "Леший" погремуха моя, тюремное имя. Во-первых: созвучно с Лёшей, а во-вторых: я в лесу прятался, когда меня поймали. Кстати, если будешь выбирать тюремное имя, есть один проверенный способ. Ночью нужно подойти к решке…

– К чему? – Опять незнакомое слово поставило Борю в тупик.

– Решётка – решка. Учи уже тюремные слова-то. Так о чём я? Ах, да. Подходишь к решке, и кричишь на улицу, чтобы все хаты тебя слышали: "Тюрьма-старушка, дай погремушку!". И первое, что тебе скажут будет твоей погремухой.

Дружный спех прервал первый арестант, который был постарше:

– Плохая идея. Так только малолеток и первоходов разводят. Вдруг первым попавшимся словом "Педераст" будет, и что возьмёшь себе такое имя? Если предложат в хате тебе такой способ, не соглашайся. Или соглашайся, но чтобы после каждого слова, которое тебе не нравится отвечать "Не катит!". Тогда предложений будет много, и какое из них тебе понравится, просто скажешь "Катит!" и всё. Это не единственный способ себе тюремное имя выбирать, а просто один из самых известных.

Арестанты закурили, соглашаясь с высказанным.

– А у меня нет тюремного имени. – Продолжил своё повествование арестант, который выглядел намного старше "Лешего". – Просто Саша и всё. Санёк, если хочешь. Вот ты интересуешься, что значит "чувствовать за собой". А знаешь, это так просто не объяснить. Ты не видишь разницы между "петухами", "крысами" и "суками"? Хотя знаешь, в принципе ты прав. Это все люди, которые чем-то отличились, и по понятиям у них серьёзные косяки. И, соответственно, особой разницы между ними нет. Но несущественная разница всё-таки между ними есть, и нельзя без обоснования петуха назвать сукой. Петухи – это, как ты понимаешь, педерасты. Но это не те, которых наказали тем, что изнасиловали. Братва уже много лет запрещает такой вид наказания, и спрос идёт не только с петуха, а ещё и с того, кто его таковым сделал.

Петухи – это те, кто добровольно занимались гомосексуализмом на воле, и зарабатывают этим делом себе на жизнь в тюрьме. С ними нельзя за руки здороваться, нельзя есть из их посуды, носить их одежду. Для того, чтобы не было гашённых по незнанке, желательно тачковать их посуду.

– Что значит "тачковать"? Помечать что-ли?

– Метят собаки, – проявил активность "Леший". – А пацаны – "тачкуют".

– Обычно в тарелках пробивают дно, чтобы было ясно, что из такой тарелки петух ел. Есть ещё обиженные. Это те, кого за косяки по понятиям объявили педерастами, но они в очко не долбятся. Получается нерабочие, то есть не петухи. Но все правила на обиженных распространяются так же. Если ты поешь из петуховой тарелки, оденешь их футболку или поздороваешься с одним из петухов за руку, то станешь не педерастом, а обиженным. И много чего тебе после этого станет нельзя.

– Нельзя за дубок садиться – "Лешего" похоже, заставить молчать было невозможно. Впрочем, никто и не пытался: – На шконке спать нельзя, со всеми ездить нельзя. Много чего нельзя петухам и обиженным.

Саша не попытался даже остановить поток речей Лешего, хотя и свои объяснения продолжил:

– Другое дело "Крысы". Это тоже люди, с которыми лично я никогда за руку здороваться не буду. Вот у тебя какая статья?

– Сто шестьдесят первая. Я Макдоналдс ограбил.

– Вот видишь. Ты украл у огромной ресторанной сети. Это нормально, многие здесь так и живут. Но вот есть особые люди, которые крадут у зеков. А это по понятиям запрещено. Красть у вора – заподло, так делают только крысы. А суки, или ссученные – это те, кто кого-то когда-либо сдал. Причём не просто сдал, а продолжает работать на администрацию и стучать.

– То есть суки и стукачи – одно и то же? – Решил уточнить Боря и вспомнил, что понятие «ссученный» ему уже растолковывали и адвокат, и Толик с ИВС.

Александр кивнул:

– Так вот фраза "чувствовать за собой" – означает, что есть в твоей биографии что-либо такое, за что тебя можно объявить сукой, крысой, или, не дай боже, обиженным. А если за тобой ничего такого нет, и по воровским понятиям ты – чист, значит, ты за собой ничего не чувствуешь. Так и отвечай.

"Тормоза" открылись и в "хату" вошёл новенький. У него были длинные волосы, и он живо и весело всех поприветствовал.

– Откуда ты такой весёлый? – спросил у вновь прибывшего "Леший", которому, похоже, не сиделось на месте, и всё было интересно.

– Ну как "откуда"!? С воли, естественно! – Ответил волосатый. – Слушайте, ребята, я первоход и в тюрьме в первый раз. Пожалуйста, не грузите меня! Если моя причёска не нравится, то не переживайте, побреюсь я налысо. Я же понимаю, что теперь в тюрьме нахожусь.

– А откуда ты такое слово знаешь: "первоход"? – Решил уточнить арестант Александр.

– А то, как же? – изумился волосатый. – Первая ходка, вторая ходка, третья ходка. Это все, по-моему, знают. И на воле тоже. Я даже в интернете тюремный кодекс почитывал, чтобы немного ориентироваться в местности.

– Красавчик! – Воскликнул "Леший", и его тут же перебил патлатый арестант:

– А вот внешности попрошу не касаться! Предупреждаю заранее: моё очко предназначено исключительно для того, чтобы справлять большую нужду.

– Да нет! – Воскликнул Саша, – ты не понял! Красавчик – это тюремное слово. По фене, или по понятиям, "Красавчик" – это что-то типа молодец, так держать и тому подобное. Мы здесь не говорим "молодец", потому что молодцы сосут концы…

После этой фразы раздался дружный смех на всю сборную камеру. Которая, к слову пополнялась, но не думала опустошаться. Прибыл ещё один арестант:

– Здарово, ребята!

– Ты откуда такой, – первее всех поинтересовался "Леший".

– С суда. На продлёнку ездил.

– Чё, продлили, да?

– Ну а как ещё? Я уже год так таскаюсь по судам. Раз в два месяца возят в суд и продляют, а дело никак раскрыть не могут.

И многие другие подробности пребывания в СИЗО Боре ещё предстояло узнать. Сюда прибывали и те, кто уже давно сидит здесь, они прибывали с баулами, и собирались на этап в колонию для отбытия наказания. "Везёт кому-то, – подумал Боря. – Кто-то уже отсудился, срок получил, а я ещё не знаю, чем всё закончится. И зачем я только в этот "Мак" попёрся?". Впрочем к Боре уже все давно потеряли интерес. Он же приобрёл интерес рассматривать сборную камеру. Здесь было что-то вроде параши, куда можно было справить нужду, многие зеки уже этим воспользовались, заранее извинившись перед остальными. Тут было окно, сквозь которое виден забор, а за ним воля. Какой-то многоэтажный дом.

Прибыли люди с баулами, которые оказалось едут издалека. Их этапом пересылали из Тулы в Кострому, а поскольку прямого поезда "Тула – Кострома" нет, временно оставили их в Москве. Они спросили:

– Ребят, мы даже не знаем, в каком мы городе? Что за централ это?

– Успокойтесь, ребята! – Обратился к ним "Леший". – Вы в Бутырке.

– А где тут пересыльных держут? В транзитной хате?

– Ага! – Ответил всё тот же "Леший". – Я с вами скорей всего. Сам с "Серпов" только приехал.

– То есть ты сам ещё здесь ничего не знаешь?

– Ну как "не знаю"? Я уже полтора года сижу. Меня закрыли в Серпухове. Быстро осудили, дали срок, в зону отправили этапом в Кострому. И тут раз! Оказывается, что на меня второе уголовное дело открыли. Вернули меня обратно в Серпухов из Костромы, добавили ещё два года. Теперь не знаю, когда выйду. Может, пока сижу, ещё что-нибудь откопают. Так-то надоело уже за добавкой ездить. Зато пока ездил туда-обратно уже два раза здесь, на Бутырке побывал.

Боря прослушал разговор и понял что он в Бутырской тюрьме. Той самой, где "судьба ломается" и "душа так мается". Осознав это, он решил продолжить осмотр помещения сборной камеры, которую зеки сокращённо именовали "Сборка". Здесь был высокий потолок. Настолько высокий, что если бы Боря встал на плечи равного себе, то смог бы дотянуться до потолка лишь кончиками пальцев вытянутой руки. На стенах было куча надписей. Превалировала везде аббревиатура "А.У.Е.". Арестанты были заняты разговором, и некогда было поинтересоваться у них, как она расшифровывается. На стене, прямо над Борей, кто-то из зеков набил стихотворение, видать заточкой:

Больше не на чём писать,
Остаются стены.
Но на них порассуждать
Лишь возможно с теми,
Кто потом сюда придёт
Без клочка бумаги.
Что потом произойдёт,
Не увидят сами.

Кто напишет о себе,

О своём районе.
Кто винит в голубизне
Не в другом вагоне.
Может кто строку зачнёт
Сочинять стихами.
Что потом произойдёт?
Лишены тех знаний.

Нарисуют на стене
Ради смеха морду.
И получится вполне
Знак протеста гордый.
Каждый раз меняя люд
Карантинной сборки,
Люди старшие прочтут
О себе все строки.

Кто-то будет отмывать
От рисунков стены.
А другие повторять,
Оставляя смену.
А удачная мысля
Выйдет за пределы,
Претендентов веселя
На закрытом деле.

Рядом с этим стихотворением кто-то подписал более короткий и чуть менее складный стишок: "Будь проклят тот, кто век от века, решил тюрьмой исправить человека". Боря находился в таком состоянии, что был согласен с любым из тех, кто писал на стенах. Открылись "тормоза", и уфсиновец объявил:

– Кто на этап? – Поднялись четыре человека. – Выходите.

– Счастливо, ребята! – Попрощались этапники. И на сборке стало менее людно. Затем дверь открывалась ещё раз. "Старшой" назвал шесть фамилий. И люди пошли, с ними и "Леший", и тульские. Оказалось что ведут пересыльных зеков, кто в Бутырке проездом. "Леший" обошёл всех арестантов, всем пожал руки, а Боре крикнул напутственные слова:

– Бывай, Боря! Не бойся, ты не один здесь по статье сто шестьдесят первой. И не паникуй, что в тюрьме оказался. Пол-России побывало в тюрьме, а знаешь где вторая половина?

– Не знаю. – Не понял намёка Борис.

– Как "не знаю". Вторая половина в милиции работает.

Под дружный смех арестантов пересыльные удалились. Затем пришёл ещё один старшой, опять назвал много фамилий. На этот раз оказалось, что он пришёл за теми, кто сидит в Бутырке уже давно, а ездил в город на суд, на следственные действия, и на прочие характерные для зеков выезды. Осталось в камере лишь пять зеков, которые были вновь прибывшими, и к которым только-только применили санкцию на арест. Среди них был и тот, у кого длинные волосы. Было бы логично если бы этот патлатый чем-нибудь походил на того Лёшу Тарханова, что с профкома, с которым пиво пил накануне задержания. Однако, нет, этот волосатик выглядел иначе, и разговаривал по-другому. По его речи, скорее можно было принять за гопника, нежели нефора. Но, несмотря на это, одет он всё же, как типичный неформал: длинные волосы, косуха и берцы. Боря принялся и дальше изучать надписи на стенах. Его зацепила ещё одна: "Кто не был – не знает, кто был – не забудет". Точнее не скажешь о пребывании в тюрьме.

Волосатый арестант подошёл к Боре с вопросом:

– У тебя есть сигареты?

– Я не курю – ответил Боря.

– Ничего страшного! – Решил для себя его собеседник, – В тюрьме закуришь. У тебя, что за беда?

– В смысле "беда"?

– "Беда" – это номер статьи. Так, по крайней мере, в тюремном словаре написано. Зеки обычно так и спрашивают: "Ты по какой беде заехал?".

– Сто шестьдесят первая у меня – Дошло, наконец, до Бори. – Грабёж – зачем-то уточнил он. А про себя Боря подумал: "Как же так? Этот нефор не только разговаривает как гопник, но ещё и о тюремной жизни осведомлён получше меня"

– Понятно, – Отозвался волосатик. – А у меня сто пятьдесят девятая. Мошенничество. Людей на бабки развёл. Сорок "лямов" украл. Меня Игорь зовут.

– Брюс, – представился Боря, надеясь, что именно так он себе заслужит необходимую "погремушку".

Разговор с патлатым Игорем не склеился, и Боря принялся ожидать, когда же всех пятерых первоходов заберут туда, где можно прилечь, поспать, и покушать. Эх, томительны же эти часы ожидания в так называемой "Сборке". Но правильно поётся в песне про Бутырскую тюрьму: "Жизнь не кончается. Тюрьма стоит, столица спит, земля вращается". А раз жизнь не кончается, значит, и унывать не стоит.

Глава 6. Карантин

Сборка потихоньку редела. Все пять человек, оставшиеся на сборке, так же как и Боря, прибыли из суда, где им избрали уже понятную без слов меру пресечения. Боря и Игорь – сидели впервые и многого не знали. Ещё были двое киргизов, которые общались на своём языке между собой, и почти не понимали, что говорят русские. Попытка разговора ребят с ними мало что прояснила. Получалось так: оба что-то украли, причём дела у них разные, не подельники. Познакомились два киргиза между собой уже здесь – на сборке. Они по-русски знают некоторые тюремные слова. Например, "пахан" или "хата". Но определить какая ходка у них не получилось ни у каких пацанов, хотя скорей всего первая. Был ещё один русский. Он был лысоват, курил, используя зажигалку, что считалось роскошью для зеков, которые подкуривали спичками. На вид лет двадцать, худощав. Он сказал, что два года сидел в колонии для несовершеннолетних, так называемой "Малолетке". И много узнал тогда, но прошло много времени, судимость первая уже была погашена, и стал постепенно забывать. Он увидел Борю без шнурков, и сказал: "Не переживай! Войдёшь в хату, шнурки себе сам свяжешь. Видал как у Лешего?". А Леший уже давно удалился в транзитную камеру, так что обратить внимание, что за шнурки у него, Боря не успел. Оставшиеся здесь – все были только что из первого суда, и, соответственно, все без шнурков. Боря был наслышан, что зеки многое умеют делать. Почти у всех – золотые руки. И искренне надеялся, что за два месяца содержания под стражей приобретёт такие же.

Боря ни с кем не начинал разговора, лишь отвечал, когда к нему обращались. В основном он молчал, переживал. У него был внутренний страх перед тем, что скоро ему предстоит попасть в настоящую хату, и встретиться с воровским миром. Впрочем, то же самое читалось и на лице остальных. Хотя они и хорохорились, но всё равно страх перед будущим вхождением в камеру был виден в их глазах. Тормоза открылись, и в их проёме показался старшой, который взглянув на карточку начал что-то читать:

– Так, кто здесь остался? Байматов, Мурзаев, Пахомов, Лещёв, Харченко, выходим на продол, руки держим за спиной, вперёд!

Все присутствующие поднялись со своих мест, взяли сумки, пакеты, и выдвинулись из хаты. По продолу их вели через первый корпус, где из камер доносились какие-то крики. Услышав, из одной "Сипак, как житуха?", Боря понял, что это зеки из разных хат таким способом общаются между собой. Пройдя первый корпус, они остановились у какого-то склада. Здесь очередной работник в чёрной робе и с таким же белым бумажным значком "отряда №1", каждому выдал по матрацу, скрученному в виде рулетки, и в который были завернуты: простыня, одеяло, подушка, наволочка, пододеяльник. На другом складе им выдали "рыльно-мыльные" принадлежности: маленький прозрачный пакет, содержащий кусочек белого мыла, набор одноразовых бритв, тюбик зубной пасты, зубную щётку, два вафельных полотенца, рулон туалетной бумаги. На третьем складе им была выдана посуда: железная кружка, железная глубокая миска, ложка – всё, что полагается арестанту иметь при себе. Всё это они понесли через все коридоры ("продолы") Бутырки на седьмой корпус, где располагалось карантинное отделение. Боря, идя по коридорам, с интересом успевал читать плакаты: «Мир – это свобода основанная на признании прав всякого человека», «Быть человеком – это чувствовать свою ответственность», «Человек творит себя выбирая мораль». Интересно для чего они? Наверное так Бутырка воспитывает уголовников к законопослушанию.

Плакат «Любовь к свободе цветок темницы и только в тюрьме чувствуешь цену свободы» ознаменовал начало карантинного отделения. Уфсиновец открыл одну камеру, и оттуда раздался голос:

– Старшой, долго я ещё здесь торчать буду? Я уже две недели на карантине сижу, неужели нельзя поднять в хату!?

– Не ко мне вопрос. Я вот тебе жильца ещё одного привёл – волосатого. Пострижёшь, а?

– А чем я его побрею? Я же не в хате. Вот попадём мы с ним в общую хату, там и побреем его.

Игорь с матрацем вошёл в эту камеру. Туда же проследовал и тот зек, который рассказывал Боре про шнурки. Открылась ещё одна камера, там было свободно. Она-то и досталась Боре и двум киргизам. Боря обратил внимание на номер: 253. Здесь было пусто. На восьми квадратных метрах располагалось практически всё, что не может вольный человек уместить и в свои тридцать два. Камера ("хата") выглядела как продолговатый прямоугольник, по левую стену находились, так сказать, санитарные построения. Туалет, огороженный ширмой по пояс взрослому человеку. Так же как и в ИВС, в туалете не был предусмотрен слив воды. Вода просто открывалась и текла бесконечно, пока её не закроешь. За ширмой, всё по той же стене находился умывальник над ним зеркало. После зеркала находилась какая-то полочка, на которой, видимо, предыдущие зеки исповедующие православие оставили какие-то иконки. После полочки шёл стол, прибитый к стене, к нему приварена лавочка. Стол был в длину от половины хаты до самой решётки ("решки"), над столом к стене был прибит шкаф. Правая сторона хаты выглядела как жилая площадь. Там стояли три шконки, прибитые к стене, неподвижные. У окна двухъярусная кровать ("шконка"), а ближе к двери ("тормозам") – одноярусная. То есть хата была расчитана на троих человек.

Боря зашёл последним, уфсиновец, видимо проникнувшись добрым отношением к Боре, дал ему последнее напутствие:

– Номер своей хаты знать обязательно. Выучи наизусть: два-пять-три. Когда тебя ведут на свиданку или к адвокату, могут не запомнить откуда тебя взяли, и спросить у тебя откуда ты. Так ты и отвечай: из два-пять-три.

Боря зашёл и тормоза захлопнулись. Осматривая помещение с типичной тюремной мебелью, он прошёл в конец хаты, и предложил зекам из Сердней Азии занять единственную в хате верхнюю шконку. Они, ответили, что хотели бы расположиться снизу, поэтому "пальма" досталась Боре. Тот же решил попробовать свою посуду сложить в шкаф, туда же и сумку с книжками и рыльно-мыльными принадлежностями. Случайно, он увидел, что заботливые предыдущие арестанты в шкафу оставили печенье и три спичечных коробка, один из которых некстати оказался пустым.

Разобравшись с содержимым шкафа, он решил прилечь на шконку, да не рассчитал силы. Он плюхнулся на неё со всего размаху, и сразу же ощутил насколько жесткие здесь железные прутья. Нет, даже не прутьями, это скорее можно назвать пластинами железными: относительная мягкость, конечно от них есть, но спать лучше на такой кровати на двух матрацах. А у всех вновь прибывших таковой был всего один. Он откинулся к стене, попытавшись уснуть, краем глаза заметил внизу оставшихся киргизов, которые принялись вести меж собой переговоры на своём тарабарском. Слушать их было неинтересно, и Боря закрыл глаза в надежде уснуть.

Разбудил Борю утром звук открывающегося отверстия чуть пониже глазка двери. Оттуда раздался голос:

– Хлеба надо?

Боря моментально вскочил с кровати, и принялся получать хлеб на троих. На их долю пришёлся один целый батон и одна половинка. Всё это Боря положил на стол и "кормушка" закрылась. Борис лёг подремать, однако сон не шёл. Здесь, как и в ИВС не выключали свет на ночь, поэтому определить что сейчас, день или утро было трудно. Однако, Боря догадался, что уже день. Он забрал себе наверх свою половинку хлеба и принялся потихоньку его подъедать, а целый батон оставил киргизам. "Кормушка" открылась ещё раз, и голос оттуда потребовал:

– Спичечные коробки давайте.

Один из киргизов (как их зовут Боря запомнить не мог), достал из кармана спички и протянул их работнику в белой робе.

– Слышь, ты не понял что ли? Пустой спичечный короб дай. Сахар получать будете. На каждого пайка: спичечный коробок.

И тут до Бори дошло, зачем здесь кто-то, видать очень зажиточный, оставил три спичечных короба. Киргиз из своего короба вытряхнул спички на стол и пошёл получать сахар. Боря достал из шкафа пустой коробок спичек и протянул киргизу со словами:

– На меня тоже возьми.

Киргиз взял и на него. Боря свою пайку убрал в шкаф. У второго киргиза при себе спичек не было, поэтому он достал из шкафа коробок, опустошил его, и тоже протянул, желая получить сахар. Когда процедура раздачи сахара была завершена, кормушка закрылась, и Боря в третий раз сделал попытку уснуть. Думать о Свете с работы ему уже надоело. Он вспомнил Лизу, которая снилась недавно. Подумал, не замужем ли она. В этот момент "кормушка" снова открылась:

– Давайте шлёмки!

– Чего-ма? – спросил один из киргизов.

– Ну, сечку есть будете? Если да, то давайте шлёмки.

– Получи на меня! – Боря первый догадался, что происходит. – Вон там моя тарелка.

Последний раз он принимал пищу на ИВС, во время завтрака. Вместо обеда его забрали на суд, не выдав сухого пайка. Так что до сегодняшнего завтрака, он всё ещё оставался голодный, поэтому от каши не отказался. Парни же из Кыргызстана есть не стали. На вкус сечка была как обычная геркулесова каша, тем не менее, без сахара, казалось, есть её не возможно. Благо на сечку ушло полкоробка сахара.

После завтрака сон как рукой сняло. Налив себе стакан водопроводной воды, Боря смочил кашу, и сожалел о том, что здесь в отличие от ИВС не дают чай, и не играет радио. От скуки Боря опять поместился на пальму, благо заправлять койку в этом заведении никто не требовал. Он достал уголовный кодекс, и вспомнил разговор с конвойным полицейским. Тот в свою очередь советовал найти главу "Категории преступлений". Раскрыв содержание кодекса, Боря увидел:

* – Общая часть

* – Раздел II "Преступления"

* – Глава 3. "Понятие преступления и виды преступлений".

И, наконец, нашёл нужную пятнадцатую статью уголовного кодекса, под названием "Категории преступлений". В первой части этой статьи сообщалось, что по тяжести преступления существует четыре категории: нетяжкие, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. В последующих частях этой статьи каждая категория рассматривалась отдельно. Во второй части рассматривалась категория нетяжких преступлений, к которым относились такие, за которые максимальное наказание не превышало двух лет лишения свободы. Далее рассматривались преступление средней тяжести, текст почти слово в слово был повторен из прошлой части, только в качестве максимального наказания было указано пять лет. К тяжким преступлениям уголовный кодекс относил те деяния, за которые максимальное наказание десять лет. А всё, что свыше десяти, признавалось уголовным кодексом особо тяжкими преступлениями.

"По моей статье максимум четыре года, значит – средняя тяжесть" – подумал Боря. А ведь Алексей Сергеевич сказал, что будет переквалифицировать на вторую часть сто шестьдесят первой статьи, а там – восемь лет максимум, значит уже тяжкая. А вот интересно категория преступлений на что влияет?

Не успел он об этом подумать, как дверь открылась. В "хату" вошёл старшой, а другой остался на продоле. И первые слова, которые произнёс сотрудник, вошедший в камеру, были:

– Так, чего разлеглись! Встать, когда тормоза открываются! Кто дежурный сегодня?

– Здесь написано "Пахомов". – произнёс старшой из продола.

– Давай, Пахомов, выйди в коридор и распишись в журнале. И запомните, когда в хату заходят сотрудники учреждения, все должны подняться со своих шконок, заложить руки за спину, и выйти на продол. На первый раз прощаю, за повторное нарушение попадёте на кичу, ясно?

– Что такое кича? – Спросил Боря, не поняв, о чём говорит инспектор.

Уфсиновец сделал озлобленное лицо, и казалось, что сейчас ударит за такой вопрос. Но видимо он вспомнил, что стоит в карантине, с одними первоходами, и решил изменить свою политику:

– Для особо одарённых, вроде Пахомова, объясняю. Кича – это карцер. Причём это на вашем, мать вашу, зековском языке, как его там.. По фене!! Стыдно, гражданин! Вроде ты сидишь, а я тебя охраняю и феню лучше тебя знаю. Пошли дальше!

"Тормоза" закрылись, старшйе ушли, можно было выдохнуть спокойно. Узнав всё, о категориях преступлений, Боря не счёл нужным узнавать, на что это влияет. Он открыл Стивена Кинга на том месте, где остановился, когда читал его перед судом. Чтение кое-как скоротало время. Послышались звуки раздачи пищи на обед. На обед было и первое и второе. Но поскольку в камере было лишь три тарелки ("шлёмки"), то пришлось каждому арестанту выбирать, что кушать либо первое, либо второе. Боря предпочёл суп из картошки и капусты, что-то вроде кислых щей. А киргизы предпочли второе. Покончив с трапезой, Боря залез обратно на пальму, и продолжил чтение. В "Зелёной миле" повествовалось о непростой тюрьме, а о такой, где содержались осужденные на смертную казнь. Поскольку действие происходило в США, то речь шла о казни через электрический стул. Автор написал книгу так, чтобы читателю больше всех понравился один из осужденных по фамилии Коффи. Распространённая фамилия в Штатах. Кажется, хоккеист такой был в восьмидесятые годы Пол Коффи, что-то про него отец рассказывал. И да, генсек ООН тоже был такой Коффи Аннан. Так что фамилия распространённая. И вот, когда Боря дошёл до самого конца. Уже и Коффи казнили, уже и дошло до наших дней, как глазок открылся, и голос оттуда проговорил:

– Пахомов!

Боря обернулся на зов. Голос продолжил:

– Одевайся слегка.

Боря отложил книгу, в которой осталось дочитать примерно страниц десять. Поднялся с кровати ("шконки"), и напялил на ноги ботинки, куртку одевать не стал. Вышел на продол в одной рубашке, и пошёл вслед за сотрудниками. Его привели не в кабинет, а во что-то типа вахты. Перед входом в неё видел плакат «Ничто не обходится так дёшево и не ценится так дорого как вежливость». Здесь сидел маленький смурной мужичок, в уфсиновском камуфляже, и что-то Боре подсказывало, что к нему не следует обращаться словом "Старшой".

– Как тебя зовут? – зачем-то спросил тот мужичок.

– Пахомов Борис Григорьевич, – решил ответить Боря своим полным именем.

– Боря стало быть, да? Здесь написано, что ты – Борислав, хотя Борис я думаю то же самое. Знаешь почему, я не стал никого вызывать из твоего продола, а остановился только на тебе?

– Понятия не имею – признался Боря.

– Ты ведь знаешь, где ты? – Решил уточнить на всякий случай сотрудник учреждения. И получив кивок Бори, продолжил: – Меня зовут Михаил Алексеевич, я начальник отряда хозяйственного обслуживания этого следственного изолятора. Я распознаю среди подследственных более-менее нормальных людей. Здесь же всякие сидят, есть и бандиты, есть и насильники, и маньяки. Я вижу ты не бандит, один раз оступился, ничего, бывает. Я хочу тебе предложить остаться здесь, после суда. Как ты на это смотришь?

– Я ничего не понял из сказанного вами. Что значит остаться здесь?

– Смотри. Все, кто сидит под следствием, они ждут окончательного суда, когда получат срок. После того, как каждому из них дают срок, они садятся в столыпинский вагон, и едут в лагеря. Но некоторым я предлагаю остаться на хозяйственное обслуживание. Ты наверняка видел людей в робе здесь чёрной?

Боря поморщил лоб, начиная потихоньку соображать о чём ему говорит тот, кто представился начальником отряда. Свои соображения он выразил в словах:

– Кажется, один такой кровь из вены у меня брал, другой постельные принадлежности выдал.

– И третий в белом халате тебе сегодня баланду раздавал, правильно? – Боря кивнул, услышав знакомое слово "баланда", что-то типа этого объяснял Толик на ИВС. – Так вот всем им дали небольшие срока лишения свободы. И они остались отбывать наказание, здесь в Москве. А те, кто отказался, уехали чёрт знает куда. Этапы разные у нас есть. Можно в Кострому уехать – это близко, можно в Архангельск – уже чуток подальше, а можно и в Магадан – совсем далеко. К тебе мать на свиданку приходила? Нет ещё, а придёт. Знаешь, как ей удобно к тебе сюда в Москву приходить? А знаешь, как будет трудно ездить, если будешь в Магадане отбывать? Выбирай.

Вообще-то предложение этого мужичка дельное. Однако, Боря не опытный зек, и не знает, что его ждёт в колонии, может лучше сначала спросить адвоката или зеков, какой выбор лучше делать. А можно ли вообще выбирать, если ты второй день всего лишь в тюрьме?

– А как я могу выбирать, если я не знаю, где лучше работать, и где больше платят. И вообще не знаю, осудят ли меня? Может, оправдают. Может, условно дадут.

– А может быть дадут колонию–поселение, – продолжил перечисление начальник отряда. – Тогда мы тоже не можем тебя у себя оставить, поскольку мы оставляем только тех, кто получает отбывание в колонию общего режима, и только тех, у кого срок меньше пяти. Если тебе дадут три года строгого, я тоже тебя не возьму в отряд. Так что, твоя подпись на бумаге мало даёт шансов, что ты всё-таки останешься, но хотя бы гарантию, что останешься в Москве, а я ещё рекомендую, чтобы вдруг тебя на посёлок сошлют, чтобы в этом случае в Зеленоград этапировали. Ну что?

Говорил этот начальник с такой интонацией, с которой когда-то Боря с одногодками-старшеклассниками разводил малолеток на сигареты. Они тоже много чего обещали им, чтобы те отдали свои карманные расходы на обеды. А иногда ничего не обещали, просто силой отбирали всё, что находили. Плохой опыт. Став постарше, Боря отказался от такого способа заработка. Но чем этот опыт был полезен, так это тем, что с юношеского возраста он стал улавливать тон в голосе, когда разводят его самого. И сейчас, когда начальник отряда обещал ему всякие золотые горы, он подсознанием чувствовал в этом какой-то обман.

– Нет, я не могу согласиться. Я должен сначала всё увидеть, а потом только решать можно оставаться в СИЗО или нет. Вот вы пугаете меня тем, что здесь бандиты сидят, а ведь я видывал бандитов на свободе и не раз. Таковые у меня на районе живут. Я пять лет в ночном клубе проработал, там часто бандиты тусуются. Так что в принципе я знаком с этим контингентом, чего мне бояться?

– Младший инспектор говорит, что ты даже по фене не ботаешь?

Железный аргумент, ничего не скажешь. Действительно, как можно входить в хату, если ты даже языком не владеешь? И тем не менее, на ИВС ничего страшного не произошло. На сборке хоть и попытались ему что-то предъявить, но он выдержал этот удар. В карантине ничего страшного не происходит, и чего бы плохого не произошло в хате, казалось теперь и там выдержит.

– Так это потому что я второй день в тюрьме всего, конечно я не знаю феню. Хотя нет, кое-какие слова я уже выучил: баланда, тормоза, шлёмка, шконка, и этот как его там..

А вообще, Боря думал, согласиться, но почему-то решил, что со своим согласием лучше повременить. Пока всех зеков не увидишь, лучше вообще не соглашаться ни на какие условия администрации.

– С таким словарным запасом в общей хате тебя быстро изобьют, если вдруг скажешь не то. Они же не говорят на гражданском языке. Те слова, к которым ты раньше относился как к нормальным, здесь означают другое, возьмут череп проломят, если не то скажешь.

И тут вдруг Боря вспомнил, что хотел съехать от родителей. Если мать будет часто ходить на свиданку, чем это будет отличаться от постоянного проживания с ней? Поэтому, лучше уехать этапом куда подальше. Нет, он в принципе рад видеть мать, но лучше испытывать такую радость как можно реже. Так что окончательный ответ Боря дал «Нет!»

– И тем не менее, я не боюсь этого. Бывало я на свободе отгребал, ничего позорного нет для мужика получить по башке лишний раз и отлежаться потом в больнице. Все через это проходили.

– Ладно, уговаривать больше не буду. Пойдёшь в общую хату, а так я тебя хотел на Большой Спец посадить, там люди поприличней и бандитов поменьше. Иди. И смотри никого из зеков "мужиками" не называй. У них это слово что-то другое обозначает.

Начальник отряда подмигнул, а Боря заложил руки за спину и вышел из кабинки на продол. Младший инспектор, который его дразнил во время проверки, повёл его в хату.

– Где ты живёшь, я забыл?

– На Калужской – машинально ответил Боря.

– Так я тебя и повёз на Калужскую! – Передразнил Борю старшой. – Какая хата, спрашиваю?

– А, вы это имеете ввиду? – Догадался Боря. – Два-пять-три.

– Можешь ко мне на "ты" обращаться. – Смягчился младший инспектор, – Просто скажи "Извини, старшой, не понял тебя с первого раза".

Он открыл хату, и Боря вернулся к своим соседям по камере из Средней Азии. Один из них, обратился к нему с явным среднеазиатским акцентом:

– Брат, куда вели тебя?

Боря решил, что с сокамерниками лучше всё-таки общаться и ответил:

– Хотели, чтобы я после суда здесь остался.

– На хозработы, что ли? Не, брат, не надо. Лучше в лагерь ехать, там у меня братишка тринадцать тысяч зарабатывает. А здесь все бесплатно работают. Да и то, ты что, баландёром хочешь стать? Не надо, брат.

Борю уже перестало удивлять, что все здесь друг друга "братом" называют. Да и что удивительного, наверное, поэтому мафия и зовётся в народе братвой, что все они – "братья". После ужина Боря лёг на свою пальму. Кинга дочитывать уже не хотелось. А раз читать не охота, остаётся только спать. Вернулись мысли о его уголовном деле. Единственный вопрос, который мучил его теперь, был "А кто же всё-таки сообщил полиции об ограблении?". Наверное, следователь специально не говорит, хочет послушать нелепые Борины отмазки.

Глава 7. Общая хата

Один из Бориных одногруппников по универу институт не закончил. Он вылетел с первого курса. Незадолго до летней сессии просто перестал ходить на занятия и пропал также на время сессии. Боря с ним встретился случайно, года через два, когда уже учился на третьем курсе. Оказалось, что его одногруппник попал в тюрьму, и после двух банок пива, он ему поведал о жизни в неволе. "Понимаешь, – одну из своих баек он начал именно так, – до тюрьмы я часто смотрел порнографию, и думал что такого в кунилингусе? Вон в каждом порноролике он присутствует. А там оказалось, за это спрос есть. Если узнают, что ты у бабы отлизывал, могут и опустить, оказывается. Оказывается кунилингус и минет, по воровским понятиям, – одно и тоже. Ни то, ни другое пацан не должен делать."

Боря не знал, к чему всплыл в памяти этот разговор с одногруппником, имени которого он даже не запомнил. Но поскольку он был ещё неопытным зеком, он часто думал о вольной жизни и иногда воспоминания сами собой накатывались. Вот и разговор с сидевшим одногруппником прорезался из глубин памяти в подробных деталях. "Первый день на зоне я харкал кровью, как будто мне стоматолог зуб вырвал. А мне итак его вырвали, только не стоматолог, а козёл. И не вырвал, а выбил по беспределу". Да, подумал Боря, видимо это правда, что в тюрьме только дерутся и насилуют слабых. Хотя за три дня в Бутырке он не видел ни одной драки, и тем более не видел обиженных, опущенных и тому подобных. Он попробовал вспомнить ещё какие-то наставления бывшего одногруппника. Но ведь беседы о вещах, которые кажутся ненужными, быстро забываются. Только теперь Боря понял в чём была ценность того разговора о тюрьме с другом. И уж тем более, только сейчас он стал догадываться о смысле поговорки "от тюрьмы да сумы не зарекайся". Ведь он всегда считал, что не будет сидеть.

Под воспоминания о разговоре с бывшим одногруппником Борю накрыл сон. А от сна его пробудила утренняя раздача завтрака ("Баланды"). На этот раз давали не сечку, а другую кашу – пшёнку. Она Боре показалась повкуснее, и даже сахар не потребовался, чтобы её превратить в еду. После завтрака Боря залез на шконку, а сквозь сон услышал голос из глазка:

– Байматов, Мурзаев. С вещами. Пять минут на сборы.

Киргизы зашевелились. Скрутили матрацы, побросали в них посуду, бритвы, зубные пасты, щётки, туалетную бумагу, и прочее. Перевязали их простынёй, и стали ожидать вызова. Вещей у них с собой особо не было, поэтому сборы не сильно затянулись. Затем открылись "тормоза", и уфсиновец объявил:

– Байматов и Мурзаев.

– Да, старшой. – Откликнулись оба почти одновременно.

– Выходим.

– Давай, брат – Попрощались с Борей оба киргиза, и один из них добавил: – Может, пересечёмся ещё на тюрьме где-нибудь?

– Счастливо, ребята! – Ответил им Боря.

И он остался один в камере. Боря догадывался, что скорей всего за ним тоже скоро придут, но решил поспать пока дают. Чтоб со свежими силами войти в настоящую тюремную камеру, и приготовиться к разговору с настоящими ворами-рецидивистами. Главное, чтоб не побили, а то по телевизору часто фильмы про тюрьму показывают, и в них всегда новеньким достаётся. Опять вспомнился разговор всё с тем же одногруппником: "Мыло, если в душе уронил, поднимать нельзя. Считается, что ты загасился после этого". Значение слова "загаситься" он, правда, почему-то не объяснил. А Боря, поскольку от тюрьмы всегда зарекался, и не стал интересоваться. Как раз в это время глазок поднялся, и голос на продоле произнёс:

– Пахомов!

– Да, старшой – машинально ответил Боря.

– С вещами. Поднимают тебя в хату.

Боря поднялся, кинул две книжки в свой, почти порванный, пакет, туда же отправилась арестантская посуда, бумаги из суда и рыльно-мыльный набор. Постельное бельё он разложил на матраце, ровно разгладив, и скрутив матрац рулоном, перевязал его простынёй. Поставил это всё у выхода из хаты, и присёл на пустую кровать ожидать вызова. Который не заставил себя долго ждать, хотя Боре эти минуты показались вечностью. Его повели по всем продолам Бутырки. Опять на пути встретился плакат про «Любовь к свободе…». Они прошли три корпуса. Ни один плакат по дороге не повторялся. По ним можно было ориентироваться, где ты. «Быть человеком – это чувствовать свою ответственность» - гласил плакат у входа в общий корпус, где на блоке («продоле») помещалось всего три камеры ("хаты"). Номера были 97, 98 и 99. Ту камеру хату, что посередине, и открыли инспекторы. Она отличалась от карантинной "хаты" тем, что после тормозов здесь ещё была клетка. То есть запирались зеки на полный засов.

Боря вошёл с матрацем в одной руке, пакетом в другой, в куртке, белой рубашке и брюках. Прошёлся вглубь хаты, его сразу же окружили зеки, и единственное что ему пришло на ум, это сказать:

– Здравствуйте, ребята!

За столом ("дубком") расседал немолодой, но весь в наколках, гладко выбритый с серьёзным лицом человек. Он сидел и курил. Рукой, в которой он держал сигарету, он нарисовал в воздухе круг, и все зеки расступились по шконкам. Глазами он указал Боре на свободное место на лавке у дубка:

– Присаживайся.

Раньше Боря воспринимал как добрую шутку про то, что нельзя говорить "садись", поскольку сесть ты всегда успеешь. Именно эта фраза звучала из уст Милославского, которого играл Куравлёв в гайдаевском фильме. Но как оказалось, зеки в тюрьмах предпочитают говорить "присесть", так как видимо они считают, что сесть они уже успели.

Боря присел, и приготовился к разговору с человеком, которого зеки видимо считали здесь кем-то вроде главного. За его спиной какой-то другой зек возился с двумя кружками, стоя около дубка. Что он делал, Боре оставалось лишь догадываться, в основном он переливал какую-то чёрную жидкость из одной кружки в другую. Разговор начал тот, что был за главного:

– Как тебя зовут?

– Брюс, – Боря решил представиться своим вольным прозвищем, которое к тому же сам себе выбрал.

– "Брюс" – это погремуха что ли?

– Да. – Ответил Боря, вспоминая чему его учили на сборке. – Вольная.

– Чем занимался на воле?

– Работал.

– Мужик, то есть?

– Я первоход. Я всего лишь третий день на Бутырке, и ещё толком не знаю какие слова, что обозначают…. То есть некоторые уже конечно выучил, но всё равно ещё не совсем понимаю о чём речь.

– Вот, послушай. Я – смотрящий за этой хатой. В девять-семь сидит смотрящий за всем продолом, а в девять-ноль вообще сидит смотрящий за корпусом. Я веду блатную жизнь, я – профессиональный вор, я на жизнь себе зарабатываю воровством, понимаешь? Для того, чтобы добиться такого статуса, нужно всю жизнь жить по воровским понятиям, ни одного дня нигде не работать, только воровать, ну и…. Да, иногда приходится посидеть в тюрьме. А как без этого? Иногда я планирую, когда сяду, иногда оно само меня находит. Раз на раз не приходится. А знаешь, как трудно не работать на красной зоне? О-о-о! Там так тяжело режим

шатать. Ты вот работал на воле, значит ты – мужик. Бывает так, что мужик поднимается до блатного, редко, но бывает. Какая беда у тебя?

– Беда?

– Ну так мы называем номер статьи. – Пояснил "Смотрящий", а Боря вспомнил, что ему этот пункт тюремного кодекса уже объясняли на сборке.

– А! Эта… Сто шестьдесят первая, часть первая. "Макдак" ограбил.

– А я его, кажись, по телеку видел. – Воскликнул с одной из верхних шконок молодой арестант, у которого не было двух передних зубов. – В "Черезвычайном происшествии". Его спросили как он "Мак" ограбил, а тот в ответ сказал: "Кассир был денег должен, вот я и пришёл их забрать".

– Красава, Брюс. – Отреагировал на комментарий "Смотрящий". – Как видишь, малява идёт вперёд тебя. Не успел ты заехать в хату, как о тебе уже знают. Черепаха тебя по ящику видел, оказывается. Порядок в хате у нас такой. Ты можешь занять любую шконку, которая тебе понравится. Хата хорошая, ни петухов, ни обиженных, шконки все нормальные, не гашённые. Обиженные сидят в отдельной хате, мы её так и называем – "Обиженка". Нас тут много, и мы поделены на семейки. Каждая семейка должна уделять на общее что-нибудь из своего. Дэн – смотрящий за общим, к нему надо обращаться, если есть желание что-либо выделить. Поскольку ты только что с воли, тебя надо бы приодеть. Ведь ты уже, сколько одежду не менял?

– В субботу меня закрыли.

– С субботы не переодевался. Сегодня четверг, завтра баня. То, что сейчас на тебе постираешь в бане. У нас шнырей нет, все одежду себе стирают сами. Порошки, мыла и прочее, у каждой семейки своё. Есть, конечно, и на общем, но обычно на общем лежат одежда, консервы и всё такое. Моя погремуха – Бур. Если с кем-то возникнут тёрки, обращайся. Из общего тебе дадим сменную одежду. Её возвращать не обязательно, если понравится, можешь оставить себе до окончания срока. Если будет много приходить одежды с воли, естественно надо будет что-либо выделить. Твоё материальное состояние как на воле?

– Ну, я в банке работаю, мать бухгалтером на заводе, отец – профессор, заведующий кафедрой истории в МГТУ.

– То есть зажиточный?

– Ну не сказать чтобы…

– Тогда сам бог велел, чтобы ты уделял на общее, скажем две штуки в месяц. У нас тут А.У.Е. – "арестантско-уркаганское единство". И требования арестантского уклада выделять на общие нужды. Пока присматривайся, располагайся, ну а как поведут на свиданку, так скажешь маман, что вот такой уклад в тюрьмах. "Меня тут приодели, значит нужно и другим помогать" – скажешь. Уборку в хате мы делаем раз в три дня. Бывает чаще, по мере загрязнения. Делаем все вместе. По очереди, то есть если ты сегодня полы мыл, в следующий раз, допустим, будешь стены мыть, а потом подметать. Ну, я просто так подумал, что это лучше чем в хате девять-девять, где одни на штифту стоят, а другие полы моют. Я вижу ты без шнурков и без ремня. Митяй, научи его шнурки вязать.

– Может чифирнём для начала. А то я погляжу, первохода аж трясёт, нервничает. Просто снимем напряжение. – Предложил зек, который до этого с двумя кружками возился.

– А что, Серый! – Отозвался Бур. – Неплохое предложение. Ты сам чифиришь?

– Ни разу не пробовал. – Признался Боря.

– А пиво пробовал?

– Конечно! Пиво я уважаю.

– Так вот чифир, как пиво. Напряжение снимает, а крышняк толком не сносит. Серёга – мастер по чифиру. Он когда первый раз приготовил, мы все аж ахнули. Оказывается, до этого мы здесь купец пили, а Серый нас чифиром настоящим порадовал.

Дружный смех в хате прервался, высказыванием Бура:

– Возьми конфету. Закусишь.

– Как это?

– Ну, вот так. Надкуси полконфеты, и на языке подержи малёхо. Обычно все блевать хотят после первого глотка чифира, а конфета отбивает это желание.

Боря взял конфету, развернул фантик, и приготовился вкусить первый в своей жизни чифир.

– Чифир пьют все вместе из одного кругаля. – Начал объяснять Серёга, который был видным специалистом по чифиру. – Это считается, что напиток объединяет зеков. Если ты за собой ничего не чувствуешь, значит с тобой чифирить можно. А если что-либо за тобой есть, то надо всех оповестить и пить из отдельного кругаля. Делаешь два глотка и передаёшь другому. Воры делают три глотка. Единственный вор среди нас – Бур. Он делает три глотка. На вкус чифир – редчайшая гадость, но когда привыкнёшь, обычный чай покажется водой. Ты пьёшь первым, потому что мы отмечаем твой заезд в хату. Держи.

Он протянул Боре горячий кругаль, и тот сделал два глотка, как и положено первоходу. Боря решил все правила А.У.Е. соблюдать неукоснительно и буквально. На вкус чифир действительно оказался гадостью, вызывающей приступ тошноты. Но, как и обещал смотрящий за хатой, если надкусить конфету и подержать чуток на языке – действительно тошноту убивает. После того, как чифир стали пить уже по третьему кругу, кругаль опустел. Закончился он на том зеке, который видел Борю по телевизору. Он носил смешную погремуху Черепаха. "Интересно, подумал Боря, узнать каким образом она ему досталась".

– Считается, что на ком заканчивается чифир, тот получает самый смак от этого напитка. – Прокомментировал он ситуацию. – И лучше б он закончился на Брюсе, ведь мы его заезд отмечаем.

После того, как Боря напился чифира, он почувствовал прилив бодрости. Сон как рукой сняло. Ему предложили верхнюю шконку в одном из проходняков, где он стал как раз четвертым семейником. На шконке под ним располагался лысоватый гладковыбритый с небольшими наколками на пальцах арестант. Представился "Дроном" Он стал помогать Боре расстилать матрац, простынь. Смотревшие на это дело зеки, стали активно помогать дружескими советами.

– Нары здесь жестковаты для первоходов. – Сказал такой дедок, который занимал нижнюю шконку, напротив Бори. Он носил бороду, покрытую сединой, которую то и дело почёсывал правой рукой. – Так что возьми вон ещё себе матрац, у нас там на общаке лежит.

Боря постелил себе второй матрац. А Серёга, специалист по чифиру, сказал:

– У меня простынь вольная есть. Хозовскую лучше на дорогу пустить.

Боре заменили простынь на более комфортную. А старую тюремную простынь отдали Митяю, который быстренько принялся её разрывать.

– Брюс, поди сюда.

Он подошёл к Митяю. Тот ему протянул клубок с нитками, по всей видимости добытый из распущенного свитера.

– Держи вот здесь.

Боря подержал. Из клубка Митяй натянул три нитки одинаковой длины.

– Косички бабам умеешь заплетать?

– Никогда не пробовал.

– Теперь научишься.

Митяй показал Боре нехитрые движения, благодаря которым нитка стала превращаться в прочную верёвку.

– Запомнил? Продолжай.

Боря попробовал повторить движение. И на его удивление, движения стали легко удаваться. Пока Боря вязал первую верёвку, Митяй приготовил ещё три нитки для второй. На этот раз Боре не надо было объяснять, что делать, и вторую верёвку он связал себе сам.

– Вот считай шнурки теперь у тебя есть. Можешь взять мои тапки, у нас не принято по хате в обуви ходить.

Боря разулся, попытался вдеть "шнурки" в свои ботинки. Получилось не так прочно как с настоящими шнурками, но всё же лучше чем совсем без них. Обувь Боря положил туда, где здесь было принято её хранить – около тормозов, под вешалкой, на которой нашёлся свободный крючок и для Бориной куртки. Бур позвал Борю к себе и сказал ему:

– Смотрел, как ты себе шнурки вязал. Хорошо вяжешь, как я погляжу. Не у каждого эти движения получаются с первого раза. Может дорожником станешь?

Митяй ответил вместо Бори:

– Как раз у меня этап скоро. Уже касатка прошла, приговор без изменений остался. "Законку" жду. – И вдруг он резко поменял тему разговора. – Смотри, из простыни верёвки прочнее получаются. Мы из них канаты вяжем. Для дороги канат у нас есть уже, так что эти три верёвки тебе на ремень пойдут. Да ремешок будет не таким, как вольный, но всё же джинсы ты себе подвяжешь.

Боря огляделся на других зеков, и правда, у каждого на поясе была верёвка бывшая когда-то частью простыни. Такой же канат висел над хатой между шконками, и служил верёвкой для сушки белья. Бляшки у такого ремня, естественно, не было, поэтому, чтобы джинсы держались на поясе, приходилось завязывать узелок.

– Ты бы брюки, кстати, снял. Возьми из общего трико, а брюки отложи. Оденешь, когда к адвокату поведут, или к следаку.

Боря переодел брюки. И увидел на полке возле телевизора кучу с книгами.

– А можно я возьму одну прочитать?

– Конечно, бери!

– У меня вон Стивен Кинг есть, если кто желает.

Боря достал "Зелёную милю", которую прочитал полностью в карантине, положил её на полку к остальным книгам, и взял первое, что его заинтересовало с полки. Ею оказалась книга "Фирма", под авторством Алексея Рыбина. Он откинулся на шконке и принялся читать. Но чтение почему-то не получалось. Мысли были заняты тем, как его приняли в хате. Оказалось, что не так уж и страшно попадать в общую хату. Можно и здесь себе уживаться.

Когда за окном начало темнеть, к Боре подошёл Митяй и спросил:

– Ну так что насчёт дороги?

– В смысле?

– Соглашайся, Брюс. – Крикнул Черепаха. – Не каждому такая честь выпадает, сразу после заезда дорожником стать. Обычно новенькие на штифту стоят, или полы подметают, а тебе сразу – дорога. Полезный навык для тюрьмы. Тем более тут все чем-либо заняты, каждый за что-то отвечает. А дорожникам здесь отдельный почёт.

– Пошли. Научу. – Требовательно подозвал Борю к себе Митяй. Боре оставалось только соглашаться, поскольку, что такое "стоять на штифту", он уже увидел. Паша "Барсук", всё время находился возле "тормозов", открывая глазок стержнем от ручки, который давно закончился. Периодически он выкрикивал две фразы. "Поляна красная" – означало, что по продолу старшой идёт. "Чёрный ход" – означало, что всё в порядке, можно пользоваться запрещёнными предметами.

Принцип настройки дорог оказался несложным для понимания, хотя и требующим очень много терпения. Митяй залез на решётку которая была перед окном, с помощью палки от сломанной телевизионной антенны, открыл окно, и сказал:

– Сегодня ветер хороший, можно "парашют" пустить.

Он достал маленький целлофановый пакет, конец которого был привязан ниткой длинной около двадцати-тридцати метров. Митяй скомандовал Боре:

– Сделай два удара по той стене. – И указал на стену, которая была общей между их камерой и "хатой" девяносто девятой. После чего Митяй в окно закричал: – Девять-девять, налаживаемся? Ветер в вашу сторону.

Оттуда что-то невнятно прокричали. Пакет улетел в окно, а Митяй держал за нитку и смотрел за метанием пакета как за воздушным змеем. Точно такой же пакет был виден из второго окна, Митяй протянул свою палку Боре и попросил:

– Иди на ту решку, вот тебе палка, открой окно и затяни их пакет к нам в хату. А я пока попытаюсь с девять-девять настроиться.

Открыть окно, находящееся за решёткой ("решкой") оказалось трудновато. Ручки у окон со стеклопакетами были выдернуты администрацией. И палкой надо было, как отвёрткой открыть окно и ею же изловчиться поймать "парашют" из соседней девяносто седьмой камеры. Митяй уже заканчивал настраиваться с "девять-девять", а Боря лишь сумел только справиться с окном. За которым, между тем, всё ещё летал "парашют", напоминающий воздушного змея.

– Разверни палку. – Посоветовал Митяй, – Видишь, с другой стороны что-то типа крючка у неё? Вот им попытайся парашют поймать.

– Поймал! – Обрадовано крикнул Боря.

– Правду сказал Бур. Выйдет из тебя дорожник, но один пока на дороге ты стоять не сможешь. Напарник тебе нужен. Крикни в окно "Дома!", только так крикни, чтоб в девять-семь тебя услышали.

Боря что есть сил закричал "Дома!", после чего из стены, которая соединяла их камеру с девяносто седьмой послышались два удара в стену.

– Это значит, что мы должны коня привязать. Давай отрывай этот пакет, и привязывай к концу нитки вот этот канат. Только крепко привяжи, чтоб он в их хату обязательно попал. А я пока пойду с девять-девять настраиваться.

Пока Боря привязывал канат ("конь") к концу нитки из девяносто седьмой хаты, сверху такой же трос показался в окне. Не знающий что делать в такой ситуации Боря, спросил Митяя:

– А этот канат затягивать?

– Откуда сверху? Конечно. Там тоже порядочные арестанты сидят.

Боря выполнил уже знакомую процедуру, прокричав дежурное "Дома!", и услышал от Митяя:

– Поставь этот конь на контрольку, чтобы в окно не улетел. Сегодня обрыв не должны вроде сделать.

"Поставить на контрольку" оказалось просто привязать канат к решётке ("решке"), после чего сверху раздались два удара. Боря испугался, думая, что потолок просыплется, однако это означало совсем другое.

– Ого, уже мульки пошли. Давай коня затягивай, поглядим что там.

Боря потянул трос к себе, до тех пор пока не затянул какой-то мешок, который нужно было открыть. Внутри мешка оказали две запечатанные записки. На одной из них написано "ВХ93 Косому", а в другой "ВХ99 Каро".

– Так с девять-девять я уже настроился. Сейчас отправлю. А вот эту маляву, пока положи сюда. Как настроишься, покажу, как отправлять. Уже привязал коня? Отлично! Стучи в девять-семь чтобы затягивали, только обязательно конец удержи, чтобы не потерять его на улицу.

Боря сделал два удара по стене, связывающей их с девяносто седьмой "хатой" и "конь" поехал в окно, Боря еле удержал конец, чтобы привязать его к "решке".

– Красавчик! Теперь возьми вон тот мешок, и привяжи его вот так к коню. Кидай в него маляву, которая в девять-три должна уйти. И стучи, чтобы отправить. Всё! Связь налажена. Осталось только спустить коня вниз, там тоже хаты есть.

И пошли тросы, канаты по окнам. И так всю ночь кто-то кому-то писал записки ("малявы"), передавал сигареты, чай, наличные деньги.

– Иногда наркотики передают. Но на них пока в этом корпусе братва запрет поставила.

Бур написал курсовую "маляву". Обозначение "К" в кружочке означало, что с этой "мулькой" должны ознакомиться все "хаты", которые сегодня вышли на дорогу. В курсовой Бур указал, что к ним заехал новенький, что его сразу поставили на дорогу. По воле он был мужиком, работал в банке, и Боря попросил в курсовой указать, что до банка он работал диск-жокеем в ночном клубе. Бур счёл это важной информацией и попробовал приклеить ему новую погремуху "Музыкант". Однако всем больше нравилось называть его Брюсом. Потому что это звучит. И внешне от тюремной жизни Боря всё больше стал приобретать черты лица Брюса Уиллиса: от баланды он начал немного поправляться, хотя изначально был худой как спичка, а теперь ещё и от движений по ночам начали расти мускулы, которые он стал закреплять отжиманием от пола, к тому же тюремная причёска была под стать знаменитому голливудскому актёру, та же лысина. Ответом на курсовую, было что-то вроде "респект и уважуха", что означало, по видимому, что Борю приняли на корпусе в свою большую семью. Одна из маляв была адресована так "ВХ98 Брюсу ОТ96 Патлатого"

– Ого! – Воскликнул Митяй. – Тебе уже пишут из других хат. Красава! Растёшь для тюремной жизни.

В маляве значилось следующее: "Приветствую тебя, Брюс! Я Игорь, помнишь на сборке с волосами был? Заехал сегодня в девять-шесть, побрился на лысо, не узнаешь меня. Обживаюсь, как провёл время на карантине?". Он показал маляву Митяю, на что тот резко стал отнекиваться.

– Это твоё личное. Никто из арестантов не имеет права читать чужие малявы. Ты заметил, сколько их по дороге переходит? Прикинь, если бы мы всё читали и были в курсе всего? Нам бы таких предьяв накидали. Так что нет. Мне неинтересно кто тебе из какой хаты и что пишет. Хочешь – ответь, я подменю тебя на решке. Раз тебе малявы шлют, значит ты активный участник ночных движух.

Боря ответил кратко "Спасибо, Игорь! Чувствую себя прекрасно, на карантине было скучно, сидел с двумя киргизами, читал Стивена Кинга. Сейчас стою на дороге". И так же подписал, после того как сложил её в маленький свёрток "ВХ96 Патлатому ОТ98 Брюса". И отправил по направлению к его девяносто шестой камере. Ответом было что-то вроде "не буду отвлекать тогда, желаю удачной ночной дороги" и прочее в этом духе.

Под утро "ночные движухи" закончились. С девять-девять трос решили не откреплять, а вот с девять-семь было решено разладиться. После того как все приготовления были завершены, Барсук получил хлеб на всю камеру, а также пайку сахара на каждого из сидевших в девяносто восьмой камере. Митяй дал добрый совет Боре:

– Спать пока не ложись, лучше чифирни для бодрости. Сейчас проверка будет, на неё лучше выйти, а за шконку не беспокойся, сейчас не девяностые годы. Сегодня в Бутырке не селят арестантов больше чем шконок, так что твоя всегда свободная будет.

Боря вспоминал, как в обезьяннике, в ИВС, и в карантине он делал отчаянные попытки уснуть. А теперь вот спать нельзя оказывается. И борьба со сном оказалась теперь приоритетной задачей.

От утренней баланды вся камера отказалась. Кто-то процитировал слова из песни Михаила Круга: "А сечку жрите, мусора, сами!". Боря после чифира с конфетами, тоже есть не хотел, поэтому откинулся на шконку ждать проверку. Проверка прошла быстро и удачно, ничего запрещённого старшйе не нашли. Завели всех обратно в хату, после чего Боре разрешили спать.

Проспал он до самого вечера, когда по НТВ передавали "Чрезвычайное происшествие", любимая передача всех зеков, идёт как раз перед телесериалом по ТНТ "Реальные пацаны",

который не смотреть не может никто из у́рок. Кто-то из зеков прокричал, увидев, что Боря проснулся:

– О, дорожник встал! Садись за дубок, мы тебе баланду оставили.

Боря присел, собрался есть, как услышал совет:

– Возьми приправу, специи, майонез. Без этого всего их бигус есть невозможно.

Боря поколдовал с едой, сделал её приемлемой для употребления. Пообедал, запил всё простым чаем, который ему полагался как дорожнику. И по примеру остальных арестантов, взял тряпку и протёр за собой со стола. Помыв посуду, уселся обратно за дубок. И тут его подозвал к себе Бур:

– Пока чёрный ход, позвонить домой не хочешь? У нас сегодня труба есть.

– Я не помню наизусть мамин телефон.

– На домашний брякни, через код там четыре-девять-пять или какой там?

Боря набрал домашний телефон, ответил младший брат.

– Славик, это Брюс. Предки дома?

– Какой ещё "Брюс"? Брюс в тюрьме, как он может звонить, там же нет телефонов?

– Ошибаешься, Слава! В тюрьме есть телефоны, позови кого-нибудь.

К телефону подошёл отец Бори:

– Слушаю?

– Пап, это Боря!

– Привет, Боря! – Отец его сделал короткую паузу, видимо, от неожиданности выбирая слова. И первое, что пришло на ум это спросить: – Как жизнь воровская? Тебя не бьют в камере? – Боря уже неделю находился в застенках, поэтому вся его родня была в курсе того, куда он угодил. – Помнишь, когда ты учился в школе, я тебя предупреждал, что твой гоп-стоп до добра не доведёт?

– Помню. Меня не бьют, всё нормально. Здесь приличные люди сидят. Меня встретили, переодели, постираться дали, сегодня в баню пойдём.

– Что, прям в баню?

– Да нет, душевая здесь так называется.

– Мама тебе передачу готовит. Твой адвокат говорит, что в Бутырку можно через интернет продукты хоть каждый день заказывать, а вот вещи передать можно лишь раз в три месяца, так?

– Наверное, я не в курсе пока. Меня только вчера из карантина подняли.

– Ну как разузнаешь, звони. Мамин телефон тебе продиктовать?

– Да, давай!

Боря взял со стола ручку и себе на ладонь написал цифры маминого сотового. После чего Бур ему предложил:

– Ну а теперь маме позвони! А то вдруг тебе придётся переезжать в другую хату, эту администрацию не поймёшь, зачем они тебя перекидывают. Потребуется баул. Попроси сумку спортивную, ну и сменную одежду. Кстати носки здесь часто рвутся, хотя их можно и в магазине заказать. Деньги пускай на твой счёт переведёт.

Разговор с мамой начался с попыток убедить её, что здесь никого просто так не бьют, не опускают. Что всё у него здесь в порядке, здесь чисто, вшей нет, вшивых арестантов тоже нет. На замечания, почему ты стал на их языке разговаривать, Боря ответил, что здесь по-другому невозможно. После того, как он убедил маму в нормальности своего положения, он сказал, чтобы никуда не выбрасывали обойму от пистолета, чтобы доказать, что в "Макдоналдс" приходил без патронов. А так же добавил, что ему нужна сумка, баул собирать, а то вдруг переведут в другую хату, а с пакетом перемещаться неудобно. Про деньги сказал, что можно счёт открыть в Бутырке, чтобы он сам магазин заказывал.

Поговорив с мамой, Боря подошёл к Митяю разузнать о сегодняшней "ночной движухе". Митяй сказал, что обязательно сегодня выйдем на дорогу, как всегда со всеми наладимся, и после этого в тормоза прокричал старшой:

– На прогулку через пятнадцать минут.

– Хорошо, старшой! – Откликнулась вся хата, а Бур подошёл к Барсуку и спросил у него:

– Как ты проглядел старшого? Я по тэшке разговаривал. Почему не пробил "поляна красная"?

– Да я в туалет отошёл, не было его на продоле в этот момент.

– Смотри у меня. – Пригрозил Бур. – Если тэху отметут, будешь должен мне её восстановить, и не важно, каким способом!

Вот так Боря наблюдал первый конфликт на тюрьме. Особенность стояния на штифту и заключалась в том, что если хата без телефона ("тэшки") остаётся по вине штифтового, то он должен её купить. Да мало купить, ещё затянуть в хату, а это так нелегко сделать. Бур убрал "тэху" в сумку, и переоделся для прогулки.

Во время выхода на прогулку каждого зека осматривали старшѝе. Это был беглый осмотр. Поднимаешь руки кверху, а старшой тебя лапает за подмышки, бёдра и колени. Естественно, ничего не находит и ты идёшь на прогулку. Прогулочные дворики в Бутырке находятся на крыше. Каждая камера гуляет в отдельном дворике. Для общих хат предусмотрены дворики большой площадью. Можно даже при желании в футбол играть. Осталось только мячик сделать. На потолке каждого дворика была сетка-рабица. И зеки во время прогулки занимались в основном тем, что общались через неё с другими хатами. Со стороны крики эти были забавные. Но обсуждались в основном вещи важные, кто что собирается делать после того как срок получит, кто куда этапом уехал, кто отзвонился после этого и прочие дела. Нелепые шутки отпускались здесь: "Когда в клуб пойдём?", "Кто за пивом двинет?" и тому подобное. Тюремные анекдоты травились здесь.

Распорядок дня теперь для Бори был такой. Проверка, сон, обед, чифир, телевизор, прогулка, ночное движение (дорога), утренняя баланда, и ожидание новой проверки. И таким образом незаметно наступил вторник. Боря, уже привык отсыпаться после дороги в такое время, как вдруг из продола послышалось:

– Пахомов!

А Боря спал и даже не слышал, что его вызывают. Никто из арестантов даже не подумал будить его.

– Пахомов! – Ещё более требовательно и громко прозвучало с продола. – Спит что-ли?

– Походу спит, старшой, чего хотели?

– Выводить его надо, слегка чтобы приоделся. Либо будите, либо хата без телевизора останется!

Но никто будить Борю не собирался. Впрочем уфсиновцы уже привыкли, что обычно зеки не будят никого из сотоварищей, поэтому "тормоза" открылись, и пинком по шконке Борю разбудил сам младший инспектор.

– Собирайся, к следаку пойдёшь. Ночью что делал?

Боря поднялся переоделся брюки, взял куртку, бумаги с делюгой и приготовился выйти.

"Тормоза" открылись, Боря вышел, встал в позу "руки за спиной", и приготовился выслушивать, куда ему направляться. Его повели по всем продолам, и перед какой-то комнатой открыли маленькую камеру.

– Посиди тут пока.

В этой камере не было ничего кроме маленькой деревянной лавочки и четырёх стен. На лавочке сидел зек, весь в татуировках:

– Здарово, Вась!

– Привет, – Ответил Боря. – Я Брюс.

– Какая хата?

– Девять-восемь. Дорожник.

– А я слышал про тебя. Ты, кажется, в четверг заехал. Ну как тебе?

– Да нормально. Жить можно.

– Что за беда у тебя?

– Сто шестьдесят первая. "Мак" ограбил.

– Нормально. У меня вот сто пятая через тридцатую. Меньше шести теперь точно не дадут. В шестой раз к следаку хожу, и всё ничего путного не выходит из этого.

– Ты в какой сидишь.

– Девять-три. Косой я. Может, слышал.

– Конечно, слышал. Я же дорожник. Постоянно мульки передаю.

– Ну вот. И познакомились. Я о тебе тоже слышал. Хорошее дело эти боксики, люди из разных хат встречаются, знакомятся вживую.

"Тормоза" открылись и Косого увели. Боря остался один в камере ("боксике"). Ждать пришлось долго. Тут дверь открылась, и старшой спросил:

– А ты кто?

– Пахомов из девять-восемь.

– Вот ты где, оказывается, а я ищу тебя. Пошли!

Вот выясняется, как бывает, закрыли в боксик, и забыли в какой. А Боря от отчаянья уже не знал что думать. Захотелось в хату, на дорогу. Его привели в комнату, за столом уже сидели двое. Следак, как всегда с ноутбуком, и адвокат с портфелем. Боре указали на стул, на который он присел.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, Боря! – Ответил Петренко, отрываясь от пометок в ноутбуке. Поднимаясь со своего места, и закуривая сигарету, он добавил: – Виктор Фёдорович, оставляю вас наедине с подследственным. Процедура важная, приготовьте своего подзащитного, и чтобы без фокусов.

Алексей Сергеевич удалился. Адвокат начал общение с Борей словами:

– Прошло десять дней с момента ограбления. Настало время тебе предъявить обвинения, поскольку в тюрьме без предъявления обвинений тебя больше десяти дней держать не имеют права. Итак, раньше ты был "подозреваемый", теперь тебя будут называть "обвиняемый". Наша задача, чтобы Алексей Сергеевич нам видео показал с ограбления. Поскольку, по слухам, он его уже смог достать. Кстати, мать твоя просила передать, что они нашли ещё пятьдесят тысяч, чтобы увеличить твой залог. Скоро касатка, так что о залоге ещё будет сказано.

– Касатка – это кассационное? – Боря уже потихоньку стал сам догадываться о значении незнакомых ему слов. И хотя он не застал этого, но точно знал, что недавно прошла "касатка" у его наставника на дороге – Митяя.

– Да, Боря. Это суд, кассационной инстанции. Его ещё называют апелляция. Попытка отменить решение предыдущей инстанции.

– А что если он покажет видео? Признавать вину?

– В принципе можно и частично призвать вину. Ведь у тебя был незаряженный пистолет, скажи "пошутить хотел" или что-то вроде этого. Обычная практика, ты признаёшь вину, а на тебя пытаются "висяк" скинуть, мол всё равно тебе условно дадут, так что возьми пару эпизодиков, и в итоге за количество грабежей получаешь ты не условно, а реально столько, сколько и планировалось изначально.

– Кстати, я тоже думал сказать "пошутил". Ну а то, что с деньгами убежал, так что ж мне, отказываться от них что-ли?

При этих размышлениях в комнату вошёл следователь. Он закурил новую сигарету (видать, он не мог обойтись без курения), и начал разговор так:

– Ну что, Пахомов, ты готов? Зачем в "Макдоналдс" пошёл, проблемы с финансами? В "Сбербанке" мало платят?

– Я не грабил…

– Не грабил. А вот на видео присутствует грабитель, очень похожий на тебя. Показать?

– Покажите.

Следователь развернул ноутбук экраном к Боре и Виктору Фёдоровичу и нажал на кнопку "Play". На видеозаписи черты Бориного лица были видны отчётливо. Он угрожал пистолетом кассирам по очереди. Было видно, как они отдают ему деньги. Но не было чётко видно, есть ли обойма у пистолета. То есть при просмотре этого видео, можно смело утверждать, как то, что грабитель угрожал заряженным пистолетом, так и то, что пистолет был не заряжен.

Следователь прервал воспроизведение и сказал:

– Вот обойма от твоего пистолета. Её принесла твоя мама. С ней я тоже побеседовал, правда, ордер на свидание ещё пока не стал выдавать. Обещал выдать после того, как предъявлю обвинение. Ну что скажешь по поводу видеозаписи? Узнаёшь себя на ней?

Отпираться было бесполезно и Боря сделал кивок головой. Следователь усмехнулся, хотел было что-то сказать, как тут же его прервал Гусев:

– Алексей Сергеевич, давайте приступим к процедуре предъявления обвинений?

– Хорошо. – Он что-то набил на своём ноутбуке. И продолжил словами: – Пахомов Бориславу Григорьевич, вам предъявлены обвинения в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи сто шестьдесят первой уголовного кодекса Российской Федерации, как то – грабёж, то есть открытое хищение чужого имущества в небольшом размере. Вы ограбили сеть быстрого питания "Макдоналдс", сумма награбленного составила менее ста двадцати тысяч рублей, стало быть, именно благодаря этому вы и обвиняетесь пока по первой части статьи. Чтобы перебить на вторую часть нам нужно доказать, что вы угрожали заряженным пистолетом, что является отягчающим обстоятельством. Но пока такого обстоятельства нет. При задержании у вас был обнаружен незаряженный пневматический пистолет, дульной мощностью менее семи джоулей. Да и вы утверждаете, что вышли из дома, взяв пистолет без обоймы. Ваша мать принесла обойму из дома. Наш эксперт её проверил, и подтвердил, что обойма родная, то есть не купленная в магазине похожая. Один вопрос только у меня: ты признаёшь свою вину?

– Частично. – Ответил Боря, заранее задуманную фразу.

– Почему не в полном объёме?

– Потому что я угрожал фактически игрушкой. Я мог также купить пистолет в детском магазине и попробовать пригрозить им. И раз мне отдали деньги, значит там, за кассой, стоят одни трусы.

– Хорошая формулировка. Тем не менее, деньги ты взял, а значит, преступление всё-таки совершил.

– Мой подзащитный имеет ввиду, – Вмешался адвокат, – что не считает своё деяние преступлением, поэтому раз деньги взял – значит – вина есть, а раз угрожал не оружием, а его, можно сказать, муляжом, значит – вина частичная.

– Ладно. То есть на видео ты себя узнаёшь, и признаёшь, что это ты. Так?

– Так – уверенно ответил Боря.

– Пока посидите здесь, я пойду, распечатаю.

Следователь удалился, а адвокат предложил Боре:

– Кофиёчку хочешь? Здесь в аппарате неплохой кофе готовится.

– Нет, спасибо.

– Жаль. В принципе, мы с тобой неплохо сегодня ответили. Можно и дальше двигаться. Через неделю, точнее в следующую среду – касатка у нас, готовься. Может быть, арест отменят. Кстати, как тебе в хате?

– Дорожником сделали.

– На дороге стоишь? Не надо, Боря! За это могут и в карцер посадить. Дороги так-то запрещены в тюрьмах. Ты ведь, наверное, хочешь по У.Д.О. освободиться?

– Как?

– Условно-досрочно. А какой судья тебя освободит досрочно, если узнает, что ты на дороге стоял!?

Эти размышления были прерваны внезапно появившимся следователем, который пришёл с бумагами:

– Читайте!

В бумагах было следующее: "Пахомову Борославу Григорьевичу предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.161 УК РФ, как то – грабёж, то есть открытое хищение чужого имущества в небольшом размере. Он ограбил сеть быстрого питания "Макдоналдс", сумма награбленного составила менее ста двадцати тысяч рублей, что не является крупным размером. Ограбление обвиняемый совершал предположительно с помощью незаряженного пневматического пистолета Аникс А-111, дульная мощность которого менее 7 Дж. Обвиняемому были заданы несколько вопросов.

Вы признаёте свою вину?

Частично. Я угрожал кассиром игрушкой, поэтому если они приняли её за боевой пистолет, значит, за кассой находились очень боязливые люди.

Вам была продемонстрирована видеозапись. Вы узнаёте себя на ней?

Да, узнаю. Но на ней не видно, каким пистолетом я угрожаю. Заряженным или нет."

На этом показания были исчерпаны. Следователь спросил:

– Всё верно, граждане?

– Пожалуй, да – Согласился адвокат. – Ничего добавлять не будем. Когда материалы будут в суд переданы?

– Я думаю, сначала проведём опознание. Хотя поскольку частично Боря вину признал, оно не сильно уже так и необходимо. Но сперва будет кассационное заседание. После касатки, наверное, и проведём опознание. Ну а особый порядок, Боря, извини, я тебе предложить не могу. Ты ведь не признаёшь вину в полном объёме. Затягиваешь следствие. Так что придётся провести опознание.

– Продлять не будете? – Спросил адвокат, и сам пояснил свои слова: – В смысле содержание под стражей. За два месяца управитесь?

– А чёрт его знает? Психушку бы надо ещё провести.

– А это зачем, при преступлениях средней тяжести?

– А просто мне часто дела на "дослед" судьи возвращают. Поэтому я теперь всем эту экспертизу провожу. Так надёжнее.

– Но ведь Боря не косит под невменяемого?

– Ну, значит "пятиминутки" будет достаточно. Если окончим расследование до конца декабря, то в новом году уже будете с судьёй общаться, а моя работа будет окончена. Бывайте, граждане. И да, забыл сказать. Версию про твоего друга, Алексея, как его там? Тарханова, я проверять не буду. Итак не собирался этого делать. Мне видео достаточно, чтобы знать наверняка имя преступника.

Следователь собрал ноутбук, бумаги и удалился. Адвокат на прощание дал напутствие Боре:

– Ничего страшного! Условно дадут, скорее всего. Давай, до встречи! К касатке готовься.

И адвокат удалился. После чего пришли уфсиновцы и повели Борю в боксик. Но не в тот, в котором он дожидался, когда его к следователю выведут, а в другой. Он был чуток побольше прежнего, и в нём находился другой арестант.

– Здарово! Ты с какой хаты? – спросил зек у Бори.

– Привет! Я с девять-восемь. Брюс, дорожник.

– А! Я, кажись, тебя знаю. Ты "Макдак" ограбил, да?

– Да. По сто шестьдесят первой сижу.

– Нормально. У меня первая ходка тоже по сто шестьдесят первой была. Телефон "отжал" у прохожего. А сейчас у меня сто пятая через тридцатую. Ты-то в общей хате сидишь, где народу полно, чифира, конфет много. Можно баланду не есть. А я вот на строгом корпусе сижу, у нас по восемь человек в хате. Мы, кстати, списывались с вашей девять-восемь по дороге.

– Ага! – согласился Боря. – У нас есть связь со строгим корпусом. Причём не только дорожная, но и по "тэшке".

Боря и сам удивился как быстро он научился разговаривать на тюремном языке. Ещё три дня назад он сказал бы "по телефону", ещё и добавил бы "мобильному". А теперь "тэха" или "тэшка".

– А тебя куда водили? – Спросил Боря у зека.

– К следаку, двести семнадцатую подписывать. – Отчеканил тот.

– Что подписывать? – Боря не понял, что означают снова какие-то незнакомые цифры.

– Ну, ты уголовно-процессуальный кодекс читал? – Боря мотнул головой. О таком кодексе о вообще впервые слышит. – Есть там такая статья номер двести семнадцать. Когда дело закрывают, и передают материалы в суд. Обычно после этого общение со следаком заканчивается, и начинаются суды. Там так часто возить начинают, что к автозеку привыкать начинаешь.

– Автозек, это что?

– А! Так ты ещё никуда не ездил? Ну КамАЗ такой здоровый. Одновременно сорок зеков может перевозить. Две хаты общих там, и два отдельных боксика для обиженных.

– А почему обиженных отдельно возят?

– Потому что нельзя пидоров к людям сажать. Не гигиенично это.

Под эти слова, открылись "тормоза", и старшой произнёс из продола:

– Карташов?

– Здесь. – ответил зек, который был в одном "боксике" с Борей.

– Какая хата?

– Один-пять семь.

– Выходи.

Тут Боря решил вмешаться в разговор.

– Старшой, а можно в туалет? А-то что-то на клапан сильно давит.

– Повремени пока. – Ответил уфсиновец. – Ты ведь в общей хате сидишь, а твой коллега сидит на строгом корпусе. Сейчас его отведём и тобой займёмся.

И "тормоза" закрылись. Трудно описать какие нестерпимые ощущения пришлось испытать Боре. Примерно два часа ни одного сотрудника не ходило даже около Бориного "боксика". А клапан меж тем, давил так сильно, что казалось, вот-вот и Боря сходит "под себя". Ни о чём думать в этот момент не было возможности. Боря вслушивался в тишину на продоле, стучал в "тормоза", и ничего никакого ответа. Отлить в боксике означало проявить неуважение к другим зекам, которые будут здесь после тебя. Об этом Боре перед выходом объясняли в хате Бур, Дэн и Черепаха. Наконец, он не выдержал и громко-громко закричал "Старшо-о-о-ой!", добавил к крику несколько мощнейших ударов по двери. Когда, наконец, на продоле появился сотрудник учреждения, у Бори уже не было сил ничего делать. Уфсиновец открыл глазок ("штифт"), и спросил:

– Чего стучишь?

– Старшой, пожалуйста, отведи в туалет, я уже не могу.

Открылись "тормоза", и Борю отвели в ближайший санузел, в котором он смог, наконец, справить малую нужду. Потом старшой его стал с пристрастием расспрашивать:

– Ты как сюда попал?

На этот странный вопрос, Боря мог только и ответить злой шуткой:

– А как я ещё мог сюда попасть? Открыл, наверное, тормоза, вошёл и захлопнул их за собой!

Старшой, видимо, уже привык к подобному юмору, и поэтому ответил:

– А если серьёзно?

– К следаку меня вели, вот и закрыли в этот боксик. Можно в хату?

– А где ты сидишь?

– В девять-восемь.

– А как фамилия твоя?

– Пахомов.

– Зайди пока сюда, я сейчас пойду и разберусь. По ходу забыли про тебя.

Боря сделал большие недоумённые глаза, и раскрыл рот, чтобы задать вопрос. Но его перебил старшой:

– Да не переживай так сильно. Чтобы тебя в хату отвезти нужно карточку твою достать. А она на вахте скорей всего.

На этот раз Боря остался в одиночестве действительно ненадолго. Старшой быстро вернулся и не один, а в сопровождении.

– Ну что, Пахомов. Выходи. Руки держи за спиной и иди по левому краю стены, а я тебя буду сопровождать сзади.

Уже знакомая Боре процедура ходьбы по тюремным коридорам, доставила ему куда большее удовольствие, чем пребывание в тесном "боксике" в ожидании неизвестности. Он уже десять дней находился под замком, и потихоньку приобретал типичные тюремные зековские привычки. Даже разговаривать стал по-другому.

Когда привели его в ставший "родным" блок, он увидел физиономию уже давно знакомого старшого, который забрал борину карточку. Положил её на место, и отвёл его к девяносто восьмой камере. Завидев Борю зеки стали громко кричать, "окать", после чего засыпали вопросами "Куда водили?", "Чего предъявили?", "Почему так долго?" и всё в этом духе.

Дав дежурные ответы, Боря присел за дубок, отведать ужина, который ему получили его семейники. После чего с ним заговорил смотрящий:

– Приятного апетита!

– Спасибо, Бур!

– Ты в первый раз куда-то выходил из хаты, поэтому я тебя предупрежу. У нас здесь действуют воровские законы. Да ты не отвлекайся, кушай. Так вот по воровским традициям, сон арестанта – дело святое. Если зек спит, никто из остальных зеков не в праве его будить. Мы должны дождаться пока откроются тормоза, чтобы администрация сама вошла в хату и тебя разбудила.

– Я знаю про священный арестантский сон. Мне сокамерник в ИВС рассказывал.

– Не говори, как мусора. Не сокамерник, а пассажир, хотя бы, ну или сосед на худой конец. Так вот, раз ты спал в такое послеобеденное время, у администрации возникнут насчёт тебя подозрения. А вдруг ты на дороге стоишь, и коней гоняешь? Тебя могут отвезти к куму.

– К кому? – Не понял нового словечка Боря.

– Ну, к оперу, который за наш продол отвечает. Так вот, если тебя к нему поведут, постарайся не выдать себя, что ты – дорожник. Во-первых: себя обезопасишь, на кичу меньше шансов угодить будет. А во-вторых: нашу хату без дорожника не оставишь. Мы, конечно, всё сами умеем делать и налаживать, и настраивать, и коней плести. Но лучше, когда есть дорожник, который это делает регулярно, то есть рука у него набита. Я не стремаюсь, могу и сам на дорогу встать, но всё-таки, иметь своего дорожника в хате лучше.

– Так что мне делать, когда поведут к куму?

– А ничего не делай. Скажи – да, в нашей хате дорога есть. Но кто на ней стоит не скажу, извини, Женя. Евгений Валентинович, кума зовут. Главное, сними с себя подозрения, чтобы он не думал, что ты – дорожник, понял? Тебе нельзя в карцер. Лучше я сам пойду на кичу отдыхать, чем дорожника в карцер отправлю.

Боря доел свой ужин и пошёл отдыхать на шконку. Надо было немного, хотя бы часок поспать перед ночными движухами.

Глава 8. Касатка на меру пресечения

Кабинет в оперативной части был отделан по последнему строительному слову. Здесь были на окнах пластиковые стеклопакеты. Стены окрашены свежей акриловой краской. На стенах висели плакаты известных людей, которые в разные годы были бутырскими арестантами: и Феликс Эдмундович Дзержинский, и Емельян Пугачёв. Какие-то памятки были распечатаны. Шкаф стоял из красного дерева. Невдалеке от шкафа, в стене на кронштейне крепилась плазма семидесятидюймовой диагонали. От неё шёл толстенный белый антенный кабель. За столом у опера Матвиенко Евгения Валентиновича стоял компьютер с ЖК-монитором, из системного блока которого шёл куда-то за пределы кабинета интернет-кабель. Борю усадили на комфортный железный стул с кожаной обивкой, и он стал дожидаться опера ("кума"), который отвечал за продол, находящийся между хатами девять-семь, девять-восемь и девять-девять.

Вот и он собственной персоной. Приятного вида мужичок, лет примерно под сорок. Гладко выбрит, невысокого роста, но спортивного телосложения. Одет в такой же комбинезон, как и все уфсиновцы. На погонах одна громадная звезда. Увидев Борю, он первым делом решил поздороваться:

– Привет! Ты новенький из девять-восемь, да? Будем знакомы, майор Матвиенко Евгений Валентинович. Оперативник вашего продола. Я отвечаю за три общие хаты. Тебя уже научили правильно представляться сотрудникам тюрьмы?

– Да. Научили. Обвиняемый Пахомов Борислав Григорьевич, статья сто шестьдесят первая часть первая.

– Правильно. Я слышал тебе недавно предъявили обвинения. Странно, что они не делают это сразу, как возбуждают уголовное дело. Никто не запрещает им совместить эти два занятия. Подробности твоего преступления меня не интересуют. Мне наплевать на то, грабил ты "Макдоналдс" или не грабил. Меня интересует твоё поведение здесь. В следственном изоляторе. И по слухам ты спал в "тринадцать-нуль-нуль", когда тебя выводили из хаты, на разговор со следователем. Было дело?

– Было.

– Разбудить тебя не могли, пришлось в хату заходить, было?

– Было.

– Вот. Следовательно, спал ты крепко. Из чего я делаю вывод. Ты – активный участник, так называемых, ночных движух, так?

– Нет, я просто всю ночь книжку читал.

– Вот только врать не надо. Стивена Кинга читал, который у тебя с собой был?

– Нет, другую. Кинга я прочитал, когда ещё в карантине был.

– Я ведь знаю, что у вас Борисенко стоит на дороге.

– Кто!?

– Я не помню как вы его там зовёте. Но Дмитрий его по паспорту величать. Поскольку он хохол, то скорей всего Буровой дал ему прозвище Митяй. Так ведь?

– А откуда это вам известно?

– Ну так. На то я и оперативник, чтобы всё знать. Буровой Алексей Иванович, сорок пять полных лет. Ваш смотрящий, зовёте вы его Бур, так?

Осведомлённость кума не могла не поразить Борю. Откуда столько информации? Неужели кто-то регулярно ему её сливает?

– Ты не переживай. В вашей хате стукачей примерно половина. – Кум как будто услышал Борины мысли, – Если ты сам не признаешься, что ты – на дороге стоишь, тебя заложат они. А там, если попадёшься во время обрыва – угодишь в карцер на трое суток. Как тебя встретят уфсиновцы лагерные, если узнают, что ты на Централе в карцере сидел, а?

– Я не стою на дороге. Митяй один справляется.

– Ладно я не настаиваю. Но если тебя опять не смогут разбудить, когда поведут куда-нибудь, то запомни: ты у меня теперь под особым наблюдением, и рано или поздно я раскрою тебя. На вот возьми, выпей кофе и закуси печенкой – полегчает. Поди, в шоке от информации, которую я тебе дал? Я ещё нормальный кум. Я не бью своих зеков, пытаюсь мирно договориться. Да, дороги запрещены уголовно-исполнительным кодексом, но я не сильно настаиваю на соблюдении этого правила. Знай, что во время обрыва ваших коней, мы малявы читаем. И это ещё один способ, кое-что выведать. Иногда информация в малявах попадает к следаку, так что осторожнее отправляй их, понял?

– Да, спасибо, Евгений Валентинович.

– Женя. Зови меня просто Женя. Я люблю с арестантами поддерживать дружелюбные отношения.

Борю привели в хату. На этот раз без задержек в боксиках. Да и вопрос с малой нуждой Боря теперь стал решать заранее. Как только вывели из кабинета кума, так сразу попросил "Старшой, можно в туалет?" Да, чему только не научишься в тюряге. И вечные эти допросы. Только что допрашивал кум. Теперь привели в хату и начинает допрашивать Бур:

– Что тебе кум сказал?

– Он сказал, что знает, кто на дороге стоит. Но насчёт меня он только догадывается.

– Я же тебе говорил, что подозрение на тебя упадёт. Больше он тебе ничего не говорил?

– Сказал твоё полное фамилия-имя-отчество.

– Это ты и раньше мог узнать. По ходу он знает, что я смотрящий. Ещё что-нибудь говорил?

– Сказал, что в нашей хате половина – стукачи.

– Да, по любому кто-то один из наших пассажиров ссученный. Но насчёт половины это он загнул. Один скорей всего. Да и кто, мы пока не вычислили. Смотри, дело обстоит так. Митяй скоро едет по этапу. Он готовится уже. В нашей хате скоро будет новый дорожник. Поскольку он Митяя быстро вычислил, то хочет скорей всего так же быстро вычислить нового. И чем позже он узнает о новом дорожнике, тем лучше. Возьмите Снайпера к себе на дорогу. Во-первых: когда Митяй уедет на этап, ты один не справишься, а во-вторых: бодрее будешь в следующий раз, когда тебя куда-то поведут. А у тебя скоро касатка. То есть тебя поведут на телевизор.

– Какой ещё телевизор? – Удивился Боря.

– Ну, в Мосгорсуд на касатку не вывозят зеков. Там осуществляется связь по скайпу, и ты через камеру отвечаешь судье. Поэтому выводить тебя ещё будут.

Вот так закончились все допросы и можно было приготовиться к ночной движухе. Событий за день было много, так что сонливость сняло как рукой. Напившись чифира, который для дорожников был необходим, Боря подошёл к своему месту на решке, и стал готовить ружье. Сегодня ветра на улице нет, поэтому связываться с другой хатой придётся с помощью пули. Пуля делалась из хлеба, в неё вставлялась спичка, а из её конца велась длиннющая нить. Такие пули должны стрелять из двух соседних окон одновременно, и тот, кто спичкой зацепил чужую нить, должен был затянуть её в свою хату. Ружьё делалось из свёрнутой газеты, по краям обитая колечками из-под крышек от минеральной воды. За дубком художник Саша играл в шахматы с кольщиком Арой. Шахматы тоже были сделаны из хлеба, хорошо просушены. Белые фигуры были окрашены зубной пастой, а чёрные – фломастером, которые у Саши находились в избытке. Митяй настраивал свой конец дороги не один, сегодня он обучал этому искусству Снайпера. Про то, что сегодня выводили Брюса-дорожника к куму вскоре узнали все хаты. И теперь сложная задача стояла перед ним. Доказать, что он верен принципам А.У.Е., и так же как и прежде будет стоять на дороге, и не будет ломиться из хаты. Хотя его и не сильно подозревали. Точнее подозревали, но не в том, что он ссученный, а в том, что он слаб духом,

отказывать ментам. Поэтому теперь Боре предстояло хотя бы раз "газануть" от какого-либо распоряжения уфсиновцев. Он уже знал, что слово "газовать" на тюремном сленге означает "отказываться выполнять волю администрации". И видел уже как "газуют" блатные авторитеты.

Прошла неделя. О разговоре Бори с "кумом" всё забыли. Распорядок дня для Бори оставался прежним. Снайпер каждую ночь то с Митяем, то с Борей стоял на решке и учился искусству дорожника. После очередной ночной движухи, Боря проснулся от голоса из "глазка":

– Пахомов!

Он уже приучил свой организм к чуткому сну. Чтобы просыпаться от малейшего звука. Сказалось изначальное имя данное родителями. Всё-таки, первые четырнадцать лет своей жизни он был Бодрослав. А теперь он Борислав, и теперь он откликается на голос:

– Да, старшой.

– Слегка.

– Понял.

Боря поднялся. Почувствовал сильную сонливость, и попросил кофе у соседней семейки. Ему отсыпали чутка, он приготовил себе и, взбодрившись, переодел брюки, накинул куртку, переобулся, и стал ожидать, когда откроются "тормоза", и его поведут старшие.

Тормоза открылись, и уфсиновцы повели его на продол вместе с другими зеками. Один из них Борю знал. Это был Мишель из "девять-семь", дорожник.

– Вот так встреча. Каждую ночь перестукиваемся, а тут на продоле пересеклись.

– Здарово, Мишель. Я чё-то не выспался после вчерашнего.

– Так ты, наверное, чифир пьёшь перед движухой?

– Ну а как ещё?

– Не надо. Надо поспать перед движухой, проснуться, начать настраиваться, а уже с утра – чифир. Так бодрее себя будешь чувствовать. И засыпать надо не сразу с утра после дорог-шмарог, а часика в три-четыре. Когда уже точно никуда не поведут, и все проверки кончатся. Я ещё на прогулки не хожу. Какой смысл, если в прогулочном дворике на крыше воздух хуже, чем у нас на решке?

Боря выслушал советы дорожника из соседней хаты, которые отличались от советов Митяя, и решил, что сегодня точно попробует перенастроить свой организм, по советам Мишеля. Впрочем, разговор на продоле уже перетёк в другое русло.

– Тебя куда ведут-то? – Спросил Боря.

– К адвокату, Брюс. У меня делюга что-то затянулась. Не могут никак доказать, что я развёл людей на бабки.

– А я даже не знаю, что-то не сказали куда ведут.

На одном из продолов половина зеков, в том числе и Мишель была размещена в боксик, а Боря и с ним ещё двое пошли дальше. Их завели в просторный кабинет, в котором находился стол с телевизором, к которому был подключен системный блок. Какой-то хозотрядовец пытался настроить скайп на связь с Мосгорсудом. Напротив телевизора стоял так называемый "стакан", со скамьёй внутри, и окошечком, на которое была направлена веб-камера от телевизора. Пространство в "стакане" позволяло как раз подняться с места, подойти к окошечку и показаться в камеру, чтобы тебя увидели на противоположном конце связи.

Первым на связь выходил Касатонов Михаил, по тюремному прозвищу "Кастет" из хаты девять-девять. Пока вели по продолу Боря уже с ним успел переговорить о своих тюремных делах. "Кастет" был "цирюльником" в хате, и Митяй очень часто оттуда затягивал подстригальную машинку, которая считалась общей на всём продоле. Кастета обвиняли в краже мобильного телефона. Его уже осудили, дали срок: один год лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. Его адвокат написал касатку, чтобы снизили срок.

– Прикинь, – рассказывал Кастет Боре. – Ехал в метро. Смотрю телефон лежит. Ну я и подобрал. Только прикоснулся, как двое в штатском подходят, корочки свои показывают, и забирают в отделение. В итоге, сто пятьдесят восьмая, часть первая.

– Народная статья. – Прокомментировал Боря.

Несмотря на все доводы адвоката, и возражения осужденного Кастета, ему оставили срок без изменений. Примерно такая же картина была и у другого зека, который подавал апелляцию на продление срока содержания под стражей. Того обвиняли в избиении сотрудника полиции. "Смотри, – говорил он. – Две сломанные руки, как ими можно избить мента!?". Однако и его суд решил оставить под замком в Бутырке. Настала Борина очередь. В телевизоре он увидел своего адвоката, троих судей в мантиях.

– Прошу всех встать! – Раздалось из динамиков телевизора.

– Рассматривается кассационная жалоба Пахомова Борислава Григорьевича на решение Тверского районного суда об избрании подозреваемому меры пресечения в виде содержания под стражей сроком на два месяца. В кассационном заявлении Борислав Григорьевич указал, что может уплатить залог в сумме пятьсот тысяч рублей. Борислав Григорьевич, добавить что-то можете?

– Да, Ваша Честь. – Неуверенно начал Боря. – Мне на днях предъявили обвинение, и я теперь обвиняемый, а не подозреваемый. И я частично признал вину, хотя на момент подачи кассационной жалобы отрицал её в полном объёме.

– Хорошо, кто будет вносителем вашего залога?

– Моя мать. Пахомова Валентина Сергеевна.

– Ваша Честь, разрешите добавить? – Попросил слова Виктор Фёдорович.

– Пожалуйста.

– Нам удалось увеличить сумму залога на пятьдесят тысяч рублей, поэтому сумма залога не пятьсот, а пятьсот пятьдесят тысяч.

– Хорошо. Суд принимает ваши добавки. Гособвинение, вам есть, что добавить к этому?

Встала прокурорша. "Интересно, – подумал Боря. – А почему следак на касатку не явился?". На погонах её красовалась такая же звезда, как у кума, из чего Боря решил, что она тоже майор. Однако, звания в прокуратуре звучат по иному, чего Боря, разумеется, не знал. Поэтому прокурорша была не майором, а младшим советником юстиции.

– Несмотря на изменившиеся обстоятельства, гособвинение считает, что преждевременно выпускать из под стражи обвиняемого Пахомова. Гособвинение учитывает степень общественной опасности совершённого, а также то обстоятельство, что обвиняемый не признаёт вины в полном объёме. Несмотря на то, что он признал вину частично, следует оставить ему меру пресечения. Он может угрожать свидетелям, из-за чего они могут изменить свои показания в пользу обвиняемого. Может продолжить заниматься преступной деятельностью или скрыться от следствия.

– Понятно. Суд удаляется для принятия решения.

У Бори расширились глаза от того, что сказала прокурорша. Каким образом он может угрожать свидетелям (двум кассирам и менеджеру), если он не знает, где они живут, номеров телефона и прочих необходимых дел!? И что за преступная деятельность, если он не состоит в банде и всего лишь раз в жизни преступил закон!?

– Как видишь, Боря. – Обратился к нему Кастет, – Касатка, почти всегда оставляет без изменений решение первой инстанции. Только если какое-то серьёзное нарушение. Я уже много раз вот так ездил и уже давно понял, бесполезно подавать апелляции. Только разве, чтобы время потянуть.

– А для чего время тянуть?

– Ну как? Чтобы в лагерь не скоро поехать, чтобы приехать и сразу на волю. Это ж целый год ждать президентского дня…

В это время, в телевизоре вернулись судьи, чтобы зачитать Боре, что решение первой инстанции Мосгорсуд отменить не собирается, и что Боре придётся ждать конца декабря, когда подойдёт к концу его содержание под стражей.

– Что будет, когда два месяца пройдёт? – Спросил Боря у товарищей зеков, которые дольше него уже сидят, и больше знают.

– Ничего не будет, – ответил дед, которого обвиняли в избиении сотрудника полиции. – Продлят ещё на два месяца и всё.

– Когда следак все процедуры закончит, тогда передадут в суд, и по новой. – Добавил от себя Кастет, – Там сначала продляют на полгода, а потом вывозят раз в две недели на заседания. За одно заседание редко кому срок дают. Обычно затягивается на месяц-два.

Их размышления прервал зашедший в кабинет уфисновец:

– Пахомов.

– Да, старшой.

– Какая хата?

– Девять-восемь.

– Касатонов.

– Да, старшой.

– Какая хата?

– Девять-девять.

– Выходим из стакана, идём по правой стене, руки держим за спиной.

Знакомые команды и Боря с Кастетом, попрощавшись с дедом, выдвинулись в свои общие хаты. По дороге к ним присоединились ещё человек пять, после чего Боря увидел ставший ему уже родным продол, и встал около двери в свою хату.

– Давай, Брюс, спишемся ночью.

– Да, давай, Кастет!

Интересно, что слово "давай" изначально означало в русском языке отдачу какого-либо имущества либо даром, либо за деньги. Однако, в конце двадцатого, в начале двадцать первого века, как-то незаметно у этого слова появилось новое значение. Теперь этим словом стали прощаться. Откуда это пошло? Из тюрьмы вырвалось на волю, или с воли зашло в тюрьму? Однако, именно этим словом попрощались друг с другом Кастет и Боря, перед тем как войти в свои хаты.

Спустя два дня после касатки, Боря отсыпался после очередной ночной движухи. Она была не очень удачная. Дело в том, что на улице сегодня дежурили сотрудники УФСИН, которые обрывают "кони". Поэтому всю ночь приходилось их плести заново, и по несколько раз настраиваться с одними и теми же хатами. Поэтому сейчас после такой напряжённой ночи, просыпаться не очень-то и хотелось. Но на крик из штифта "Пахомов!", он подняться всё же смог. Как выяснилось ему пришла передача. Причём не одна, а целых две. Мать прислала ему сумку, зимнюю куртку, двадцать пар носков и свитер. А также на Борю пришла квитанция, что ему открыли счёт, и теперь там уже лежало десять тысяч рублей. Как распоряжаться деньгами, Боря уже знал. Видел, как это делают другие. Две тысячи в месяц нужно выделять на общее, две тысячи на семейку, а всё остальное на себя. Но семейка Борина ни в чём не нуждалась, так как художнику Саше ежемесячно приходило с воли по девять-пятнадцать тысяч рублей, Дрон сидел уже больше года, и был упакован по самое не хочу, а Колсан был человеком скромным. Ему приходило две тысячи рублей в месяц, половину из которых он уделял на общее, а себе покупал только стиральный порошок, мыло и зубную пасту. Поэтому Боря решил, что на семейку ему можно и не выделять деньги, тем более никто из его семейников и не настаивал.

– Не считай цыплят, пока не вылупились, – посоветовал Боре Саша-художник. – Когда женщина-ларёк придёт принимать заказы, тогда сделаешь заказ, а пока я бы тебе советовал распустить свитер на дорогу, а всё что у тебя есть убрать в баул, раз уж тебе сумка пришла.

Носки себе поменяй, оставь три пары, остальное кинь на общее. Хотя нет, одну пару носков себе на дорогу оставь, мульки передавать.

– Правильно тебе живописец советует. – Вмешался Бур в разговор. – Не всем дачки такие, как тебе заходят. Ты уже видел людей, у которых вообще никого нет, их тоже греть нужно. Так что, придёт тётя-магазин, тогда и закажем, а пока не думай, на что тратить, убери себе в баул квитанцию, да поспи перед дорогой.

Естественно Бур знал о происшедшем прошлой ночью, о том, как мешали настраиваться дорожникам уфсиновцы. На продоле об этом сегодня целый день галдели. Ждали, что скоро так называемый шмон будет. Вот так каждый день в Бутырке насыщен событиями, которые на воле умещаются разве что в пять дней, а то и в целую неделю. Правильно поётся в той же песне, которую Боря слышал в комитетовской газели "здесь день идёт за пять, седеет голова".

Когда события одной отдельно взятой ночи уже забылись, и Боря полез на решку настраиваться с девять-семь, неожиданно Барсук объявил "Красную поляну". Открылся глазок, и оттуда раздался голос продольного старшого:

– Пахомов.

– Да, старшой, – испуганно ответил Боря. Он уже было подумал, что его спалили за ночным занятием. Чего так сильно опасался Бур. Однако, голос старшого смягчился, и он дружелюбно произнёс:

– С утра будь готов. Поведут на свиданку в десять часов.

– Хорошо, старшой.

Опасения оказались напрасными. Его всего лишь предупредили, что с утра поведут на свиданку, то есть надо после дороги быть готовым "слегка" к выводу из хаты. "Там разговоры прослушиваются и записываются – предупредил Борю смотрящий. – Лишнего не говори. Во-первых: следаку могут передать запись разговора на свиданке, а во-вторых: если скажешь, где чего лежит у нас в хате, может сюда администрация зайти, отметут. Конечно, это всё не сразу узнается, но если узнается, что по твоей вине здесь что-то пропало, запреты какие-нибудь, будешь должен восстановить. Не восстановишь, поедешь в шерстяную хату, объявим тебя ломовым, до зоны можешь не доехать, в поезде грохнут". Наказ очень серьёзный. Да, вообще Боря уже начал привыкать следить за языком. Сказать что-либо не то в тюрьме так легко, а потом докажи, что ты имел в виду другое?

Например, однажды он сказал "А можно спросить у тебя Бур?". И вся хата напряглась. Он всего лишь хотел, чтобы тот ему совет дал полезный, но не знал, как это делается. Бур же в свою очередь уже не первый раз бывал в тюрьме, и раз его наградили таким важным занятием, как смотреть за положением в хате, значит нужно быть терпеливым. И в ответ на это он сделал ему короткое замечание: "Спросить нельзя. Поинтересоваться можно". Боря растерялся такому ответу, но его выручил Черепаха, который по ходу всё знал, и имел права совать свой нос в любой разговор: "Слово "спросить" означает, что ты хочешь что-то предъявить. У тебя есть претензии к Буру? Нет. Значит и спросить у него ты ничего не можешь. А если ты хочешь Буру задать вопрос, чтобы он поделился с тобой советом, тогда употребляй слово поинтересоваться." Вот так, потихоньку, Боря учился тюремному жаргону ("фене"), и учился разговаривать как с администрацией, так и с волей.

Поэтому гоняя коней этой ночью, он не столько думал о дороге, и малявах, которые там передавались, сколько то, о чём надо будет говорить с матерью. "Скажи маман, чтобы тебе магазин не заказывала, а деньгами присылала лучше, она же не знает, что нам здесь надо, вдруг пришлёт то, что у нас и так есть" – посоветовал Митяй. Так же дельный совет дал Саша-художник: "Магазин пускай перед новым годом закажет, а то он не работает во время праздников."

После дороги, когда уже все зеки разлеглись по шконкам, Боря обратился к Серёге:

– Серый, научи чифир готовить.

– Смотри как я готовлю, а потом сам пробуй. У тебя же филки появились, можешь себе в ларьке чаю заказать, специально для этого дела.

– Ну, засыпать чай, налить кипятку я и сам смогу, а почему у тебя чифир, а у меня купец получается?

– Потому, что чифир должен настояться. И заливать кипяток надо не абы как, а круговыми движениями, медленно, понимаешь? У тебя чифирок примерно раза с десятого получится.

– Ты ведь тоже первоход, да?

– Да. На воле я поваром в ресторане работал, а рецепт чифира мне в колледже рассказали, когда учился. Так что, как видишь, любое твое занятие по воле, или увлечение, может пригодиться здесь для общего дела.

– Руки, наверное, как гениколог, каждый час моешь?

– А то и чаще. Ты же видел, что прежде чем заняться приготовлением, я руки мою. Это профессиональная привычка. Ты на свиданку собрался?

– Да.

– Чифирни перед свиданкой, а то мать увидит синяки под глазами, подумает, что мы тут бьём тебя. А тебя хоть кто-нибудь раз тронул?

– Ни разу. Серёга, а ты когда осудишься, в баландёры пойдёшь? Я слышал, что администрация учитывает это при распределении.

– Ну, можешь и в кодексе почитать, там написано, что администрация колонии обязана предоставлять осужденным работу, связанную с профессиональной деятельностью оного. Или согласно его образованию. Но, несмотря на то, что я повар, как по профессии, так и по образованию, я в баландёры не хочу. Козлячая работа.

– А вот Бур говорит, что баландёры не козлы, а быки.

– Бур-то говорит, а вот Черепаха уверен, что баландёры – козлы. Арестантский Уклад Един, но свои нюансы, как видишь, он всё же имеет. В любом случае, быки тоже с рогами. Так что ценятся они всё равно ниже, чем мужики. И от таких определений как "красный" или "активист" всё равно не отмажешься. Козлом не будешь, может быть, а красным быть не перестанешь. Так что, я в баланду всё равно не хочу.

– А правда, что если мама придёт в красном, я должен ей сказать: "Ты мне больше не мать!"?

– Неправда. Такой закон только на малолетке действует. Ты ведь в баню ходил? Мыло поднимал с полу! Никто тебя обиженным не объявил после этого? Как видишь, их детские законы здесь во взрослой тюрьме не работают. Каждый раз, когда малолетка, попадает на взрослую зону, ему предъявляют за эти перегибы. Я лично видел, как одного из таких Бур прессовал вот в этой хате. У пацана была вторая ходка, но первую он провёл на малолетке, в четырнадцать лет его закрыли.

Во время этого животрепещущего рассказа, Борю вызвали на продол, и он отправился на свиданку по пути общаясь, и знакомясь с зеками из других хат. Уфсиновец, который их вёл, потребовал соблюдать тишину, однако особо отслеживать ("крепить") это не стал. Их завели в очень холодную камеру, где было разбито окно. В таком холоде обдумывать разговор на свиданке вряд ли представлялся возможным, но Боря всё же пытался настроить мысли в этом направлении. Большинство зеков молчали.

С Борей начал общаться какой-то зек, с которым он был прежде не знаком.

– Братишка, есть закурить?

На такие случаи в хате всегда выдавались сигареты. Понятно, что Боря не курит, но на продоле всегда могут пригодиться, вдруг у кого нужда есть, или голяк в хате.

– Держи, брат, – ответил в том же ключе Боря, – Я сам не курю, можешь всю пачуху забрать.

– С какой ты хаты?

– Девять-восемь.

– Ты что ли с Буром сидишь?

– Да, он у нас смотрящий за хатой. Я – дорожник. Брюс.

– Ааа! Слыхал про тебя. Ты кажется "Кей-Эф-Си" ограбил?

– Нет. "Макдоналдс".

– Какая разница? Я Саркис, из один-два-четыре, аппендицит.

– У нас, кажется, есть дорога с аппендицитом?

– Да, только через девять-девять мы с вами связываемся.

– У тебя, что за беда, Саркис?

– Два-два-восемь, часть вторая без прима. С пакетом героина меня поймали.

– И что ты думаешь?

– Ну а что тут думать? В сознанку думаю идти. Возьму особый порядок, получу ниже низшего, и на зону.

– А на Централе не думал оставаться?

– А я уже оставался один раз. Первая ходка у меня по народной сто пятьдесят восьмой статье была. Отвечаю, я боялся зоны – словом "Отвечаю" зеки обычно заменяют "клянусь". Боря этого не знал, но догадался с первого раза, ведь это сделать было нетрудно. – Подписал хозбанду, и остался здесь. Определили меня баландёром. Вот я замучился за бесплатно работать! Чтоб меня на зону отправили, специально накосячил, сел в карцер, и уехал по этапу. А там блаткомитет поспрашивал "Что, да как?", выяснили, что парень я нормальный, от баланды отмазали, провалялся до конца срока и вышел. Два года провёл на свободе. Когда взяли, оказалась судимость не погашена. Так что теперь ничего не остаётся, как всё признать.

– А что такое "особый порядок". – Хотя один конвоир уже Боре и объяснял это, тем не менее хотелось бы услышать арестантскую версию.

– Это такой судебный процесс, при котором ты всё признаёшь. В суд вызывают только тебя, твоего адвоката и больше никого. Ты отвечаешь судье, мол, да, совершал преступление, ну, дурак был, раскаиваюсь и всё в этом духе. Плюс суду, что они за одно заседание решают, сколько тебе дать. А плюс тебе, что выше двух третей от верхнего порога тебе точно не дадут. У меня два-два-восемь, часть вторая, от трёх до десяти. Вот и вычисли теперь мой максимум, если десять лет на две трети умножить.

– Сложно очень. – Сказал Боря, хотя арестантская версия не сильно отличалась от ментовской.

– Ничего сложного. Шесть лет и восемь месяцев. Видишь, насколько ниже сразу становится максимальное наказание. Плюс, я ещё заключил сделку со следствием, а это вообще помогает ещё снизить. Может даже рецидив не зачтётся.

В фильмах Боря неоднократно слышал фразу "Чистосердечное признание смягчает ответственность". Или какие-то схожие с ним фразы. Однако, как теперь из разговора с собеседником из сто двадцать четвёртой хаты выясняется, в реальной жизни эта фраза звучит иначе. Примерно так: "Вступить в сделку со следствием и взять особый порядок". Ничего более умного в такой ситуации, чем задать следующий вопрос, Боря не нашёл:

– Это что-то типа "чистосердечного признания" что ли?

Но собеседник Бори оказался человеком грамотным и ответил чётко:

– Такого юридического акта, как "Чистосердечное признание" не существует. Поменьше смотри фильмов, побольше – живи реальной жизнью. Есть, конечно, такой акт "Явка с повинной". Но он так и называется, а не чистосердечное… Явка с повинной – это когда ты совершил преступление, тебя ищут, но ты приходишь сам в ментовку и говоришь: "Не ищите никого. Я совершил преступление" и сдаёшься.

Когда "юридическая консультация" Бори закончилась, "тормоза" открылись и в камеру вошёл младший инспектор тюрьмы с лычкой старшего сержанта на погоне. Он назвал фамилии и велел выстраиваться именно в том порядке, который называл. Услышав свою фамилию, Боря встал туда, куда было велено уфсиновцем. Сотрудник тюрьмы вывел их на продол, провёл в комнату, где стояло множество кабинок, каждому зеку он указывал на свою кабинку. Боря прошёл в кабинку, которую указал сотрудник, и увидел за стеклом рыдающую мать. Чтобы услышать, что она говорит, нужно было взять трубку и начать разговор. Первое, что услышал в трубе Боря было:

– Тебя здесь бьют, да?

– Нет, мам. Здесь всё в порядке. Я сижу в нормальной людской хате, где по беспределу никого не бьют.

– А откуда ты знаешь, есть за что тебя бить или нет? Ты ведь никогда с урками не общался. Да и что это за жаргон такой – "хата". Говори нормально: "Камера".

– А здесь все так говорят. Когда говорят "камера" имеют ввиду видео-камеру, которые здесь установлены для слежки.

– И, тем не менее, зря ты заразился этим блатным жаргоном. Мы тебе тут одёжку прислали…

– Ну да, носки, я на общее уделил. Мне трёх пар достаточно. А вот есть такие зеки тут, которым вообще ничего не приходит. У них никого нет, ни родных, ни друзей. Так что лучше им отдать.

– Ну, это правильно. Делиться нужно. Сколько вас человек в камере?

– Камера рассчитана на двадцать три человека. Но нас бывает как минимум семнадцать, а максимум было двадцать один человек неделю назад. Полностью мы не заполняемся.

– А куда деваются люди?

– Ну, кто на этап уходит, отсудился уже. Кого в другую тюрьму переводят, когда дело в суд передают. Кто в "Кошкин дом" на психолого-психиатрическую экспертизу.

– Что такое "Кошкин дом"?

– Это психиатрический корпус. Там два отделения: одно для эспертизы подследственных, второе для отбывания наказания в виде принудлечения.

– Как ты быстро тюрьму изучил. – Констатировала мать уже спокойным неплачущим голосом. Разговор длился около получаса. Темы были разные: как топят в камере. Если нет отопления, то как же греетесь? Про способ согревания Боря сказал, что не может рассказывать, поскольку разговоры на свиданках прослушиваются. Вдруг заберут машинку. Когда уже Боря начал рассказывать какие-то смешные ситуации, и мама его, позабыв про слёзы начала смеяться, голос старшого объявил: "Три минуты осталось, прощаемся!", и начал расхаживать от первой кабинки до последней. Когда прощание затянулось, вспомнились слова, недосказанные в отведённое время, как вдруг связь отключили, Боря поднялся, помахал маме рукой, и заложил обе руки за спину, в ожидании когда его поведут.

Их отвели в ту же камеру, где они дожидались вывода в свиданочные кабинки. И Боря первым делом подошёл к Саркису с вопросом:

– Маман, про телефон спрашивала. "Ты ведь звонил?" – говорит. Тут же разговоры прослушиваются. Как думаешь, не отметут "тэшку" из-за этого?

– Ну, чтобы эта прослушка дала результаты, нужно переслушать абсолютно все разговоры во всех кабинках. А прикинь, сколько нужно времени? Если разговор где-то полчаса, а свиданок в день примерно сто-двести. Пять-десять часов прослушки, как думаешь, кто этим будет заниматься? Просто курсани смотрящего, что ты сам не говорил про трубу, маман спросила.

– Я ответил, что у нас нет трубы в хате, и что я не звонил. И глазами стал мигать, чтобы не стала спорить. Может быть прокатит.

– Всё равно Бура предупреди. Чтоб на тебя не подумали. И маман отзвонись, чтобы в следующую свиданку темы для разговоров выбирала. Я своей сразу сказал, чтоб ни о каких "запретах" на свиданке не поднимала темы.

После такой консультации, опять открылись "тормоза" и старшой назвал фамилии зеков, которые сидели на общем корпусе. Попрощавшись с Саркисом, Боря направился в свою девяносто восьмую камеру.

Глава 9. Опознание

Каждую пятницу на продоле предбанная суета. Боря сидел уже больше месяца и привык по пятницам собирать рыльно-мыльные принадлежности, а также сменную одежду. Постельное бельё Боря брал с собой только, чтоб постирать, а сушить и менять его предпочитал в хате. К тому же у него была вольная простыня, комфортная в отличие от хозовской, которая годилась разве что на то, чтобы коней плести.

Для дорожника баня – это разгрузка. По ночам перед баней передаются только малявы, да и то редко. Никаких серьёзных грузов типа сиграет, карт, бульбуляторов (так называлось самодельное устройство для согрева хаты), кипятильников, спичек. А зачем, если в соседнюю хату можно передать груз и так – в бане. Как раз девяносто седьмая заявила о том, что у них полностью в хате сигареты кончились, неделю ни к кому не приходят передачки, и каждую ночь пришлось по пачухе высылать. Почти всю неделю одну-две пачки Боря отправлял в "девять-семь". А что делать? Воровские, арестантские законы. Надо поддерживать ("греть") порядочную хату. А в четверг Бур объявил в девять-семь по продолу: "Ребят, можете до бани потерпеть? Пару блоков сигарет вам подкинем".

Боря потихоньку научился разбираться в сигаретах. На ежедневный "грев" других хат уделялись дешёвые сигареты: "Прима", "Винстон", "Ява", "Балканская звезда" и тому подобное. А вот дорогие "Кент", "Мальборо" – это была валюта. На такие сигареты можно было что-либо купить. И однажды, когда во время проверки забрали трос ("конь"), собрали весь "Мальборо", что был в хате, и купили у банщика пару простыней.

Баней называлась на самом деле душевая комната, в которую можно было одновременно разместить до ста зеков. Две раздевалки, рассчитанные на тридцать человек. Когда девяносто восьмая хата заходила в свою раздевалку, чтобы приготовиться к бане, "девять-девять" уже вовсю принимали душ. Под радостные крики знакомые зеки из соседних хат здоровались, начались передачки. Кто книги кому-то передавал, кто машинку подстригальную, кто сигареты, кто ещё что-нибудь. Боря подошёл к смотрящему за девяносто девятой хатой Каро, и сказал ему:

– Шумел я на работу, узнавал. Нет. Не даём мы кредиты в таких ситуациях. – До этого армянин интересовался у Бори, о возможности взять кредит в "Сбербанке". Упомянул такие тонкости, в которых мог разбираться только Боря, как сотрудник оного банка.

– Точно!? – Осведомился Карапет (именно так пишется полное имя смотрящего за "девять-девять").

– Абсолютно.

– Ну ладно тогда. Попробуем другой банк. Душа за то, что курсанул.

Словом "Душа", или выражением "От души", а иногда оно ещё приобретало форму "Душевно", было принято благодарить в тюрьме. Боря предпочитал использовать "Спасибо", и никто ему за это не предъявлял претензий. Бур сказал так однажды: "Сам не заметишь, как начнёшь говорить "душа" или "Душевно". Это естественный процесс для арестанта." А вот слово «шуметь» Боря употребил уже в тюремном значении. Он имел ввиду, что по телефону («тэшке») отзванивался на работу и уточнял подробности кредита, который интересовал Каро.

Когда девяносто девятая переоделась, забрала постиранные вещи и передачки, которые для них оставила девяносто восьмая, а также оставили то, что собирались передать в девяносто восьмую и в девяносто седьмую хату, в душевой остались только зеки из "девять-восемь". Начался привычный для Бори процесс помывки, намыливания и стирки вещей. Именно здесь в бане Боря научился стирать себе вещи. "Теперь-то точно я готов жить один без предков" – подумал он.

В самый разгар душа, зашла хата "девять-семь". Их радостно встретили тёплыми рукопожатиями. Боря поприветствовал Мишеля вопросом "как сам?". Убедившись, что всё в порядке,

но вот только уже неделю никому из них не заходят передачки, полный голяк с сигаретами, приправами для баланды и прочими: ни майонеза, ни сгущёнки, ни колбасы, Боря ответил, что "Бур для них приготовил хороший грев".

После обмена передачками, и после переодевания, отжима постиранных вещей, девяносто восьмая хата покидала "баню", оставив "девять-семь" в одиночестве ждать появления хаты "девять-шесть". Предстояли скучные выходные. Хорошо, что в хате, где сидел Боря смотрели футбол, можно хоть поболеть за компанию за какую-нибудь команду. Ярым фанатом Боря никогда не был, одинаково любил и "Спартак", и "ЦСКА", и "Зенит", ему нравился сам процесс игры в футбол. Когда-то в детстве он тоже любил гонять мяч во дворе, подражая любимым звёздам: Зидану, Дель Пьёрро, Баджо, Вьерри, Роналдо. Поэтому с тоской вспоминая детство и полученный за стадионом автограф Андрея Тихонова, Боря любил наблюдать любую игру отечественного, зарубежного Чемпионата, а то и Лиги Чемпионов УЕФА.

Часов в шесть вечера в пятницу пришла на Борю бумага с кассационным определением («законка»). Решение оставить его под стражей в первой инстанции осталось без изменений. Вот и всё, теперь оно вступило в законную силу. До самого Нового года, Боре предстояло находиться здесь: в девяносто восьмой хате в Бутырском Централе.

Выходные проходили вяло текущей струёй. "Спартак" проиграл "ЦСКА" с крупным счётом. "Манчестер Юнайтед" обыграл "Челси", Уэйн Руни забил решающий гол на последней минуте. Жаль, что по центральному телевиденью не показывали Чемпионат Италии, а то Боря бы узнал как "Ювентус" сыграл на выходных. В воскресенье он разговорился с "Черепахой" о своём уголовном деле ("своей делюге").

– Вот зря ты пошёл грабить "Мак" в Центре Москвы. – Критиковал его Черепаха. – Во-первых: ты пошёл один. Во-вторых: пошёл грабить на следующий день, не продумав план своих действий. В-третьих: выбрал "Макдак" в Центре. Надо было уделить примерно месяц на подготовку и скооперироваться со своим другом-нефором, который тебя надоумил грабить. Выбрали бы с ним несколько "Макдоналдсов" на окраинных районах. Пригляделись бы, какие из них плохо охраняются. И совершили бы не один, а несколько налётов. Он же тебе предлагал сто тыщ урвать? Так и урвали бы с ним по сотне на каждого. А так, что получается. Пошёл один, с другом делиться не захотел. Ещё и ментам сказал, что это он грабил. Хорошо, что он на тебя не похож, и что менты тебе не поверили, а то тебя бы ссученным в хате объявили. Здесь, в Бутырке, не любят тех, кто топит своих подельников.

– Я слыхал, что "суки" на БС сидят?

– Да, на седьмом корпусе полно всяких насильников, крыс, сук, трансвиститов, шерстяных и прочих. Там есть и порядочные, но они в отдельном крыле сидят, и с нами дорогу держат. А так, ссученные, крысы, и шерсть – все на централе останутся, будут, как эти козлы нам передачки давать, да продол мыть.

– А чем отличается "козёл" от "быка"? – Боря решил разобраться с тюремным жаргоном полностью.

– Когда я был первоходом, всех красных объявляли козлами. Потом выяснилось, что от многих из красных есть польза. И получалось, что козлы – это те, кто совершает что-то "блядско-гадское". Например, водит зеков под конвоем, открывает локалки, хату своим ключом открывает, к телефону подходит ментовскому и тому подобное. А если ты носишь баланду, а по баланде ещё и передачки делаешь, там малявы передаёшь кому-либо. Тогда ты получается просто "красный", но уже не "козёл". Для таких и придумали слово "быки". Но рога-то у всех есть и у козлов, и у быков. Так что одеть рога можно, став баландёром, дневальным, завхозом, нарядчиком, или просто "хозбандитом".

– Короче, я не зря отказался подписывать "хозбанду"?

– А тебе предлагали?

– На карантине.

– Правильно отказался. Лучше в лагерь поехать, и там на промку устроиться, или на швейку. Будешь мужиком. А то, что на Централе был дорожником, там тебе обязательно зачтётся.

После этого разговора начался вечерний просмотр футбола. Английская Премьер-Лига. "Арсенал" против "Лестера". А после футбола Боря и Снайпер пошли по своим окнам с решётками настраивать дорогу. Митяй же лег на шконку. В понедельник его забирали на этап – уже пришла бумага с распоряжением "с вещами" именно в понедельник – и предстояло длительное прощание с остальными арестантами девяносто восьмой камеры. Он даже за свой счёт поставил чифир, чтобы за день до этапа его выпить. Вот так проходят проводы в тюрьме. Главную миссию свою тюремную Митяй выполнил. Научил настраивать дорогу двух новеньких арестантов.

Утром Боря заснул перед проверкой. Разбудил его голос с продола:

– Пахомов!

Боря еле разлепил глаза, чтобы ответить:

– Да, старшой. – Получилось как-то вяло, как с похмелья: "Д-та, стршй".

– Чё, такой голос? – спросил уфсиновец с явным подозрением на Борю. – Брагу пил, что ли ночью?

– Нет, старшой. Футбол смотрел.

– Понятно. По сезону!

Боря впервые в жизни слышал такую команду, и стал суетливо собираться. Ему помогли одеться, а Митяй сказал: "Уж не забирают ли тебя, как меня в другую тюрьму?". Но команда "по сезону" означала не окончательный выезд из хаты, а временный в город. То есть после выезда, он должен был ближе к вечеру вернуться. "А ведь ночью ещё надо на дорогу выходить. – Подумал Боря. – Митяю хорошо, он хотя бы одну ночь спал. А я-то не знал, что сегодня выезд".

Из хаты вывели обоих и Митяя, и Борю. Повели на первый этаж, и завели на ту же сборку, в которой Боря был в первый раз, когда только что оказался в Бутырке. Вместе с ним сидел человек, чьё лицо Боре показалось знакомым. Но где его он видел, вспомнить не мог.

– Есть сигареты? – К Боре подошёл какой-то старый арестант, весь в наколках. Судя по внешности, он настолько не первый раз сидит, что бывал в тюрьмах даже при Советской власти.

– Конечно, есть. – Ответил Боря, повторяя знакому процедуру, что уже была на свиданке. – Держи пачуху, я сам не курю. Смотрящий дал на случай, если у кого нужда в дороге будет.

– Душа. – Поблагодарил его зек, не ожидавший такого подарка. – В какой хате сидишь?

– Девять-восемь. – Отчеканил Боря свой заранее приготовленный ответ.

– У вас там Бур за хатой смотрит?

– Да. А ты откуда знаешь?

– Так, у меня номер тэшки есть его. Вечерком шуманю, поблагодарствую. А ты тоже, красавчик, сам не куришь, для других берёшь. Обязательно зачтётся. Что за беда у тебя?

– Сто шестьдесят первая, первая.

– Кого-то грабанул, что ли?

– Да. "Макдоналдс".

– И что? Много взял?

– Около сотни.

– Так больше сотни или меньше.

– Меньше.

– Если меньше, то понятно почему первая. Потому что если бы ты больше сотни взял, то была бы вторая часть. Сотня – грань в твоей статье, которая переводит её в другую часть, более суровую. Я думаю, тебе года два дадут, не больше.

– А следак говорил, что грань – сто двадцать тысяч.

– Может быть. Не буду спорить. Наверное, инфляция. Изменилось всё. На продлёнку едешь?

– А я не знаю даже. Не сказали.

– Скорей всего на продлёнку. Ща тебе дадут ещё два месяца, чтобы перед новым годом не выпускать, а после праздников делюгу закроют и в суд передадут.

– Так я же ещё не отсидел два месяца.

– А какая разница? Они заранее продляют обычно.

– А ты из какой хаты?

– Я на строгом корпусе сижу. У меня особо опасный рецидив, на этот раз скорей всего пожизненный дадут. Делюга моя уже два года длится и никак в суд дело не передадут.

– Много ходок уже?

– Сбился со счёту после десятой. Так всё по мелочи было. Да никак больше двух лет на воле побыть не получалось. И по сто шестьдесят первой тоже сидел, отбывал на химии.

– А что такое химия?

– Колония-поселение. Самый мягкий режим. Там все работают. Все мужики, и ты толком не отбываешь наказание, а я бы сказал деревенской жизнью живёшь.

Тормоза открылись. Зашёл старшой с карточками и объявил:

– Так! (пауза). Пахомов и Климов.

Оба отозвались. Причём на "Климова" отозвался тот самый зек, которого, как показалось Боре, он где-то уже видел. Оба вышли за дверь на продол, чтобы поднять руки для обыска.

– А что, сухой паёк нам не полагается? – Спросил Климов.

– Судовые весь сухпай забрали – отозвался старшой. – Ничего не осталось. Так что придётся потерпеть до хаты. – Он оторвался от них и крикнул другому старшому: – Выводи их на улицу, машина ждёт же.

На них обоих надели наручники. Всего один комплект. И повели на улицу. Перед выходом, надо было в окно отчитаться куда поехал. Первым подошёл Климов.

– Докладывай – раздался голос из окна.

– Подследственный Климов Александр Вячеславович. Статья сто пятая через тридцатую.

– Куда поехал?

– К следаку.

– Понятно. Следующий.

– Пахомов Борислав Григорьевич. – Отозвался Боря.

– Ты подследственный или подсудимый?

– Подследственный.

– Так и говори, что ты подследственный. Или обвиняемый. Тоже к следаку едешь?

– А я не знаю, мне не сказали.

– Скорей всего к следаку, раз вас вдвоём в одну машину садят.

Их передали каким-то другим сотрудникам. Те, не особо церемонясь, обоих пихнули в газельку.

– Одного туда, другого в боксик – скомандовал один из них.

– Старшой, я со всеми еду! – Возмутился Боря, который знал, что в боксиках едет только всякая арестантская нечисть: козлы, педерасты, стукачи и им подобные.

– Слышишь меня, я тебе не старшой! – В грубой форме ответил ему "командир" с тремя звёздами, как у старшего прапорщика. – Ты здесь будешь делать только то, что я тебе сказал. И если я говорю едешь в боксике, значит поедешь в боксике!! Понял?

– Да, ладно тебе! – Вступился за Борю другой мент. – Если хотят пускай едут вместе в задней хате. Там на три человека рассчитано.

Полицейский отступил. А Боря впервые услышал разницу в разговоре между уфсиновцем и обычным ментом. Как было приятно разговаривать с одними, и как мерзко с другими.

Боря поехал в одном "стакане" с Сашей Климовым, которого он всё-таки где-то уже видел. Мысль об этом не покидала Борю.

Арестант Климов достал сигарету, засунул её между зубов, и тут оказалось, что спичек у него нет. Он попросил у Бори спичек, но тот ответил: "Извини, не взял". Тогда он громко крикнул:

– Старшой. Дай закурить!

– Не кури в машине. – Это был второй полицейский, который не против был зваться «старшой». – Доедем, на улице покуришь.

– Ну, старшой, дай огоньку! Ну, будь человеком.

– Я тебе сказал, не кури в машине. Сейчас доедем, выведем тебя на улицу, там и покуришь заодно.

– А как курить в наручниках?

– Вдвоём тебя держать будем, пока куришь. Не сбегишь, не переживай!

Слово "сбегишь" немного напрягло Борю. Насколько он помнил, по правилам русского языка должна буква "ж" быть в этом слове. Однако, жители регионов близ украинской границы, очень часто говорили именно так, как сказал сотрудник, который ехал в салоне газели вместе с обоими арестантами.

Их привезли в Тверское ОВД. Знакомые для Бори места. Он даже с тоской посмотрел на Совет Федерации, располагающийся рядом с отделением. Именно здесь заседают президенты республик, губернаторы краёв и областей, которые утверждают поправки к законам, разработанные Госдумой. Боря уже знал о законодательной системе многое. Да и Госдума, если не подводят воспоминания о прогулках здесь находится неподалёку. На улице Охотный ряд, которая пересекает Большую Дмитровку, на которую их привезли.

Их в наручниках завели в дежурную часть, в тот самый обезъянник, в котором у Бори началась арестантская жизнь. На входе конвойный полицейский вспомнил, что обещал дать Климову закурить, и достал зажигалку, чтобы тот начал дымить.

– Не надо, чтобы они здесь курили, ты чего? – Хотел было остановить его один из местных полицейских.

– Да, ладно, жалко тебе что ли? – Вступился за арестантов конвойный. – Ну, посмолят малёхо, чего тебе?

Пока они спорили, Александр жадно глотал куски табачного дыма, словно понимал, что вряд ли получится докурить. Но "тормоза" закрылись, и в уже знакомой камере оба зека расположились для разговора.

– Я слышал на сборке тебе смотрящий сигарет дал на дорогу, а ты не куришь, так?

– Ну да, если есть нужда, возьми себе пачуху!

– От души. – Климов предпочитал благодарить именно таким выражением. – Меня Саша зовут. Можешь Клим называть, как фамилия моя.

– Брюс – представился в ответ Боря.

– Где сидишь?

– В Девять-восемь.

– А! С Буром, да? – Почему-то при упоминании номера хаты, почти все зеки в первую очередь вспоминали смотрящего. Видимо это тоже один из арестантских законов, входящих в А.У.Е.

– Да. Он у нас смотрящий.

– А я тебя видел, кажется. Ты здесь в этой хате сидел, когда меня привезли сюда. Помнишь, я буянил всю ночь?

Тут только до Бори дошло, где он видел Климова. Или Клима. Когда его вели к следователю давать объяснения, он видел Клима сидящего в "стакане" и громко на всех орущего. Вот так встреча!

– А почему нас вдвоём привезли сюда?

– Наверное потому, что наши дела один следак ведёт. Петренко Лёша. Я здесь у бабёнки одной жил. Как жена она мне получается, только мы не расписаны. Выпили, поругались, и я случайно ножом её задел. Вот и привезли меня сюда в связи с этим. Статья сто пятая. Она оклемалась, поэтому через тридцатую.

– А как понять "через тридцатую"?

– Есть такая статья в уголовном кодексе. Номер тридцать. "Неоконченное преступление". То есть, когда ты собирался совершать, но не совершил. Вот моя, когда это всё произошло, написала на меня заявление. А потом передумала, да поздно уже. Теперь вот передачки мне носит. "Ресторан" на меня заказывает, чтобы я баланду не ел. Конечно, приятно, но всё же мне не западло баланду есть.

– А я "Макдак" ограбил. Да только взяли меня сразу на улице с деньгами.

– А как ты ограбил?

– Зашёл с пустым стволом, пневматом. Направил его на кассиршу, и сказал: гони деньги. Та испугалась, всё отдала. А на улице менты стояли, спрашивают "Куда это вы, молодой человек?". Потом привезли сюда, и в ту же ночь я познакомился с Алексеем Сергеевичем.

– Лёха – нормальный мент, один недостаток – всех под стражей держит. Никаких там подписок о невыезде, никаких домашних арестов, прочей ерунды. Только содержание под стражей. Я уже узнавал о нём. Ещё и Тверской суд. Всех сажают, никому условно не дают. Жесткие они. Я первый раз в Воронеже привлекался, за грабёж как раз, тогда условно дали. А вот теперь реально привлекаюсь. Кажись "шестёрку" дадут. Я же всё признал.

Их размышления прервались, когда в камеру открылась дверь, и на продоле стояли те же самые конвойные, что везли их в машине. Им велели подниматься, и выходить на улицу. Разумеется, в наручниках и в сопровождении. Их посадили обратно в ту же самую машину и повезли. Как выяснилось в ходе разговора, оказывается, Алексей Сергеевич не может приехать в ОВД "Тверское" и решил следственные действия проводить у себя в кабинете. Машина остановилась, и конвойный, который всё это время находился в салоне, с одним наручником вывел Климова на улицу покурить. Как ни странно тот даже не собирался бежать. Боря ожидал, что как во всех известных фильмах про тюрьму, обязательно сделает попытку скрыться, даст в морду старшому, отстегнёт наручник. Но нет. Саша спокойно покурил на улице, затем его привели обратно в "стакан" газельки.

– Спасибо, старшой. – Только и сказал тот. Вот как, оказывается, устроена настоящая жизнь, отличная от фильмов. Они сидели так около часа. Дверь в салон газели была открыта. На улице зима. Самое начало декабря. Холод мешал разговаривать, да и мыслей особо не возникало для разговора. В салон влетел один из конвойных с криком "Пахомова выводи". Боря понял, что его поведут первым, приготовился. Саша же напутственно проговорил Боре: – Давай, брат! Удачи тебе!

– Спасибо. – Ответил Боря и протянув руки для наручников, вышел из салона. Он был обут в осенние ботинки, и поэтому, ступив на декабрьский гололёд, слегка поскользнулся. Его удержали конвоиры, и с иронией спросили:

– Что с тобой? Бежать хочешь?

– Да нет. Скользко просто.

– А! Ну, ты осторожнее ступай.

Вот так, держась за конвоиров, он доковылял до крыльца, а после его шаг стал увереннее и по коридорам следственного комитета он уже шёл, с интересом разглядывая плакаты на стенах.

– Первый раз у нас, на Петровке? – Спросил его конвоир.

– Первый, если не считать ИВС.

– Нет. ИВС не здесь находится, он дальше, где тридцать восьмой дом. А здесь Петровка, девятнадцать. Следственный комитет.

Его привели в кабинет, где уже за столом сидел следователь, а на стуле подле стола восседал адвокат. Алексей Сергеевич поприветствовал Борю:

– Привет! Садись, Боря, куда-нибудь. – Он слегка кашлянул, выпроводил конвой в коридор, и добавил: – Покури пока. Сейчас конвойные каких-нибудь понятых приведут для опознания. Двое кассиров и менеджер уже приехали, их завели пока в соседний кабинет, специально, чтобы они тебя не видели.

– Я и так сижу, можно я присяду лучше? – Поправил следака Боря.

– Ах, да. Я забыл про этику общения с вами. Присаживайся, Борислав Григорьевич. – Изменил формулировку следователь. Залпом выпил чашку кофе, закурил сигарету, и ни к месту задал вопрос: – Борь, а ты в армии служил?

– Нет, Алексей Сергеевич.

– Плохо. Надо служить.

– А вы служили? – Поинтересовался у следователя адвокат.

– Да, Виктор Фёдорович. – Ответил ему Петренко. – Я служил во внутренних войсках. Сразу после школы, как восемнадцать исполнилось, в армию пошёл. После армии в милицию устроился работать. На юрфак поступил, совмещая работу и учёбу. Потом с помощником следователя совмещал на старших курсах. Окончил юрфак, стал следователем.

Вот так вкратце оказалось следователь не против был изложить свою автобиографию. Дополнил он её вопросом:

– А ты почему не служил, Боря?

– Не знаю. Не годен оказался. Хотя я специально не косил от армии, хотел в университете на военную кафедру пойти. Но в восемнадцать лет мне военный билет вручили, а для "военки" нужно приписное свидетельство.

Когда конвойные привели понятых и подставных, разговор перешёл в более серьёзное русло. Следователь на скорую руку отксерокопировал паспорта понятых и подставных, попросил вторых присесть рядом с Борей. Интересная деталь во внешности подставных, что они были чем-то похожи на Борю. Как удалось конвойным подобрать таких? Ведь даже не каждый прохожий соглашается участвовать в таких делах, на что имеет полное право. Их ведь милиция не заставляет соглашаться? После того, как все обязательные мелочи были утрясены, Алексей Сергеевич начал своё обращение к подставным:

– Уважаемые, граждане. Мы Вас попросили поучаствовать в следственном мероприятии, под названием "опознание" в качестве псевдо-грабителей. Так называемых подставных. Сейчас сюда приведут свидетелей ограбления, которые должны будут на кого-нибудь из вас указать. Перед вами на соседнем стуле сидит настоящий уголовник, которого обвиняют в совершении преступления. Он ограбил "Макдоналдс". Внешне вы на него немного похожи, поэтому работники указанного заведения могут ошибиться и указать на Вас. Большая просьба, ни глазами, ни выражением лица себя не выдавать. Представьте себе, что вы тоже совершили ограбление. И ещё. Мы всегда проводим опознание, и садим преступника посередине между подставными. Я предлагаю сегодня нарушить традицию, и посадить обвиняемого с краю. Возражений нет? Ну, и хорошо. И, да. Как видите, обвиняемый пристёгнут к стулу наручником. Это обстоятельство может сбить с толку сотрудников "Макдоналдс". Поэтому я предлагаю понятых пристегнуть аналогичным образом к стулу. Вы имеете право отказаться от этого, в таком случае мы вынуждены будем снять с наручника обвиняемого, но тогда мы не гарантируем его адекватного поведения. Вдруг он набросится на свидетелей, на меня или на вас. Так что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.